

Валентин Богатырев: «2014: Политические процессы»

Валентин Богатырев: «2014: Политические процессы»

22.01.2014

Предлагаем вниманию читателей текст выступления на Круглом столе IPP 22 января 2014 года Валентина Богатырева, руководителя аналитического консорциума «Перспектива».

О 2014 годе говорить очень легко, поскольку в политическом смысле он будет достаточно простым.

И прежде всего потому, что политические тренды будут задаваться главным образом внутренними обстоятельствами. Это не значит, что не будет внешних влияний, возможно даже серьезных, о них, как я понимаю, скажет Муратбек Сансызбаевич. Но эти внешние обстоятельства будут скорее порождать консолидацию национальных элит, чем обострять их противостояние.

Внутри же страны политические процессы в 2014 году будут определять два основных фактора: предстоящие выборы в Жогорку Кенеш и нарастание оппозиционного потенциала вследствие действий власти.

Сначала о самом понятном и простом: о разворачивающейся предвыборной передиспозиции.

Первой ее посылкой является тот факт, что нынешние парламентские партии, причем без исключения, хотя и в разной

степени, но растеряли свой электоральный ресурс. Причем, если в случае с СДПК это понятно: правящие партии редко набирают рейтинги, то все остальные либо полностью развалились в политическом смысле и как организации, либо понесли существенные репутационные потери, либо и то и другое.

Не лучше картина и за пределами круга парламентских партий. Наиболее заметны там «Замандаш-Современник» и «Улуттар Биримдиги», но обе они имеют серьезные проблемы, не позволяющие надеяться, что в нынешнем своем состоянии эти партии способны попасть в парламент.

Таким образом, для всех тех людей, которые сегодня инкорпорированы во все, кроме СДПК, политические партии, сегодня стоит один вопрос: с какой партией идти на парламентские выборы. Понятно, что выбор идет вовсе не между идеологиями и программными позициями партий, и даже это не выбор приятной компании.

Вопрос стоит жестко: какая из партий сможет пройти в Жогорку Кенеш, или если из субъектного ракурса: в список какой партии надо попасть, чтобы оказаться депутатом.

Еще одно важное обстоятельство формирует процесс политической переконфигурации: острая необходимость смены политических элит. Об этом очень много говорится в последнее время. И это не вопрос моды или чьей-то прихоти. Все проблемы страны имеют своим основанием качество элит: политических и, более широко – управленческих. Разработка и реализация идей, политик и даже управленческая функциональность сегодня не обеспечивается ни интеллектуальным потенциалом, ни мотивационными основаниями,

ни моральными установками подавляющего большинства управленческого корпуса страны.

Нередко приходится сталкиваться, и это не только моя оценка, но и мнение внешних экспертов, с тем, что люди, занимающие очень высокие посты в управлении, не в состоянии даже понять, о чем с ними говорят специалисты в тех сферах, которыми эти люди вроде бы управляют.

Это результат многих обстоятельств, но не в последнюю очередь схлопывания политического и управленческого пространств в результате, например, примитивно понимаемой и не менее талантливо реализуемой системы квот на назначение для политических партий.

Но вряд ли будет достаточным возлагать всю вину только на саму эту систему, нередко проблема в том, что партиям попросту не из кого подбирать свою кадровую скамейку, поскольку кадровый потенциал самих партий крайне беден. И это вполне закономерно для партий многолетних лидеров, или партий-однодневок, партий-выборных корпораций. Никто в них заниматься кадровой работой не будет.

Кризис кыргызской партийной системы, в котором она, очевидно, находится, может быть разрешен только за счет появления другого типа партий и связанной с этим смены политических элит.

Поэтому существует еще одна важная интенция партийной реконструкции и повестки дня 2014 политического года – попытка

создать все-таки реальную и эффективную партийную систему взамен той квазипартийности, которая у нас сегодня есть.

Такая попытка, очевидно, будет предпринята. Сегодня идут не только активные консультации «старых» политиков и партий, но и формируются новые партийные команды, готовые вступить на политическую арену, в том числе объединяющие либеральную молодежь, националистические, в хорошем смысле этого слова, круги и так далее.

Особую пикантность всему процессу партийного строительства и партийной перестройки придает фактически уже начавшаяся борьба за постатамбаевское президентство. Всем понятно, что выборы в Жогорку Кенеш 2015 года создадут политическую площадку, условия и точку старта для следующих президентских выборов и основные игроки, люди, имеющие президентские амбиции не могут не увязывать достижение этой своей перспективной цели с необходимостью иметь достаточно высокий политический статус после парламентских выборов.

Теперь об оппозиции. В нашей истории еще не было примера того, чтобы оппозиция смогла привести страну к смене власти, всегда, без исключения, это делала сама власть.

Тому есть немало причин, но главная в том, что у нас всегда отсутствовало и сейчас отсутствует альтернативное видение страны, ее развития, оформленное как идеология оппозиции. Вершиной и единственной попыткой сформировать такое видение была конституция Текебаева, то есть достаточно умозрительная конструкция, имеющая очень мало связи с реалиями кыргызского социума. Тем не менее, это была единственная попытка такого

рода. В основном же оппозиция всегда паразитировала, набирая силу на ошибках власти и пополняясь обиженными, оставшимися не у дел политиками.

Нынешняя ситуация ровно такая же.

К несчастью для оппозиционеров, Атамбаев делает пока мало ошибок, во всяком случае, недостаточно, чтобы обвинить его в чем-то серьезном. Поэтому необходимого протестного ресурса собрать не удастся. Пока не имеют успеха и попытки найти доказательства коррупции, либо других пороков в ближайшем окружении президента. Все не больше чем на уровне слухов.

Всем также понятно, что ошибки правительства, какими бы они не были, либо даже коррупция в правительстве, мало сказываются на репутации президента и для него не будет большой потерей, если правительство уйдет в отставку. Отставка правительства, о которой говорят оппозиционеры, скорее рассматривается как возможность для нового должностного торга, чем как ослабление Атамбаева.

То есть пока нет каких-либо серьезных зацепок, позволяющих поставить в оппозиционную повестку дня вопрос о самом Атамбаеве. Кроме темы концентрации власти, обвинений в том, что все решается в одном кабинете. Но тут неизвестно, кто больше виноват: президент ли, или сами оппозиционеры. Нельзя одной рукой обвинять Атамбаева в перетягивании одеяла на себя, а другой самим же отдавать ему такую возможность в обмен на теплые коалиционные кресла и связанные с ними должности. И мне кажется, что такая ситуация будет продолжаться вплоть до начала парламентских выборов.

В таких случаях, когда прямых поводов для оппонирования нет или недостаточно, как правило, в ход пускается последнее оружие – национализм. Существует две темы, которые дают оппозиционную эффективность: внешний враг и внутренний враг.

Ситуация, когда все в чем можно обвинить Атамбаева во внешнеполитическом плане – это рост зависимости от России, свидетельством которого является вступление в Таможенный союз, прекращение работы Центра транзитных перевозок и продажа «Кыргызгаза», – эта ситуация создает очень мало возможностей для оппозиции. Просто потому, что выступать против российского вектора она решается только в крайнем случае, когда уже известно, что не сегодня-завтра посадят за коррупцию.

Всех внутренних врагов вроде тоже в июне 2010 года победили. Остается только ресурсный национализм, протест против всех этих иноземцев, которые грабят наши богатства, возможности для чего предоставляет им, конечно же, власть. Здесь также, правда, все избирательно, протестуют только там, где не опасно и где понимают, что если власть возьмется защищать инвесторов, то будет набирать на этом негатив. Канадцы с Кумтором очень удобны для этого, не говоря уже о китайцах.

Поэтому мы и видим, что в качестве основной темы, на которую опирается оппозиция, служит Кумтор.

А в силу того, что абсолютно все в стране уверены, что каждая из этих тем не обошлась без коррупции самой власти, правительство и президент выбрали в отношении их стратегию компромисса. Они не могут однозначно и твердо заявить, что надо, например, прекратить спекуляции на Кумторе. Стратегия же компромисса в случае, когда политическими оппонентами

используется национализм, всегда приводит к слабой позиции власти. Если только она не становится сама еще большим националистом, чем ее противники.

Однако произвести протестную политизацию общества на Кумторе крайне трудно. Во-первых, потому, что большая часть общества хотя и думает, что без коррупции здесь не обошлось, но прекрасно понимает, насколько негативными будут последствия национализации. Если только она вообще будет возможна. А во-вторых, для большинства страны Кумтор – это где-то далеко, непосредственно их не касается, и убедить людей в обратном будет крайне сложно.

Поэтому, стратегия оппозиции, опирающаяся на проблему Кумтора достаточно слабая, даже если в село Саруу съедутся все революционеры из этого боевого рода. На этом можно, ну, снять правительство, поиграть в Жогорку Кенеше, попытаться поправить свою подмоченную политическую репутацию, не более. Это понимают и сами оппозиционеры. Но, видимо, в отсутствии и ожидании серьезных ошибок власти, не могут придумать пока ничего более сильного.

Куда более серьезными рисками чревата борьба с коррупцией. Причем здесь придется идти по тонкому лезвию. С одной стороны, если сажать действительно всех коррупционеров, то это будет большинство нынешней политической элиты, в том числе, прикрепившейся в стане Атамбаева. Можно остаться вообще без союзников в окружении сильных врагов. К тому же, не у всех так слаба родственная поддержка, как у нынешних сидельцев. Решится ли пойти на это Атамбаев – это вопрос политического балансирования и времени.

Если же ограничиться только наиболее одиозными фигурами, да еще и только из числа политических противников, то здесь можно быть обвиненным в избирательности, затем – преследовании политических оппонентов, узурпации власти, и так далее, к чему дело активно шло до отстранения Исы Омуркулова. И сегодня эта тема не закрыта, и арестами каракульджинских судей и прокуроров отделаться не удастся.

Но я полагаю главной угрозой политической стабильности ту политическую стратегию, которая выбрана для Атамбаева.

Политическая устойчивость вообще бывает двух видов: (1) основанная на доминировании стратегии сотрудничества политических сил и (2) основанная на жесткой диктатуре. То есть всегда необходимо расширять пропозиционное поле, чтобы обеспечивать большую стабильность.

Когда же в отсутствие жесткой диктатуры реализуется и доминирует стратегия противостояния и уничтожения политических оппонентов, то не надо надеяться на какую-либо политическую стабильность. Умные политики делают так только в строго определенное, очень короткое время и для решения политических задач в определенных условиях, например, сразу после революций. Затянувшаяся борьба с врагами, и тем более, когда она становится основной политической стратегией – наносит только вред. Если, конечно, не выбрана стратегия на установление диктатуры.

Не думаю, что имеют под собой основания обвинения Атамбаева в таких целях и такой политике. Однако продолжение стратегии политического противостояния, деления политической элиты на

«своих» и «врагов», особенно с позиции президента страны, несет большие политические риски.

Я, например, не считаю «победой» президента итоги выборов мэра в Оше. Во-первых, по сути дела малозначимый пост мэра пусть и крупного, но провинциального города, превращен в чуть ли не стратегическую политическую высоту. Никто вообще раньше не знал имен мэров Оша и не знал бы имени и Мырзакматова, если бы не развернутое, как я понимаю, выходцами с юга из окружения президента, противостояние, «борьба» с ним. По сути дела президент оказался втянут в разборки южных элит между собой. И еще неизвестно, что он получил вместо Мырзакматова. Мне кажется, что только новую головную боль. Не говоря уже о том, что мы как бы увидели модель выборов 2015 года, своего рода репетицию. И она не вызывает никаких симпатий.

Я умышленно не говорю ничего о возможных в течение года развале коалиции, смене правительства. Просто потому, что даже если что-то из этого произойдет, то в политическом смысле ничего не поменяется. Вместо этой мы получим другую пропрезидентскую коалицию, вместо этого правительства мы получим другое столь же послушное и столь же малополезное правительство.

Существует, конечно, и возможность досрочных парламентских выборов. Но ее вероятность становится все меньше. Собственно говоря, сейчас осталось только два реальных и одно теоретическое основания для такого сценария. Теоретическое – это если коалиция рассыплется, а новую Жогорку Кенеш не сможет создать в установленные конституцией порядке и сроки. А реальные – в случае, если Жогорку Кенеш не поддержит правительство в вопросе о Кумторе, и будет поставлен и решен не в пользу правительства вопрос о доверии, а также в случае,

если президента убедят, что досрочными выборами легче обеспечить победу, что правда. Вероятность и того и другого я бы оценил ниже 50 процентов.

Все сказанное выше не отменяет сезонных политических обострений, которые происходят у нас независимо от реальной политической ситуации. Это скорее психологический, чтобы не сказать психиатрический феномен кыргызской политики. Поэтому скучно не будет, но и серьезных изменений ждать не стоит. Если, конечно, еще раз повторю, сама власть не создаст себе проблемы.

Данный Круглый стол был проведен в рамках проекта «Повышение потенциала по предотвращению конфликтов в Кыргызстане» при технической поддержке Посольства Великобритании в Кыргызстане.

Материалы публикации не отражают официальную точку зрения Посольства.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

Саламат Аламанов: «2014: Пограничные вопросы»

Саламат Аламанов: «2014: Пограничные вопросы»

22.01.2014

Предлагаем вниманию читателей текст выступления на Круглом столе IPP 22 января 2014 года Саламата Аламанова, заведующего отделом географии ИГ НАН КР.

Конфликтные события, наблюдавшиеся в прошедшем году на границах Кыргызстана с Узбекистаном и Таджикистаном, подтверждают наши прежние оценки о том, что на переговорах по делимитации государственных границ полномочия правительственных делегаций, работающих на основе директив, в существенной степени исчерпаны. Уровень взаимопонимания и взаимного доверия достиг самого низкого значения.

Так, по информации представителя правительства КР на переговорах, после возобновления переговорного процесса с РУз с 2011 года по настоящее время проведено 8 заседаний на уровне правительственных делегаций, по итогам которых не было описано и утверждено ни одного километра государственных границ. Сейчас на государственной границе не определено 56 участков.

По делимитации государственной границы с РТ за два последних года проведено 7 встреч делегаций, 14 встреч топографо-землеустроительных рабочих групп и 5 встреч рабочих групп по правовым вопросам. За этот период согласовано и описано 64,2 км, из них утверждено на уровне правительственных делегаций лишь 15,8 км. Описано на уровне топографо-землеустроительных рабочих групп 48,4 км. Значит, даже частые встречи не свидетельствуют о результативности переговоров.

На фоне этой статистики тревожным сигналом должны стать факты эскалации приграничных конфликтов. Так, если за 3 последних года на кыргызско-узбекской границе произошел 31 инцидент с применением оружия, в которых погибло 5 и ранено 10 кыргызстанцев (экс-глава ПС КР К. Матенов), то в период с

января по октябрь 2013 года в приграничных районах Кыргызстана зарегистрирован 41 конфликтный случай (замминистра ВД КР К. Асанов). При этом на границе с Таджикистаном произошло 28 конфликтов, Узбекистаном – 12, Казахстаном – 1. Было возбуждено 7 уголовных дел.

Кульминацией негативного развития приграничных отношений стала «январская перестрелка» пограничников Таджикистана и Кыргызстана в окрестностях анклава Ворух. Также надо отметить широкое вовлечение в конфликты пограничников, которые призваны устанавливать и соблюдать порядок на приграничных территориях.

Каковы причины возникновения конфликтов? Что является главным их источником?

Основная причина, по признанию практически всех специалистов и аналитиков, – неопределенность линии государственной границы, незавершенность процесса ее делимитации. Этим обстоятельством создаются условия для произвольного обвинения сторонами друг друга в незаконном использовании земельных и водных ресурсов (выпас скота, строительство домов, вырубка леса, сооружение коммуникационных и ирригационных систем, забор воды и так далее.). Пока отсутствуют правовые основания для обеспечения территориальной безопасности государства и его целостности, такие конфликты, к сожалению, неизбежны.

Прошедший год еще раз подтвердил, что ключевыми проблемами при решении вопроса прохождения линии границы с Узбекистаном и Таджикистаном являются проблемы определения линии границы в районах анклавов. Как известно, внутри Кыргызстана находятся

четыре анклава Узбекистана (Сох, Шахимардан, Чонкара-Галча, Таш-Тепа), два анклава Таджикистана (Ворух, Кайрагач (Курук-Сай)). В пределах Узбекистана расположен анклав Кыргызстана Барак, анклав Таджикистана Сарваксай. Главное противоречие состоит в притязаниях сторон на значительные по площади территории, расположенные в нижней части анклавов Сох и Ворух. Учитывая, что эти земли, превышающие по площади суммарную площадь нынешних анклавов, всегда были во владении хозяйств Кыргызстана и никогда не использовались сообществами соседних республик, нельзя даже предполагать, что кыргызская сторона может уступить эти земли. Соглашение о режиме анклавов – наиболее приемлемый вариант решения вопроса.

Поскольку аргументы сторон на переговорах по несогласованным участкам, основанные на документах, не убедительны друг для друга, по нашим оценкам вопрос может решиться только на самом высоком уровне, посредством принятия политического решения. В свое время мы позитивно оценили поручение руководства делегациями вице-премьер-министрам, по взаимному согласию Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Время показало, что эти меры в настоящее время недостаточны.

Еще раз напомним о выстраданном человечеством мировом опыте, который свидетельствует о том, что единственным конструктивным путем решения спорных пограничных вопросов, подобных нашим, являются переговоры на основе взаимного уважения, на принципах равноправных консультаций и взаимных уступок. Немаловажными обстоятельствами позитивного развития переговорного процесса по границам являются его стабильность, подготовленность сторон к переговорам с конструктивными предложениями, поиск при встречах не противоречий, а компромиссов и взаимных выгод с убедительными аргументами. Выполнить эти условия чрезвычайно трудно, но сделать это чрезвычайно необходимо.

В настоящее время для разрешения пограничных проблем существенное значение имеют два обстоятельства, которые кратко можно сформулировать следующим образом. Это, во-первых, готовность и подготовленность должностных лиц сопредельных государств, имеющих конституционное право для принятия политических решений по международным границам, к конструктивным взаимовыгодным шагам. В политических реалиях нашего региона такие решения могут принимать президенты государств, уполномоченные на это нормами Конституций. Подготовку позиций государства для президента должны выполнять соответствующие структуры правительства.

Официальные заявления президентов названных стран позволяют надеяться, что они найдут взаимовыгодные решения данных проблем. В нынешней ситуации необходимо реальное ускорение процесса юридического оформления госграниц, а не декларативные заявления об этом. При выстраивании переговоров необходимо иметь в виду, что этот процесс не должен иметь ультимативную форму, а должен основываться на предложениях различных вариантов взаимовыгодных решений. Надо признать, что компромиссы – единственный оптимальный путь решения спорных вопросов по прохождению линии границы между государствами. И надо быть готовым к тому, что реакция населения с двух сторон границы по компромиссным решениям будет негативной – за эти решения надо нести большую ответственность.

Во-вторых, общественность нашего региона должна понять, что при сохраняющихся условиях неопределенности границ конфликты и инциденты в приграничных районах, к сожалению, неизбежны. При этом следует признать, что большинство из них случается не по злому умыслу гражданских лиц и пограничников. Основная причина – это отсутствие правовой культуры взаимоотношений на приграничной территории, понимания правил поведения на границе и в прилегающей к ней зоне. Из-за этого необдуманный поступок

жителя приграничья, незаконно пересекающего чужую границу при решении своих повседневных житейских вопросов, жестоко наказывается пограничником соседней страны, ориентированным командирами только на силовое пресечение нарушения правил. Поэтому просветительская работа среди жителей приграничных территорий с разъяснением новых реалий в регионе, связанных с разделением СССР на самостоятельные государства, приобретает большой практический смысл. Повторяющиеся инциденты на границах доказывают, что разъяснение понятий о государственной границе, государственной территории, суверенности государства, обучение людей поведению в приграничье приобрели политическое значение. Эти мероприятия должны выполняться как государственными органами, так и экспертным сообществом

Немалую роль в дестабилизации обстановки в приграничье играют некомпетентные выступления и комментарии отдельных лиц, иногда занимающих государственные должности на местном уровне. Зачастую они нацеливают жителей приграничных территорий на конфликт. Масштабы отдельных конфликтов зачастую наталкивают на мысль о том, что такие случаи – это не следствие самостоятельных действий местных чиновников – это пробные шаги высших компетенций, направленные для «прощупывания реакции» верхов и местного населения соседней страны.

Следует отметить заявление мэра г. Канибадам Н. Обидова, который на вопрос журналистов о его действиях в конфликте по Катта-Тузу сказал, что «администрация города не имеет права вмешиваться в приграничные дела. Для этого есть специальная комиссия на правительственном уровне». Такое понимание отношения местных властей к пограничным вопросам должно стать общепринятым правилом в нашем регионе. Но при этом надо признать неоспоримо важную роль местных властей в предотвращении или разрешении уже произошедших конфликтов. Главным в этом вопросе должно быть создание доверительных

взаимоотношений между местными государственными структурами сопредельных районов и областей.

«Январская перестрелка» этого года сильно встревожила народы Кыргызстана и Таджикистана. Из выступлений ответственных за пограничные переговоры лиц становится ясно, что конфликт возник не в один момент. Они приводят заявление одного из руководителей соседней области о том, что таджикская сторона не уступит ни сантиметра своей земли Кыргызстану, сделанное накануне этих событий. В такой неоднозначной ситуации условия строительства дороги должны были детально согласоваться на переговорах, и при достижении положительных результатов их нужно было довести до местных властей и подразделений пограничных служб и в соответствии с договоренностями командований пограничной службы организовать на этом участке совместное патрулирование.

В наступивший год перешла и другая проблема – несовершенство трансграничного водопользования. Аналитическая работа, выполненная нами в рамках задания НИСИ КР, показала, что самым слабым звеном в водной политике КР является отсутствие Национальной стратегии или Концепции по развитию водных отношений с государствами, связанными в единую гидрографическую систему Аральского моря.

Необходимо отметить, что Кыргызстану как государству, находящемуся в верхнем течении бассейнов рек Сырдарьи, Чу и Таласа, жизненно важно установить порядок использования водных ресурсов, берущих начало на территории страны. Базовым концептуальным документом для упорядочения использования водных ресурсов должна стать Водная стратегия Кыргызской Республики, основанная на том, что вода как одна из основ жизнедеятельности народа Кыргызстана, в соответствии с

Конституцией Кыргызской Республики, является собственностью государства. В качестве стратегической цели Национальная водная политика должна обеспечить гарантированное удовлетворение потребностей населения и отраслей экономики Кыргызстана в водных ресурсах необходимого количества и качества в настоящем и будущем.

По нашему мнению, в позиции Кыргызской Республики по водной политике должны соблюдаться следующие основные положения:

- Кыргызская Республика осуществляет свое суверенное право на владение водными ресурсами, формирующимися на ее территории;
- Кыргызская Республика будет принимать меры по изменению действующего в регионе межгосударственного водodelения в своих национальных интересах;
- Кыргызская Республика будет последовательно внедрять экономические механизмы управления трансграничными водными ресурсами.

Эти положения не исключают того, что Водная стратегия должна учитывать, что использование вод, принадлежащих Кыргызстану, имеет первостепенное значение для жизнедеятельности и экономики всего центральноазиатского региона. В соответствии с таким подходом должны быть установлены принципы отношений между Кыргызской Республикой и другими государствами, использующими воды Кыргызстана.

Проекты стратегических и концептуальных документов по водной политике разрабатывались Департаментом водного хозяйства и мелиорации Министерства сельского хозяйства и мелиорации КР и

Институтом водных проблем и гидроэнергетики НАН КР, направлялись в вышестоящие государственные органы, но к настоящему времени не приняты.

Для реализации водной политики Кыргызстан должен предпринимать и осуществлять следующий ряд мер и мероприятий.

Международно-правовые инициативы:

1. Продолжать инициировать разработку и принятие многостороннего регионального документа по водным отношениям.
2. Продолжать продвигать идею интегрированного управления водными ресурсами международных рек (Интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР)) всеми прибрежными государствами.
3. Должен инициировать принятие новых схем водodelения на трансграничных малых реках, стекающих со склонов горного обрамления Ферганской долины.

Развитие водного хозяйства страны:

1. Разработка и принятие Национальной водной стратегии и Концепции.
2. Развитие орошаемого земледелия:

а) до 2017 года осваивать ежегодно по 10 тыс. га орошаемых земель (в сумме 50 тыс. га);

б) в перспективе площади орошаемых земель Кыргызстана следует увеличить до 2,5 млн га, в том числе на стоке малых трансграничных рек – на 165,3 тыс. га (в частности, на водосборе р. Сох – 8 тыс. га; р. Шахмардан – 3 тыс. га; р. Исфайрамсай – 3,5 тыс. га; р. Майлисай – 4,1 тыс. га; р. Падыша-Ата – 9,2 тыс. га; р. Чу – 116 тыс. га; р. Талас – 25,6 тыс. га и т.д.).

Будет продолжаться сооружение крупных ГЭС, так как это поможет решить экономические и экологические проблемы энергетики Кыргызстана.

Согласно Стратегии развития Кыргызстана на период 2013-2017 гг. реализация намеченных задач развития электроэнергетики позволит Кыргызстану к 2017 году стать крупным производителем электроэнергии в регионе, полностью обеспечить электроэнергией население и увеличить ее экспорт в соседние страны. В ней не предусмотрено сооружение малых ГЭС, которые должны выступать в качестве проектов, содействующих большой энергетике.

Данный Круглый стол был проведен в рамках проекта «Повышение потенциала по предотвращению конфликтов в Кыргызстане» при технической поддержке Посольства Великобритании в Кыргызстане.

Материалы публикации не отражают официальную точку зрения Посольства.

Алексей Красин: «2014: Вызовы и риски в сфере государственного управления»

Алексей Красин: «2014: Вызовы и риски в сфере государственного управления»

22.01.2014

Предлагаем вниманию читателей текст выступления на Круглом столе IPP 22 января 2014 года Алексея Красина, руководителя стратегических проектов «Агентства по развитию местного самоуправления – LGDA».

Сам по себе 2014 год для Кыргызстана отмечен тенью целого ряда геополитических и региональных рисков. Упомяну только небольшой их перечень – вывод коалиционных войск из Афганистана, сворачивание транзита через базу в Манасе, коллизии вступления в Таможенный Союз и постепенное (при хорошем раскладе) сворачивание транзитной экономики, изменение миграционной политики РФ, обострение приграничных споров.

И нужно признать – состояние отечественной системы госуправления таково, что нам просто не с чем войти в «поле рисков» 2014 года. Имеющаяся в стране система госуправления

просто не «заточена» под эффективную работу на таком ландшафте. А если на этот геополитический ландшафт наложить проекции внутренних политических и экономических проблем – становится очевидно, что система госуправления нуждается не просто в реформах, но в реформах немедленных, быстрых и эффективных.

На Круглом столе, прошедшем в ИПР в конце прошлого года, посвященном его итогам, я укрупнено разделил Систему управления Государством на **три** основные, определенные нормами сферы:

1. Политическое управление страной в целом
2. Управление отраслями экономики и жизнедеятельности.
3. Административно-территориальное и региональное управление.

В рамках этого достаточно условного деления я сегодня попробую рассмотреть вызовы и риски, существующие и прогнозируемые в 2014 году в этих сферах государственного управления.

Основные **зоны рисков** в третьей сфере:

- региональное развитие и региональные элиты
- административно-территориальное устройство и его адекватность концепции регионального развития
- региональное управление и кадры

– местное самоуправление и местные сообщества

Начнем с того, что реалистичной и эффективной Концепции регионального развития, адекватной существующим вызовам, до сих пор нет.

Отсюда целый спектр **факторов**, формирующих **вызовы** самому существованию Кыргызстана:

- продолжающаяся вялая стагнация регионов,
- утеkanie трудовых ресурсов в активные внешние и внутренние экономические зоны,
- их замещение «соседским» человеческим потенциалом (Узбекистан, Таджикистан, Китай),
- замещение легальных экономических форм существования населения – квазиполитическими, серыми и криминальными.

Совершенно понятно, что существующие на сегодня административно-территориальное устройство и система управления (причём вся, а не только на местном уровне), являющиеся в основных своих принципах и процедурах взаимодействия рудиментами «советского» устройства страны, совершенно неадекватны реальности современного Кыргызстана.

Произошло это, в первую очередь, потому, что задача выращивания Элиты Нового Кыргызстана ещё на заре суверенитета была подменена формированием квази-элитарных групп – местечковых микроолигархов, псевдополитиков, окол властных группировок, и прочих безответственных за судьбу страны кругов. Понятие «соли земли», «цвета нации», культурной и

политической Элиты страны подменено «истэблишментом» в самом худшем понимании этого термина – через привилегированность, ангажированную интересами прибыли и доступа к Власти.

На полях нужно отметить, что неправительственный сектор, являющийся по сути отражением состояния дел в Государстве и Обществе в целом, страдает теми же самыми проблемами, только в несколько иной оболочке.

Кадры в регионах и муниципалитетах – вопрос особенно болезненный, состояние дел только ухудшается год от году. Бишкек, кстати, не исключение. И пока ни одна из мер, предпринимаемых на уровне страны, не смогла переломить ситуацию в этом вопросе.

Далее. В административно-территориальной сфере уже третий год заявляется существенная перестройка системы управления.

Ещё в 2012г. была сделана серьёзная заявка на реформирование административно–территориальных единиц, утверждена Концепция реформ. В это же время институт губернаторов был трансформирован в институт полномочных представителей Правительства в областях.

При этом заявлялось, что Кыргызстан «успешно» перешел от четырехуровневой системы управления к трехуровневой: правительство – местная районная государственная администрация – местное самоуправление. Весьма сомнительно, учитывая расплывчато-неполноценный статус полномочных представителей и их традиционно-привычную «губернаторскую» модель поведения и

управления – при практически полном отсутствии инструментов управления, свойственных губернаторам (например, бюджет и иерархическая вертикаль власти).

Но законопроект «Об административно-территориальном устройстве Кыргызской Республики» уже принят прошедшей осенью в первом чтении. Что очень странно, поскольку внятной Концепции нового административно-территориального устройства также нет, а формировать новую управленческую матрицу без ориентиров Будущего – наивно и бессмысленно.

Вторая сфера, отраслевая, является отражением неустроенности сферы предыдущей. Здесь можно вспомнить афоризм незабвенного генерала Лебеда: «Нынешний бардак – это такой специально организованный порядок». По некоторым экспертным оценкам, к более чем половине отраслевых госорганов (порядка 9 из 16 министерств, и примерно столько же из 24 иных органов госуправления) имеются вопросы относительно предмета и объекта управления, пересечения либо дублирования исполняемых ими функций.

А беспредметное и бессубъектное управление – и не управление вовсе, а так, синекура и профанация.

И понятно, почему с ответственностью за результаты деятельности, оптимальностью структуры и разумностью управляющих воздействий – плохо везде, от центральных органов, до местного управления.

Наиболее яркими примерами служат ситуации, когда Правительство либо не в состоянии доказать свою декларируемую с высоких

трибун причастность к улучшению ситуации в экономике, либо после двухлетней подготовки оказывается совершенно «не готово» к обсуждению условий вступления в Таможенный Союз, либо выступает в роли пожарного, пытаясь тушить конфликты в горнорудной отрасли, вместо того, чтобы их упреждать.

Здесь опять-таки можно вспомнить афоризм вышеупомянутого генерала про постсоветскую систему госуправления: «... синдром динозавра: пока сигнал от маленькой и часто безмозглой головы извилистыми путями дойдет до хвоста, его уже откусили и съели. А голова все равно продолжает поворачиваться, так как сигнала в обратную сторону не предусмотрено вообще».

То есть система громоздка, неповоротлива, малоэффективна и затратна.

В **третьей** сфере – политической, всё и весело, и грустно одновременно. Весело наблюдать за тем квазиполитическим цирком, который происходит и на площадке Жогорку Кенеша, и вокруг отраслевых назначений, и в местных «*якобы выборах*». Народ хотел зрелищ – народ их получил. Грустно – потому, что роскоши зрелищ такого типа, Кыргызстан в нынешней ситуации позволить себе не может.

Новая политическая конструкция власти (*парламентская*) подразумевает конкуренцию партийных программ – а её фактически нет ни на уровне страны, ни на уровне регионов, ни на уровне муниципалитетов. Яркий тому пример – последние выборы мэров в Бишкеке и Оше, где либо не было конкуренции, либо вообще не шла речь о каком-либо конкурсе партийных программ.

На обсуждениях в IPR неоднократно говорилось и о декоративности местного самоуправления в Кыргызстане, что создаёт для центральной власти ситуацию «ответственности за всё». Так и происходит в конфликтах вокруг различных местных ресурсов – от недр, до земли,строек, бюджетов и мэров.

Но понятно, что «взять всю ответственность на себя» существующая система госуправления просто не в состоянии, да и тип Государства уже иной – не тотально-авторитарный, а как бы демократический. Пусть и преимущественно декларативного типа.

Какие же наиболее существенные **риски** возможны в 2014 году на фоне описанной ситуации?

Риск первый, традиционная для Правительства и усилившаяся к 2014 году управленческая беспомощность.

Нужно отметить, что все риски система государственного управления создаёт себе сама, и вовсе необязательно эти риски сопряжены с внешними и внутренними вызовами. Эта система обладает колоссальной способностью саморегуляции, причём вовсе не в интересах Государства и Гражданина. Уровень коррупционной системности и схемотехники настолько высок, что иностранные эксперты относят коррупцию к неотъемлемым свойствам кыргызской государственности.

Причем, что показательно, этот высокий уровень коррупционных способностей успешно соседствует с не менее высоким уровнем управленческой беспомощности. Индикаторами беспомощности являются, например, требования участников любых митингов и акций, чтобы к ним вышли самые высокие представители Власти – премьер, спикер, и непременно Президент. К чиновникам рангом

ниже доверие падает пропорционально понижению строки в «табеле о рангах» — ну не решают они острых проблемных вопросов. А ведь, казалось бы, чем ниже — тем ближе к народу...

Но принцип субсидиарности здесь не работает.

Такое положение дел чревато тем, что реальное *Управление* начинает базироваться вовсе не в органах власти, а за её пределами. А когда люди за решением проблем обращаются не во Власть, сами представители Власти начинают уподобляться этому «запредельному» — к примеру, вести себя как бизнесмены, или как криминалитет.

Есть ощущения, что Правительству и Премьеру сейчас очень некомфортно, и эта некомфортность усиливается в геометрической прогрессии: всё больше становится разрыв между масштабом качеством вызовов, и уровнем компетенции профессионализма системы и кадров государственного управления.

Второй риск, для нас также традиционный: *Весна*. Этот приятный сезонный фактор ассоциируется у граждан с возможным обострением общественно-политической ситуации, привязанным к совершенно бескорыстной любви политиков и населения к Родине, власти и соответствующим финансово-материальным стимулам.

К системе управления это имеет самое непосредственное отношение:

— во-первых, потихоньку выстраивается новая очередь потенциальных претендентов на лидерство в новой волне «площадной оппозиции», сплошь состоящей из обиженных верховной

властью экс-чиновников,

– во-вторых, как раз к весне будут подводиться итоги реализации антикоррупционного Указа Президента, что так же формирует ресурс пополнения «партии обиженных».

И это **третий риск**. Нужно отметить, что стратегическое направление трансформации государственной системы управления в-общем выбрано верно.

Именно через искоренение наиболее опасной для страны коррупции, создание новой, некоррупцированной модели госуправления, можно сразу убить двух зайцев – и кардинально изменить эффективность системы, заставить её работать на Государство, и вернуть доверие граждан, давно уже не верящих в благие намерения политиков и чиновников.

Однако, Президент оказывается в непростой ситуации: и если борьба с коррупцией окажется очередной профанацией, и если объявит войну сразу всем коррупционерам – и крупным, и мелким, и одновременно по всем фронтам. Невозможно одним ходом уничтожить то, что выросло и вживалось в систему госуправления даже не годами – десятилетиями.

И понятно, что успех новой президентской политики зависит от качества стратегии её реализации, подкреплённой умелой маневровой тактикой. Слишком весомые и обширные интересы отечественного истеблишмента стоят на кону.

И в отсутствии качественных стратегий, обеспечивающих

трансформации – **четвёртый риск.**

К примеру, попытка запустить процесс легализации доходов. То, как было организовано исполнение этого, безусловно, благое намерения, заслуживает самой нелицеприятной оценки. Понятно, что Закон был направлен, в первую очередь, на чиновников-коррупционеров и предпринимателей.

Но, во-первых, легализация оказалась оторванной от процесса всеобщего деклариования, что позволяет усомниться в эффективности и логичности применения этого инструментария в интересах экономики страны.

А учитывая крайне худшую организацию самого процесса, недостаточный тираж бланков легализации, и вообще складывается впечатление, что процесс был организован для определенной группы лиц (см. вышесказанное о привилегированных группах квази-элиты).

Вторым ярким примером является развитие государственного языка – вопрос, стратегически важный для Будущего Кыргызстана. И решать этот вопрос нужно именно стратегически, не идя на поводу лишь политехнологических соображений. Но вместо того, чтобы озаботиться реальным развитием этой важнейшей для суверенной страны функции языка – функции обустройства делопроизводства, круговорота бумаг и процедур государственного управления, – его который год делают инструментом политических интриг и популизма.

Скажем, в русском языке отработка современной функции языка, как языка государственного управления, была запущена ещё на

рубеже 18-19 веков, с подачи небезызвестного Михаила Михайловича Сперанского, кстати, ещё и автора знаменитого «Плана государственных преобразований», преобразователя государственной системы управления. Многие историки называют Сперанского основоположником делового языка в России.

Русский язык управления, состоящий из многочисленных специальных терминов и заимствований, малопонятен большей части русскоязычных, как и другие специальные языки – например, медицинский и прочие научные. И этот процесс – развитие русского государственного (делового) языка, продолжается вот уже третье столетие.

Понятно, что в современном Кыргызстане мы должны и можем двигаться быстрее и эффективнее. Но именно двигаться, созидать язык управления, создавать новую для страны его функциональную систему, современный понятийный аппарат. То есть вопрос развития госязыка необходимо рассматривать в общем контексте реформ государственной системы управления.

И риск для системы управления формируется в скоропалительном переводе документооборот в системе государственного управления на язык, в котором эта функция не отработана в должной мере.

Здесь можно перечислить ещё многие реформаторские инициативы, последствия которых инициаторами не управляются.

Как реализуются риски такого типа, в недавней истории мы видим по неудачной попытке предыдущего Правительства оптимизировать

структуру государственного управления. Подозреваю, в недалеком будущем увидим на примере административно-территориальной реформы.

Риск пятый, имеющий непосредственное отношение ко всему вышесказанному: о роли личности в истории.

Как бы мы не перечисляли и не осмысливали все вызовы и риски, главным является всё-таки то, как мы с ними справимся. И здесь ситуация очень настораживающая. Наблюдатель за ситуацией в сфере трансформации системы управления, за всеми этими оптимизациями, реформами, изменениями структуры, разработками программ и стратегий, в конце концов, понимает – прав был классик, «унтер-офицерская вдова сама себя никак высечь не в состоянии». То есть, Правительство с собственным улучшением само справится ну просто не в силах.

И второе, что становится понятно – реальные реформы системы госуправления в интересах Государства и Гражданина могут быть инициированы только извне исполнительной власти – либо из Жогорку Кенеша, как высшего представительного органа, либо от Президента, олицетворяющего единство народа и государственной власти.

На Жогорку Кенеш полагаться в ближайшей перспективе маловероятно – ну не сложился пока ещё парламентаризм, как конкурс видений будущего страны, я об этом уже говорил ранее.

Остаётся то, что мы и так видим – реальным двигателем реформ является лично действующий Президент. Это создаёт двойственное ощущение.

С одной стороны, Президент – глава государства, и от его политической воли зависит успех и динамика реформ.

С другой, – очевидно, что ни в Правительстве, ни в ЖК команды надёжных сподвижников у него пока нет. Индикатором этого стало, к примеру, голосование в ЖК по вопросу отмены срока давности за коррупционные преступления – список «слуг народа», подозреваемых в сочувствии коррупции, опубликован, имена «героев» прозвучали на всю страну. Позиция Правительства уже была описана ранее – все содержательные дыры в его зоне ответственности приходится окультуривать Президенту и его аппарату: так было с Таможенным Союзом, коррупцией, так предусмотрено и с новой моделью государственного управления.

И этот риск персонифицирован: достанет ли у Президента политической воли запустить и довести до конца те крайне нужные преобразования, о которых я говорил в самом начале выступления? Сможет ли он организовать необходимые для этого кадровые ресурсы – и из системы госуправления, и из гражданского сектора? Хватит ли у него энергии и ресурсов преодолеть сопротивление коррупционного лобби и консервативных сил в системе исполнительной власти?

На этих вопросах краткий экскурс в зону рисков и вызовов в системе управления хотелось бы закончить – тема слишком широка для одного обсуждения.

Отмечу лишь, что из понимания общей ситуации на «поле рисков» прорисовывается и спектр новейших задач проектирования Новой Экономики и новой Модели Управления Кыргызстана.

Но это тема уже другого Круглого стола.

Данный Круглый стол был проведен в рамках проекта «Повышение потенциала по предотвращению конфликтов в Кыргызстане» при технической поддержке Посольства Великобритании в Кыргызстане.

Материалы публикации не отражают официальную точку зрения Посольства.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

Муратбек Иманалиев: «Кыргызско-американские отношения: что это такое?»

Муратбек Иманалиев: «Кыргызско-американские отношения: что это такое?»

19.01.2014

Предлагаем вниманию читателей статью президента Института общественной политики (IPP) Муратбека Иманалиева, посвященную кыргызско-американским отношениям.

Когда-то была произнесена известная, почти сакраментальная фраза: «Соединенные Штаты Америки – сосед всех государств». Действительно ли сегодня Америки все еще хватает

на всех? И действительно ли, в таком случае, США – сосед Кыргызстана? Осмысливается ли эта «формула соприкосновенности» у нас и у них, и если да, то как?

Тема для обсуждения в Кыргызстане – как мы, кыргызстанцы, воспринимаем и понимаем США в пределах нашей национальной политики, общественного мнения, семьи и отдельно взятого индивида, и как мы представляем себе интересы Вашингтона в Кыргызстане и регионе Центральной Азии.

Упрощенный вариант политологической оценки предопределяет следующий порядок мест, занятых двумя государствами на пространстве мировой политики и экономики – Америка и Кыргызстан находятся на его противоположных полюсах: США – первая держава планеты, а Кыргызстан – одна из самых бедных стран той же планеты.

Некий ключ к «пониманию друг друга», вероятно, также находится еще и в том формате, что можно находиться на разных полюсах, но в единой системе ценностных координат, ориентиров и приоритетов. В таком случае противоречия могут возникать и порой даже создавать определенные препятствия для предполагаемого либо уже имеющегося сотрудничества и партнерства, однако обеими сторонами они не будут восприниматься как враждебные и непреодолимые. Подобная ситуация влияет на тактическое маневрирование сторон, но не на стратегию сотрудничества. Выбор стратегии развития и выбор партнеров для сотрудничества, избранный и той, и другой стороной на основе идентичных или близких к этому ценностных емкостей, будет практически совпадать, но, разумеется, до тех пор, пока одна из сторон не переформатирует его («выбор») в принципиальном плане на противоположный либо иной какой-то знак. Чему есть подтверждения в истории.

Понятно, что эти самые ценностные емкости «вылепливает» не один человек и даже не группа людей, а конструируются они в недрах стабильно и динамично функционирующего политического класса и некоторых других социальных страт, например, бизнесменов.

Но, говоря о емкостях ценностного уровня, следует иметь в виду, что нестабильность и «рыхлость» политического пространства (в Кыргызстане, как и в некоторых других развивающихся странах лидеры, делая выбор между политической стабильностью и политическими свободами, упустили чрезвычайно важный постулирующий компонент демократического развития о том, что свобода немыслима без порядка, без верховенства закона), превалирование личных либо корпоративных интересов и другие негативные факторы не способствуют возникновению мотивов даже общего порядка к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию нации, являющихся предтечей и в определенном смысле основанием для конструирования ценностей, воспринимаемых и поддерживаемых всеми, кто готов отождествлять себя с этой нацией. Это о нас.

С другой стороны, понятно, что Вашингтон вкупе с еще очень небольшим количеством ведущих государств формирует основные векторы и площадки глобальной политики и экономики, а Бишкек вынужден встраиваться в них, если, конечно, способен это делать и, главным образом, понимает, зачем это ему нужно.

Международная политика есть взаимодействие страновых, региональных и иных пространств, насыщенных различными институтами, ценностями, амбициями, контактами, сотрудничеством людей и т.д. Но интуитивное, а иногда и осознанное понимание того, что эти самые векторы, а также рельеф «площадок» выстраиваются на основе так называемых

национальных интересов, которые нередко эгоистичны и циничны, а самое главное, как правило, вступают в некий конфликт с интересами других акторов, тем самым создавая определенные сгустки напряженности, чреватые возникновением различного рода столкновений, провоцируют такие страны, как Кыргызстан строить свою внешнеполитическую деятельность не на базе национальных интересов, а на основе меркантилизации системы выбора и вероятности его частой смены. При этом очень часто механика выбора упрощена до предела вплоть до индивидуальных, семейно-клановых и очень редко групповых пристрастий.

Справедливости ради подчеркнем, что последнее нередко присуще не только слабым государствам. Очевидно лишь следующее, что в большинстве случаев такого рода избирательная практика последних спонтанно и неадекватно реагирует на сигналы (иногда ложные) со стороны сильных. Порой эти сигналы странным (и не очень) образом преобразуются даже в некую политическую позицию слабых, отчаянно отстаивающих ее со всевозможных трибун и на всевозможных форумах.

Казалось бы, международное право выравнивает шансы всех стран, конкретным воплощением которого является, например, ООН, в рамках деятельности которой каждая страна не только имеет один голос, но и имеет право продвигать некие инициативы, предусматривающие, например, превентивную защиту национальных интересов. Однако система и уставные нормы функционирования Совета безопасности ООН, а также и иные параметры и требования, ставят все и всех на свои места, иерархизируя государства по политической, военной, экономической и даже географической значимости.

Иерархия предусматривает перечень возможностей для каждого, например, слабым нарушать принципы и нормы международного

права, в том числе Устав ООН нельзя — наказание практически неотвратимо. Тем не менее, с другой стороны, люди за всю историю своего так называемого цивилизованного существования ничего лучшего еще не придумали и в ближайшее время вряд ли придумают. Так было и так будет.

Говоря о стыковке пространств идентичных или близких к этому ценностных ориентиров и емкостей как о вероятном механизме долгосрочного и взаимовыгодного партнерства и даже союзничества, все-таки мы должны сделать оговорку в том смысле, что конкретная историческая ситуация, имеющая свои политическое, военное, экономическое и иные измерения, принуждает государства нарушать собственные принципы внешнеполитической деятельности, в том числе и прежде всего игнорируя свои же ценностные ориентиры, и иногда строить привилегированные отношения со странами, система ценностей которых находится в иной, чуждой, а иногда даже во враждебной системе координат.

Оправданием этому служат те позиционные конструкции, которые именуются формально в дипломатической практике интересами государства. (Чаще всего это называется гибкостью и толерантностью.)

По этому поводу, например, президент Барак Обама сказал следующее: «Время от времени мы будем сотрудничать с правительствами, которые не соответствуют в нашем понимании высоким международным стандартам, но будут взаимодействовать с нами по вопросам наших жизненных интересов»[1].

В последние десять-двенадцать лет и Центральная Азия

становится подобным пространством, где интересы ведущих государств вступают в противоречие с основополагающими принципами их же внешней политики. Борьба с терроризмом и «движение» энергоносителей демонстрируются участниками международной жизни в регионе как некие смысловые конструкции и одновременно механизмы взаимодействия. Никто не отрицает актуальности и важности этих проблем, но демократия и развитие как принципы сотрудничества сегодня задвинуты на второй-третий план, хотя, в общем-то, до сих пор декларируются официальными источниками как одни из важнейших принципов, определяющих построение реальной внешнеполитической деятельности многих стран.

Стыковка упомянутых «ценностно наполненных пространств» Кыргызстана и США не состоялась хотя бы потому, что пока трудно говорить о сконструированной национальной системе ценностей в Кыргызстане. Немало и других объективных и субъективных причин.

Искаженным и псевдоценностным ориентиром для выстраивания «американской политики» Кыргызстаном, его правящими и неправящими группировками служит история советско-американских отношений (косвенным, если так можно выразиться, участником которых была и наша страна. Кстати отметим, что подобная же «история» сыграла такую же роль и в процессе выстраивания отношений Кыргызстана и с некоторыми другими государствами), а также смоделированный в ту же эпоху СССР противоречивый образ США. Причем следует иметь в виду, что сказанное имеет отношение и к тем, кто причисляет себя к классу либералов, т.е. «западников», и к тем, кто себя либералом не считает, более того, даже отождествляет себя с противниками Запада. Подтверждением тому является недавняя в хронологическом отношении история «островка демократии».

Воспреемником советско-американских отношений в предлагаемом выше смысле, правда, не в таком уплотненном объеме негатива, как это было раньше, являются теперь российско-американские отношения. Эти отношения влияют на формирование в элитных группах и в целом в обществе Кыргызстана как позиции «за» развитие отношений с Западом, так и позиции «против». Особую роль в этом играет также и то обстоятельство, что Кыргызстан находится в зоне российского информационного, а нередко и жесткого пропагандистского «залистования».

И еще следует подчеркнуть, что отношения США с другими же нашими соседями никоим образом не влияли на формирование кыргызско-американских отношений (можно лишь указать на некоторые непринципиальные нюансы) – ни узбекско-американские, ни казахско-американские, ни китайско-американские.

И все же есть понимание того, что российско-американские отношения являются все-таки не источником построения отношений Кыргызстана с США, а только фактором влияния, который кыргызское руководство не может игнорировать, хотя иногда пыталось это делать.

Следует иметь в виду также и нарастающее влияние на формирование общественного мнения в Кыргызстане антиамериканских информационных волн из регионов Ближнего и Среднего Востока, Афганистана и других мусульманских государств. Причем отметим, что к «переносчикам» информации необходимо отнести не только интернет, телевидение, СМИ, граждан упомянутых стран, но и собственно самих кыргызстанцев, количество которых, в том или ином качестве посещающих исламские страны и возвращающихся оттуда с несколько изменившимися представлениями о жизни, из года в год увеличивается.

Попробуем разобраться с интересами США и Кыргызстана. «Вообще интересы США в Средней Азии сегодня очень расплывчаты. Они не определены, не обсуждены на серьезном уровне, – говорит директор российских и азиатских программ американского института мировой безопасности Н.Злобин. – Я думаю, до сих пор идет такая разведка боем, сбор информации и зализывание ран после первых неудач. Второе. Это стремление не дать Среднюю Азию монополизировать. Ни Россия, ни Китай сегодня делать этого не хотят. Да и США понимает, что монополизация – это дополнительная ответственность, которую сейчас взваливать на себя в администрации Дж.Буша не хотят. Поэтому Америка продолжала бы стоять на позициях здоровой конкуренции в Средней Азии, но опять же, ни Китаем, ни Россией эта позиция пока не разделяется»[2].

Тем не менее, за этой «расплывчатостью» другие эксперты просматривают, как они считают, «очевидные цели» американцев в Центральной Азии. О.Реут считает, что заключаются они в следующем: 1) формирование проамерикански настроенной ориентации региона; 2) сдерживание влияния Китая и России плюс создание условий для открытого столкновения интересов РФ и КНР; 3) использование регионального потенциала для выстраивания долгосрочного диалога с исламским миром[3].

А вот что сказал о целях администрации президента Б.Обамы в центральноазиатском регионе бывший помощник Госсекретаря США Р.Блейк: «1) поддержка международных усилий в Афганистане; 2) выстраивание стратегического партнерства с Индией и 3) установление более тесных и стабильных отношений с центральноазиатскими странами»[4].

Рассуждая об интересах Америки в регионе, не забудем и об инициативе, именуемой «Большая Центральная Азия», которая,

если и была взята на вооружение администрацией США, то представляла собой инструмент достижения уже расширенных целей, которые, если бы успех сопутствовал Вашингтону, можно было сделать еще более масштабными в рамках этой инициативы.

Наиболее интересной и привлекательной для Кыргызстана могла бы стать стратегия «Нового Шелкового пути», но без ее явной геополитической начинки, которая при стечении неблагоприятных факторов и условий может выйти за рамки конкуренции и конфликта интересов. «KASA – 1000» как проект в рамках упомянутой выше стратегии реализуем, с моей точки зрения, только при наличии следующих условий: 1) устойчивое восприятие Афганистана центральноазиатскими государствами в качестве действительного позитива: и как соседа, и как партнера по сотрудничеству; 2) наличие доверия между всеми участниками проекта; 3) сохранение политического и финансового спонсорства со стороны США; 4) поддержка проекта со стороны России и Китая.

Но наиболее важным базовым посылом явилась внешнеполитическая концепция президента США Барака Обамы, который пришел к власти под лозунгом необходимости кардинальных изменений, в том числе внешнеполитического курса и облика страны на международной арене. Правда, никто не ожидал, что реализация практически всех внешнеполитических идей и концепций Барака Обамы будет столь проблематичной. Но справедливости ради следует отметить, что их «проблематичность» – это все-таки в основном инерционное влияние внешнеполитического наследия предыдущего хозяина Белого Дома.

Обращали также на себя внимание, конечно, неоднократно заявлявшиеся Барак Обамой цели его политики в отношении исламского мира, особенно его выступление в Каире. Но в

подобного рода декларациях не просматривались какие-либо серьезные изменения политики Вашингтона в отношении обширного исламского региона от Магриба до Центральной Азии: кардинально смещался лишь один из фокусов американской внешнеполитической стратегии в этом регионе.

Свою лепту внес и финансовый кризис 2008 года.

Но заявленный вывод международных сил по обеспечению безопасности из Афганистана, дальнейшее неучастие остающихся в стране американцев в военных операциях и «афганизация» обустройства страны обусловили потребность изменений «околоафганской» конъюнктуры.

В связи с афганской проблематикой необходимо отметить, что Кыргызстан весь «афганский» период действительно находился в «фокусном круге» борьбы американского государства с терроризмом. И в этом контексте Кыргызстан имел определенное, правда, не всеобъемлющее и не во всем позитивное, но преимущество перед своими соседями: речь, разумеется, идет об американской авиабазе, пока еще расположенной в кыргызском аэропорту «Манас», каковых (в таких масштабах) нет в других странах нашего региона.

Интересы и цели США, перечисленные в верхних абзацах, относятся к категории региональных. Очевидно, что достижение этих целей не требует от Вашингтона обязательного формулирования индивидуально-страновых интересов и взаимодействия с учетом значимости и потенциала каждого из государств Центральной Азии. Стратегический интерес, сопрягаемый с интересами других «больших» и в регионе, и вне

его, и геополитический меркантилизм нередко игнорируют двустороннее сотрудничество с малыми странами в полноценном формате.

В статусных образах Кыргызстан в американских внешнеполитических картинках за двадцать с лишним лет кыргызско-американского общения прошел путь от «островка демократии» – витрины возможного вестернизированного развития Центральной Азии, созданного с помощью Запада и прежде всего США, до союзника по антитеррористической коалиции, точнее, военной операции американцев в Афганистане. (С термином «союзник» многие мои коллеги не согласны, предлагая более, как им кажется, нейтральный термин «партнер». Но как расценивать действия Кыргызстана, предоставившего свою территорию для военной базы США и тем самым практически прямо участвовавшего в военных операциях в Афганистане, как не «союзничество»? При этом следует иметь в виду превалировавшее военно-политическое обоснование в свое время открытия этой базы, а не коммерческое: территория и услуги кыргызским правительством были представлены американцам практически бесплатно. Напомню также и о существовавшей базе до 2005 года в Узбекистане – «Карши-Ханабад». В 2001 году Ташкент практически недвусмысленно заявил о своем «союзничестве» с США, правда, не употребляя собственно самого термина.)

Интерес Кыргызстана и, соответственно, его политика в отношении США в последующие годы не выходили за пределы коридора коммерческих пристрастий, прежде всего по упомянутой выше военной базе. При этом придавая этой внешнеполитической инициативе некую «народность», президенты Кыргызстана экстравагантно в публичной сфере называли какие-то суммы за аренду, даты ликвидации базы и т.д. Каких-либо продуманных политических, экономических либо иных интересов Кыргызстан не конструировал. Намерения об экономическом сотрудничестве,

привлечении американских инвестиций и все прочее подобное камуфлировали стихийное стремление использовать США в качестве нового «субвенциального» центра.

Но в первые годы независимости персонифицированный образом и действиями президента А.Акаева демократический выбор Кыргызстана достаточно активно был поддержан США.

Очевидно, что к числу акций поддержки относится и вступление нашей страны в ВТО. Решение это было в большей степени политическим, хотя никоим образом нельзя умалять достижения Бишкека по созданию и укреплению рыночной экономики.

В рамках сотрудничества Кыргызстана с МВФ, ВБ и другими международными экономическими и финансовыми организациями содействие американцев также было очевидным. (В связи с последним хотелось бы еще раз повторить мысль о том, что главная проблема неуспеха работы с МВФ заключалась, с моей точки зрения, в отсутствии той самой жестко сконструированной системы ценностей и национальных интересов. В качестве подтверждения своих слов приведу пример Южной Кореи и других стран Азии, которые, сотрудничая с этой организацией, достигли впечатляющих успехов.)

Следует, конечно, упомянуть и о безвозмездной, грантовой помощи американцев Кыргызстану. Общая сумма за двадцать два года превысила один миллиард сто миллионов долларов.

Однако насыпной «островок демократии» разрушился, и произошло это не только вследствие «усилий» президента А.Акаева и его

команды, но, как это ни парадоксально, и при помощи Запада. Это очевидный факт. Именно Запад позволил и президенту Кыргызстана, и некоторой части оппозиции превратить демократию в коммерцию, в инструмент наживы.

Еще об одном и неотвлеченном. Если поддержку со стороны США, причем не только политическую, оппозиционных деятелей и объединений еще можно было попытаться понять и осмыслить, то заявления некоторых американских политиков, дипломатов и экспертов типа: «Вы хорошие ребята – демократы, но авторитарный Узбекистан для нас важнее» политический бомонд Кыргызстан воспринимал весьма болезненно. Сопровождалось это в 90-е годы к тому же еще и более жесткой критикой деятельности руководства Кыргызстана (чем соседей) со стороны и правительств, и правозащитных организаций Запада, особенно США, за недостатки в развитии и укреплении демократии. Подобный подход к «демократизации» Кыргызстана приводил либералов нашей страны в состояние шока и растерянности, к радости их противников. Результат – разочарование. Заметим, что в отношениях Кыргызстана с Россией, Китаем и некоторыми другими странами элемент критики за демократию и состояние социума был исключен и остается до сих пор таковым, что представляется весьма благоприятным фактором не только для школьника-политика.

На сегодня говорить о каких-либо полноценных отношениях между Кыргызстаном и США не приходится. Единственным каналом неких официальных отношений правительства Кыргызстана с администрацией США является упомянутая выше военная база. (После вручения ноты о денонсации соглашения по базе и эта линия практически закрыта.) Каких-либо других каналов, форм и межгосударственных программ нет и в ближайшее время, скорее всего, не будет. Но это не означает «конца истории». Американские фонды, неправительственные организации будут

продолжать работать в Кыргызстане; наверняка появятся новые, может быть даже и не американские и не обязательно на американские финансовые средства, но функционирующие в парадигме американских стратегий; очевидно, что будут и какие-то малозначительные контакты между представителями правительств двух стран. Но достаточно точно можно предугадать, что темой этих контактов не будут вопросы экономического и гуманитарного сотрудничества.

Демократия как возможный формат и смысл стыковки отношений между Кыргызстаном и США ушла в небытие: возрождение под вопросом, хотя до сих пор наша страна является единственной в Центральной Азии страной, остающейся в пределах своеобразного демократического транзита.

Экономика и торговля не являются и, скорее всего, и в обозримом будущем не станут ни основой, ни фактором взаимодействия между нашими странами. Экономическое присутствие американцев в Кыргызстане ничтожно мало и вряд ли в ближайшем будущем увеличится. Более того, даже если придут некие гипотетические американские бизнесмены, то они вряд ли смогут выдержать конкуренцию, например, с китайскими, которые из года в год укрепляют свои позиции не только в Кыргызстане, но в целом в регионе Центральной Азии.

Культура и образование могли бы стать опорой кыргызско-американских отношений. Американский университет Центральной Азии, открытый при поддержке правительства США и Института открытого общества, постепенно превратился в заурядное кыргызское образовательное учреждение. К сожалению, он остается без внимания правительств обеих стран и уже более не является предметом переговоров между ними, хотя мог бы стать центром распространения американской культуры и образования и

не только в Кыргызстане.

Безопасность в Центральной Азии – сегодня это, прежде всего, проблема Афганистана. Центральноазиатские государства по данной тематике на сегодняшний день ограничились двумя инициативами. Первая – это предложение Ташкента вновь создать некую консультационную группу в формате уже, правда, расширенном за счет НАТО (так называемый «6+3»). И вторая – это собственно не инициатива государств региона, но ШОС, членами которой центральноазиатские государства являются. Инициатива эта связана с созданием ШОСовской группы по Афганистану. Во всем остальном, являющемся, с моей точки зрения, более важным, страны Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, решение афганской проблемы как бы делегировали ведущим державам, прежде всего США и НАТО. И поскольку Бишкек афганским вопросом особо не озабочен (хотя и должен был бы озаботиться), то и переговоры по авиабазе «Манас» имели коммерциализированную повестку дня.

Мозаичное описание состояния основных блоков сотрудничества классических образцов, на мой взгляд, подтверждает мысль об отсутствии реальных, достаточно плотно наполненных взаимоотношений Кыргызстана с США. Так что же в «сухом остатке»?

А в «сухом остатке» – факторы, влияющие на формирование некоторого понимания в Кыргызстане, как общаться с администрацией США. И ничего более. Факторы эти прямого действия и косвенного. Об одном из них уже сказано. Это российско-американские отношения. К этому же разряду факторов следует отнести и деятельность региональных международных организаций, участником которых является Кыргызстан, в первую очередь, Шанхайскую организацию сотрудничества, Организацию

Договора о коллективной безопасности и, с некоторых пор, Евразийский экономический союз.

Для Вашингтона весьма важным является то, как будут складываться отношения России и Китая в ШОС, каковы будут уровень и объем консолидированности, выстраиваемые на основе антиамериканизма, ведущими странами организации и как это будет влиять на других участников, по каким направлениям будет развиваться военная и экономическая составляющая деятельности ШОС и, наконец, как и когда будут переформатироваться основные цели и задачи этой организации. Совершенно очевидно, что от этого во многом будут зависеть и развитие представлений (не позиций (!)) некоторых малых стран – участниц ШОС, в том числе и Кыргызстана, об отношениях с Америкой.

Другой важный фактор для Кыргызстана – сотрудничество с международными экономическими и финансовыми организациями, в первую очередь, с МВФ и ВБ. Особенно на текущий момент, в условиях глобального финансового кризиса, который уже демонстрирует свою рефлексию и на другие аспекты жизнедеятельности государств. Понятно, что сотрудничество Кыргызстана с МВФ, ВБ, АБР, равно как и с другими международными экономическими и финансовыми организациями, продлится еще не один год. И все это время, контактируя с ними, Бишкеку надо будет иметь в виду значимость американского фактора.

К этому же фактору относится и проблема государственного долга, основной объем которого приходится на МВФ и ВБ. Списание или реструктуризация долга зависят от позиций стран-доноров. Очевидно, что абсолютная масса долга не так уж и велика. Однако, поскольку нет развития, то виртуальная масса долга постоянно увеличивается, и виртуальное давление,

преобразующееся в психологическое, на экономику возрастает.

И, наконец, особняком стоит фактор авиабазы «Манас». Кыргызстанцам необходимо было уразуметь, что авиабаза «Манас» — это многоэтажное военно-политическое, интернационализированное сооружение, во всяком случае, для нашей страны. На разных этажах этого сооружения расположились разные группы проблем и интересы разных стран. На одном из этажей столкнулись интересы разных ведомств США, России и Китая. На другом этаже расположилась проблема Афганистана, которую надо бы каким-нибудь образом решать. На третьем — интересы стран, расположенных к югу от Кыргызстана, которые стали подозревать, что размещившаяся в Кыргызстане американская авиабаза может рассматриваться как угроза. И так далее. И все это сооружение сопряжено с реальными и политическими, и военными, и иными интересами Кыргызстана, а не только с арендной платой.

Открытие авиабазы не было связано прямо с какими-либо резолюциями Совета Безопасности ООН либо иными многосторонними договоренностями. И формально-юридически американцы были правы, когда заявляли, что вопрос «Манаса» относится к сугубо двусторонним отношениям. Однако корреляция деятельности авиабазы и решений СБ ООН очевидна. Во всяком случае, дипломатическая работа Кыргызстана и в многостороннем, и в двустороннем формате должна была быть ориентирована на это. И решения по функционированию авиабазы должны были соответствовать решениям ООН по афганскому вопросу.

Как и куда будут двигаться кыргызско-американские отношения? И что это такое? Вопрос, на который надо найти ответ.

[1] А.Сушенцов. Высвобождение Америки. Россия в глобальной политике. Т.11, № 5, с.104.

[2] Н.Злобин. Интерес к освоению азиатских территорий у Соединенных Штатов сегодня низок. Centrasia.ru 14/09/08

[3] О.Реут. Интересы США – от сопровождения к управлению? centrasia.ru 09/10/08

[4] The Obama administration's Priorities in South and Central Asia/ R/Blake.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

Тегерек столдун стенограммасы: “Жыл жыйынтыктары”

Тегерек столдун стенограммасы: “Жыл жыйынтыктары”

17.01.2014

12-декабрда Коомдук саясат институтунда “Жыл жыйынтыктары” аттуу Тегерек стол болуп өттү.

Модератор: Коомдук саясат институтунун президенти Муратбек Иманалиев

Баяндамачылар:

Алексей Красин, “Өз алдынча башкарууну өнүктүрүү агенттигинин (LGDA)” стратегиялык долбоорлорунун жетекчиси

Тамерлан Ибраимов, Саясий-укуктук изилдөөлөр борборунун директору

Эльмира Ногойбаева, “Полис Азия” аналитикалык борборунун жетекчиси

Валентин Богатырев, “Перспектива” аналитикалык консорциумунун жетекчиси

Катышуучулар:

Санжар Абакиров, “Сереп” изилдөө институтунун аткаруучу директору

Айканыш Абылгазиева, «Социнформбюронун» директору

Тилек Ашимов, “Райффайзен-Кыргызстан” кору

Айперим Бакаева, Ломоносов атындагы МГУнун аспиранты, Москва ш., КРнын УСИИ

Адилет Балтабаев, жарандык активист

Махамад Батралиев, Өзбекстан элчилиги

Гүлмира Бегалиева, БГУнун саясий-укуктук дисциплиналар кафедрасынын ага окутуучусу

Диана Дурусбек кызы, БААУ бүтүрүүчүсү

Светлана Лавриненко, “Боорукерлик” кайрымдуулук корунун аткаруучу директору

Нелли Михальцова, Германия Федеративдүү Республикасынын Кыргыз Республикасындагы элчилигинин кызматкери

Вадим Мишин, “HostelInnBishkek” менеджери

Темирлан Молдалиев, “Сереп” изилдөө институту

Анар Мусабаева, саясий серепчи

Александр Орехов, КРдагы Шайлоо системаларынын эл аралык корунун (IFES) программаларынын ага координатору

Жоомарт Ормонбеков, Борбордук Азия үчүн алдын алуу дипломатиясы боюнча БУУнун аймактык борборунун улуттук кеңешчиси

Эдил Осмонбетов, көз карандысыз эксперт

Светлана Пак, эксперт

Рамзиддин Гулямов, ӨРнын Дүйнөлүк экономика жана дипломатия университетинин эксперти

Чинара Сейдакматова, коомдук ишмер

Элианора Сыдыкова, «Голос свободы» коомдук кору, саясат таануучу

Акбар Тагаев, ӨРнын ИАсынын Тарых институтунун эксперти

Махабат Уракова, Токио университетинин аспиранты

Сурем Чанд, КРдагы Индия элчилигинин биринчи катчысы

Михаил Чумейко, “Кыргыз аналитика жана маалымат агенттиги” коомдук уюмунун эксперти

Дмитрий Шевкун, КРдагы Шайлоо системаларынын эл аралык кору (IFES) миссиясынын башчысы

ММК:

Мээрим Бакир кызы, КТРКнын корреспонденти, «Ала-Тоо» программасы

Канат Каниметов, КТРКнын корреспонденти, «Ала-Тоо» программасы

Аскат Касымбеков, НТС

Наталья Кушпаренко, «Tushtuk.kg» маалымат агенттигинин корреспонденти

Бермет Маликова, «Вечерний Бишкек» гезитинин башкы редакторуна караштуу серепчи

Гүлдана Намадали кызы, «Биринчи радио»

Толкун Наматбаева, «France Press» маалымат агенттигинин корреспонденти

Алексей Немашкал, НТС

Евгения Николаева, «Polit.kg»

Махинур Ниязова, «24.kg» МА

Асель Омуракунова, «АКИpress» маалымат агенттигинин корреспонденти

Азамат Тынаев, «Азаттык»

Мадина Шералиева, «K-news» МА

Анна Яловкина, «Vb.kg»

Муратбек Иманалиев Тегерек столдун темасын белгилеп, баяндамачыларды тааныштырып өттү.

Алексей Красин: Эгемендүүлүккө жеткенден кийин мамлекеттик башкаруу жана өз алдынча башкаруу системаларын реформалоо темасы жогорку трибуналардан дээрлик күн сайын козголо турган салтка айланды. Жана бул маселе интервьюларда, макалаларда, берүүлөрдө жана талкууларда абдан жиликтенип устукандалгандыктан, бул тууралуу жаңы сөз даярдоо өтө кыйын.

Бул жерде же көп жылдык административдик согуштар тууралуу “День сурка (Суурдун күнү)” стилинде эпикалык баяндоо баштаса болот. Мында улам кийинки өкмөт башчысы энтузиазм жана сүйүнүү менен көрүүчүгө өзүнөн мурунку шыгы жок башкаруучу дээрлик акырына чыгарып койгон жаңы реформалар тууралуу кабар берет. Же болбосо, ошол эле административдик акылсыздыкты тышкы жана жоопкерчиликсиз “аналитиктин” ракурсунан жалган илимий талкууга алса болот. Мында жараян канча узакка созулса, “аналитикке” тиешелүү калем акылар чынжырчасы да ошончолук узунураак.

Мен бул экөөнөн тең оолак болгонго жана Саясатчы, Өкмөт жана жагалданган, кошоматчы жалган эксперттердин эмес, Кыргызстандын жана Жарандын пайдаларынан жана муктаждыктарынан келип чыккан “жарандык экспертизанын” мейкиндигинде калганга аракет кылайын.

Нормативдик жана саясий тексттерди түшүнгөн “кесипкөй жарандын” көз карашы менен караганда бизде эмне бар:

Мамлекеттик башкаруу системасы нормалар менен аныкталган үч негизги чөйрөгө бөлүнөт:

1. Өлкөнүн бүтүндөй саясий башкаруусу: Конституциялык түзүлүш, бийлик бутактарынын ортосундагы өз ара мамилелер – Президент – ЖК – Өкмөт – жергиликтүү өз алдынча башкаруу (кеңештер).

2. Экономика тармактарын башкаруу: министрликтер, ведомстволор жана алардын экономика субъекттерине карата тескөө функциялары.

3. Административдик-территориалдык башкаруу: аймактар, өкмөттүн өкүлдөрү, мамлекеттик администрациялар, ЖӨБдүн аткаруу органдары.

Биринчи чөйрө ыйгарым укуктарынын жана жоопкерчиликтердин чектерин, алардын ортосундагы ресурстардын жана саясий таасирдин бөлүштүрүлүшүн аныктайт (дайындоолор, отчеттуулук, кызматташуу жана структуралык уюштуруу).

Бул чөйрө тууралуу анчалык маанилүү суроолор жаралбашы керек – Конституциянын жаңы редакциясында анын кезектеги редакцияларын жасабоо, тоңдуруу аракети кылынган. Бирок 2013-жылдын акырына келгенде жаңы мамиле (саясий түзүлүштүн парламентардик түрү) башкаруу системасына байланыштуу өлкөдөгү көйгөйлөрдүн бардыгын акырына чейин чечип салбагандыгы түшүнүктүү болду. Келечекте чечеби – бул да азырынча түшүнүксүз. Бирок бүгүн биз партиялык баталиялардын жасалгаларынын аркасында маанилүү башкаруу чечимдери Кыргызстан үчүн көнүмүш болгон башка жол

менен кабыл алынып жатканын көрүп жатабыз.

Мына ушул жерде “Бийлик партиясы” үчүн эң чоң коркунуч жана көйгөй катылып турат. Ашыкча саясатташтырылган калкы, ата мекендик кичи олигархтардын жука катмары, жоопкерчиликсиз саясий элитасы, жасалгаланган гана саясий партиялары бар өлкөдө жоопкерчиликтүү, жемкорлукка аралашпаган жана жарандардын муктаждыктарына сезимталдык менен мамиле кылган саясий башкаруу системасын түзүү мүмкүнбү? Толук өөрчүбөгөн социализм менен уктап жаткан феодализмдин тогошуусунда иштеп жаткан азыркы саясий чечимдерди кабыл алуу системасы объективдүү чындык. Кыргызстандын алдына коюп жаткан маселелерди чечүүгө жарабай тургандыгы айкын.

Бул нерсе, өз кезегинде, экинчи чөйрөгө – экономика тармактарына жана коомдун социалдык түзүмүнө таасир этет.

Бул экинчи чөйрөдө башкаруу системасы көбүнчө “советтик” экономикалык моделге ылайыкташтырылган. Анда башкаруу объектиси жана предмети болбогон бир катар министрликтер жана ведомстволор бар. Айрым “тармактык” министрликтер менен ведомстволордун мамлекеттик башкаруунун мүмкүнчүлүктөрүнүн бир бөлүгү катары “тармагы” такыр эле жок, же араң байкалат.

Ошентсе да, Мамлекет, кырдаалды тескөө мүмкүнчүлүктөрүнө, башкаруунун чыныгы куралдарына ээ болбостон, бул “тармактарда” болуп жаткан көрүнүштөр үчүн жоопкерчиликти өзүнө алып жатат. Буга энергетика да, айыл чарба да, жаштар да, миграция да, транспорт да, коммуналдык чарба да, социалдык өнүгүү да, жергиликтүү өз алдынча башкаруу да кирет.

Тыкыр функционалдык анализге ала турган болсок, алдын ала эксперттик баалоо боюнча, башкаруу предметтеринин дээрлик 40 пайызы жана башкаруу функцияларынын дээрлик 70 пайызы, же ашыкча жана натыйжасыз, же болгону бюджеттик сап жана штаттык тартиптеги бирдиктер түрүндө өкүм сүргөн “виртуалдуу” көрсөткүчтөр экенин аныктаса болот. Булар мамлекеттик казынага кажетсиз жүк болуу менен гана чектелбестен, көбүнчө, Жаран жана Мамлекет үчүн зыян да алып келиши мүмкүн.

Мамлекеттик башкаруунун мындай жөнсүз долбоорлонушунда Кыргызстандын эң талуу көйгөйлөрү камтылып турат – биринчи кезекте аткаминерлердин ашыкча ролу жана өзүм билемдикке таянган ыйгарым укуктары менен байланыштуу жемкорлук. Башкаруу системасы көбүнчө өлкөнүн өнүгүшүнө салым кошпостон, тескерисинче, ишмердүүлүк демилгелери үчүн көптөгөн жасалма тоскоолдорду жаратып, артка тартууда.

Экинчи жагынан, ал Жаран мыйзамченемдүү түрдө Мамлекеттин коргоосуна ишенген жерде мамлекеттик көзөмөл жана тескөө милдеттерин аткара албай калып жатат. Мисал катары шаар курулушу, туризм, кен байлыктарды казып алуу, транспорт системасы жаатындагы жеке долбоорлордун жергиликтүү коомчулуктар менен болгон көптөгөн жаңжалдарын келтирсе болот.

Эң башкысы – азыркы Кыргызстандын башкаруу түзүмүндө да, мамлекеттик башкаруусунун форматында, куралдарында жана предметтүүлүгүндө да анын коопсуздугун жана өнүгүүсүн камсыздоого зарыл болгон көп нерсе жок.

Менимче, Кыргыз Республикасынын Улуттук туруктуу өнүгүү стратегиясы өтө этияттык жана ооздукталган дымак менен кабыл

алынган. Бирок, ошентсе да, өлкөдөгү мамлекеттик башкаруу системасы аталган документте белгиленген маселелерди да чечүүгө жарабай тургандыгы түшүнүктүү.

Үчүнчү чөйрөдө жагдай мындан да кайгылуу. Аймактык өнүгүү мамлекеттик башкаруу чөйрө катары бир алкакка салынып, белгиленген эмес. Аймактардын өнүгүүсүн башкаруу жаатында так концепциясы жок.

Мунун кесепети катары эмгек ресурстарынын тескөөсүз көчү, аймактардагы демографиялык дисбаланстар, эмгек базарларынын кесилиши жана биринчи кезекте, энергетикалык, коммуналдык жана транспорттук инфраструктуралардын бузулушу байкалууда.

Кыргызстанды өнүктүрүү маселелерине, тышкы чакырыктарга жана мамлекеттүүлүккө зыян тийгизиши мүмкүн коркунучтарга туура келген административдик-территориалдык түзүлүштүн заманбап модели эмдигиче түзүлө элек.

Жергиликтүү өз алдынча башкаруу жасалгалуу жана декларативдүү модель түрүндө гана өкүм сүрүүдө. Муниципалдык башкаруунун форматтары көбүнчө мамлекеттик башкаруу системасынын тик сызыгынын уландысы гана болууда. Жарандардын конституциялык укугу катары өз алдынча башкаруу күнүмдүк жергиликтүү башкарууда байкалган жок.

Анан биз чейрек кылым ичинде топтолгон мамлекеттик башкаруу системасынын бул көйгөйлөрүн, тобокелдерин жана маселелерин **кандай чечкенге аракет кылып жатабыз?**

Мурунку өкмөт (премьер – Өмүрбек Бабанов) 2011-жылдын декабрынан 2012-жылдын августунун акырына чейин – бир жылдан аз убакыт иштегенин, азыркы өкмөт (премьер – Жантөрө Сатыбалдиев) 2012-жылдын сентябрынан бери – андан ашыгыраак мезгилден бери иштеп келе жатканын эскерте кетейин.

2011-2012-жылдардагы өкмөттүк сезондун мамлекеттик башкаруудагы негизги мотиви оптималдаштыруу, ашыкча функцияларды, башкаруу түзүмдөрүн жана аткаминерлер аппаратын кыскартып, системанын натыйжалуулугун жогорулатуу жана бул аркылуу мамлекеттик казынага болгон жүктү азайтуу болчу.

Албетте, унтер-офицердин жесири өзүн-өзү жазаламак эмес. Министрликтердин жана ведомстволордун конфигурациясын көрсөтмөлүү түрдө өзгөртүп коюу жар салынган жыйынтыктарга алып келген жок. Себеби, биринчи кезекте, Реформалоо идеясынын авторлору башкаруу системасын оптималдаштыруу иши кадимки штатты кыскартуудан кандайча айырмаланарын анча түшүнүшкөн эмес.

Экинчи себеби – партия тарабынан дайындалгандар мамлекеттик курулуш жана мамлекеттик башкаруунун партиялык моделдеринин көрсөтмөлүүлүгүнүн курмандыгы болуп калышты. Натыйжада, аларда Мамлекеттик кызыкчылык, Жарандардын муктаждыктары жана кызыкчылыктары жана аларды натыйжалуу Мамлекеттик башкарууда эриш-аркак ишке ашыруу ыкмалары тууралуу бүтүндөй түшүнүк болгон эмес (азыркы өкмөттө да жок).

Өкмөт алмашканда бул араң жан импульс да жокко чыгарылды. Мамлекеттик башкаруу системасын реформалоо жөнүндө сөз кылып жатып, бул өкмөт тууралуу кеп кыла турган нерсе да жок.

2013-жылы мамлекеттик башкаруу системасындагы өзгөртүүлөргө байланыштуу кабыл алынган нормативдик акттардын саны:

- КРнын ЖК – жыйырмага жакын Мыйзам жана жүздөн ашуун токтом;
- КРнын Өкмөтү–сексенге жакын токтом;
- КРнын Президенти–бешке жетпеген жарлык.

Булардын эң көрүнүктүүсү, албетте, Өкмөттүн токтомдору – мамлекеттик башкаруу системасындагы реформатордук кадамдардын баары азыр ушулар менен аныкталат (2013-жылдын декабрь айына чейинки 400дүн тегерегиндеги токтомдун жыйындысы кыйла үстүртөдөн изилденди). Сексенге жакын токтомдун ичинен салыштырмалуу түрдө реформаторлук деп мүнөздөлө тургандарына (б.а., мамлекеттик башкаруу жана жергиликтүү өз алдынча башкаруу системаларында түзүмдөрдү, форматтарды жана системалык өз ара байланыштарды өзгөрткөндөрүнө) 50 пайызга жакынын киргизсе болот. Ошондо да араңдан зорго.

Эксперттин көз карашы менен караганда, өкмөт конкреттүү реформалар боюнча гана эмес, жалпы контурлар жана артыкчылыктуу векторлор маселесинде да кыйналып жатат. Жогоруда саналып өткөн Кыргызстандын өнүгүүсүнө байланыштуу көйгөйлөргө, тобокелчиликтерге, коркунучтарга ылайык келе тургандай мамлекеттик башкаруу жана жергиликтүү өз алдынча башкаруу системаларын толугу менен жакшыртуу боюнча бүтүн концепция сунуштала элек.

Өкмөт көнүп калган сыноо жана каталар ыкмасы менен интуициялык аппаратта иштеп, бул жерде анализ жана долбоорлук синтез аппараты такыр иштеген жок. Мамлекеттик башкаруу жана

жергиликтүү өз алдынча башкаруу системасындагы өзгөрүүлөрдүн кыймылдаткыч күчү болуп келечектин кандайдыр бир конкреттүү жана аң-сезимдүү бейнесин түзүүгө максат коюу эмес, кечээки күндүн көйгөйлөрүнө реакция кылуу, башкаруу системасынын көп жылдык “инерция менен” кыймылынын натыйжасында пайда болгон тешиктерди бүтөө, о.э., революциядан кийинки коллизиялар саналат.

Министрлер кабинетинин жумушунда экономикага басым коюлгандай. Буга “*базар экономикасы*” деген татаал нерсе менен иштөөдө мамлекеттик мекемелердин ыкмаларында эч нерсе өзгөрбөгөндүгү себеп болгондой. Буга коррупциялык мамилелерди жана чиеленишкен кызыкчылыктарды да кошумчаласа болот.

Бул жерде өкмөт өзүнүн тиешеси күмөн болгон экономикалык жетишкендиктерди [1] да болушунча өзүнө менчиктеп жатат – бул жараянда ал өзүнүн каармандык ролун негиздеп берсе жакшы болот эле. Азырынча, тилекке каршы, бул билдирүүлөр байкоочулардын ишенимин туудурган жери жок.

Өкмөттүн токтомдорун иликтеп жатканда көңүл бурдурган нерсе – мамлекеттик бийлик жана жергиликтүү өз алдынча башкаруу мекемелериндеги кызматкерлердин санына байланыштуу нормативдерге өзгөртүү киргизүү маселелери башкаруу системасына тиешелүү бардык токтомдордун 20 пайызга жакынын түзөт.

Алардын дээрлик жарымы (жыйырма токтомдун сегизи) 22-август 2011-жылдын 22-августундагы 473 номерлүү Кыргыз Республикасынын Өкмөтүнүн “Кыргыз Республикасынын министрликтеринин, административдик ведомстволорунун жана

башка мамлекеттик мекемелеринин штатынын саны жөнүндө” токтомуна өзгөртүү киргизүүгө байланыштуу болгон.

Бул да болсо кыйыр түрдө “реформаторлор” үчүн штатты азайтуу же көбөйтүү “оптималдаштыруу” жана “натыйжалуулукту жогорулатуу” маселелеринен айырмасы жок деген тезисти айгинелеп турат [2]. Чынында буларга кайра эле араңдан зорго тематикалык токтомдордун 15 пайызга жакынын түзгөн бештен ашпаган токтомду киргизсе болот.

[1] «Айрым саясатчылар өкмөттү канчалык сындашпасын, биз экономиканын чыныгы өсүшүн көрсөтүп жатабыз», – деп билдирди КРнын премьер-министри Жантөрө Сатыбалдиев өкмөттүн бүгүнкү отурумунда.

Анын айтуусу боюнча, 9 айдын ичинде экономика 9,2 пайызга өстү. 2012-жылы 6 пайызга төмөндөө болгон. “Мен сынчыларга жооп бергим келет. **Өкмөт мүчөлөрү жана жергиликтүү бийликтер өсүштү камсыз кыла алышты.** “Кумтөрсүз” өндүрүштүн өсүшү 23,5,

курулуштун өсүшү 21 пайыз деп белгиленди. **Жергиликтүү бийликтер Ысык-Көлдөгү туристтердин санын каттоого жетишти, алардын саны да барган сайын өсүүдө”,** – деп түшүндүрмө берди Жантөрө Сатыбалдиев.

Бир жылдын ичинде өкмөт көп нерсени өзгөрткөнүн, айрым ыйгарым укуктарды өткөрүп бергенин кошумчалап өттү. “Эгер силерге бул аздык кылса, мен дагы өткөрүп берем. Бизди ишти көрбөй жаткандар, көп нерсе жоготуп жатат. Убакыт баарын таразалайт”, – деди Жантөрө Сатыбалдиев. **06/11/13**

[2]Кыргызстандын мамлекеттик казынасынын кейитээрлик абалынан улам көптөгөн ведомстволордо штаттардын кыскарышы күтүлүүдө. Мисалы, Мамлекеттик салык кызматында 2014-жылдын 1-январынан баштап 122 штаттык бирдикти, Мамлекеттик бажы кызматында 127 бирдикти, Соцфонддо 121 бирдикти жоюшат. Мамлекеттик каттоо кызматында болсо 2013-жылдын 1-мартына чейин эле 30 бирдик кыскарышы керек. **2013-жылдын 21-февралындагы маалымат.**

Жыйынтык: 2013-жылы мамлекеттик башкаруу системасын жакшыртуу багытында табигый өзгөрүүлөр болгон жок, анын конфигурациясы анчалык деле өзгөргөн жок, башкаруунун мазмуну, түзүмү, форматтары сынга алынып жүргөн салттуулардан айырмаланбайт. Анча чоң эмес кандайдыр бир өзгөрүүлөр концептуалдык эмес, көрсөтмөлүү же табигый-административдик мүнөзгө ээ жана бүтүндөй системанын жакшырышына таасирин тийгизбейт.

Жалпысынан, административдик-территориалдык жана тармактык матрицада мамлекеттик башкаруу системасы советтик доордогу бойдон, такыр башка максаттарга туура келет. Башкаруунун мазмуну да жасалма социалисттик болуп, ага жасалма

капиталисттик акча мамилелери чапташтырылган. Чексиз жемкорлук да, мамлекеттик кызматтын татыксыз сапаты да, жана өлкөнү начар башкаруунун башка “түшүмдөрү” жана кесепеттери да ушундан улам болууда.

Түзүлгөн жагдайда өлкө өкмөттүн аркасы менен эмес, ага каршы өнүгүп жатат деген сөздү айтса болот.

Бул жаатта кетип бара жаткан жылда башкаруу системасындагы эң көрүнүктүү окуя Президенттин жемкорлук менен күрөшүү демилгеси болду деп айтса болот. Эпизоддук камоолордун жай аккан режиминен авторлор коррупциялык схемаларды жоюу, системалык өзгөрүүлөрдү ишке ашыруу жана мамлекеттик башкаруунун коррупцияга каршы заманбап моделин куруу нугуна түшүштү.

Кыргызстанда 2013-жылы башынан аягына чейин өкүм сүргөн башкаруу системасындагы реформалардын “токтоп туруу” доору бүтүп, бул чөйрөдө 1991-жылдан бери уланып келе жаткан көрүнүштөргө окшобогон жаңы, кардиналдуу реформалар башталат деп тилек кылса болот.

Жасалма старт болбойт деген үмүт гана калды.

Тамерлан Ибраимов: Бүгүн ар бирибизди белгилүү бир тема боюнча баяндама сунушубузду суранышты.

Менден укук чөйрөсүндөгү реформалар тууралуу пикирлерим менен бөлүшүүмдү сурашкан. Укук чөйрөсүн саясат же башкаруу чөйрөсүнөн толугу менен бөлүп алуу мүмкүн эмес экени түшүнүктүү, бирок, мен мага берилген нуктан чыкпаганга аракет кылайын.

Сот реформасы

Оболу, сот реформасына токтолгум келет. Башында эле белгилей кетейин, сот реформасы 2013-жылы эмес, жаңы Конституция кабыл алынгандан кийин башталган, б.а., үч жылдан бери уланып келет деген пикир бар. Тилекке каршы, 2013-жылы сот реформасы акырына чыккан жок, жана азыр анын аякташы тууралуу сөз кылуу эртелик кылат.

Сот реформасы жүргүзүлүп жатканда эмнеге басым кылынган эле? Биринчиси – бул соттордун салыштырмалуу жаңы конфигурациясы, Конституциялык палата Жогорку соттун бир бөлүгү болуп, белгилүү бир көз карандысыздыкка жетишти.

Негизги максат сотторду тандоонун жаңы системасын түзүү эле, ал жакта институционалдык өзгөрүүлөр болуп өттү. Жаңы институт түзүлдү – Сотторду тандоо кеңеши. Президент жана парламент да сотторду тандоо жараянына катышты.

Сотторду тандоо кеңеши 2013-жылы кандай иштегенин биз баарыбыз жакшы билебиз, бул мекеменин тегерегиндеги окуяларга көз салып турганбыз. Улам жагымсыз окуялар чыгып, Сотторду тандоо кеңешине көптөгөн күнөөлөр коюлуп, ал таза иштебей жатат, сотторду тандоодо белгилүү бир коррупциялык схемалар колдонулуп жатат, ал аркылуу кландык кызыкчылыктар көздөлүп жатат, бул мекеменин мүчөлөрүнө басым кылынып, же таасир

этилип жатат деген ойлор айтылган.

Бирок, бул күнөөлөрдүн көпчүлүгү тастыкталган эмес. Анткен менен тастыкталган учурлар да болгон. Мисалы, президент жайында тандалып алынган сотторго байланыштуу материалдарды аталган кеңешке кайтарып берип, Сотторду тандоо кеңешине карата айтылып жүргөн сындардын жүйөөлүү экенин айгинелеген.

Анан жакында биз эми Сотторду тандоо кеңешинин мүчөлөрү депутаттарга карата катуу сын айтып чыгышкандарына, эл өкүлдөрү өз кызмат абалынан пайдаланып, аталган кеңешке басым жасоого аракет кылып жатышат, өз туугандарын, тааныштарын, жакындарын алдыга сүйрөп жатышат деп, күнөөлөшкөнүнө күбө болдук. Сотторду тандоо кеңешинен кандайдыр бир жооп кадамдар болбогондуктан, депутаттар ар кандай тоскоолдуктарды жаратууга, анын ичинде, “КРнын Сотторду тандоо кеңеши жөнүндө” мыйзамына өзгөртүү киргизүүгө аракет кылып жатышат.

Ушулардын негизинде соттук корпусту калыптандыруу боюнча жаңы механизм олуттуу кыйынчылыктарды башынан өткөрүп жатат деп айтса болот. Тилекке каршы, азырынча жаңы институт системага жуурулуша элек жана системанын өзүндө да жаңылыштыктар болууда. Себеби, эмне экенин айтуу кыйын, балким, системанын өзү жаңы институтту сындырып жаткандыр, балким, бул кеңеште иштеген адамдар жана аларга басым жасоого аракет кылган адамдар эски ыкма менен иштеп жаткандыр. Бул жерде бир канча фактор болушу керек, бирок, институционалдык мүнөздөгү өзгөрүүлөр күтүлгөн жыйынтык алып келе элек.

Соттордун өздөрүнүн ишине келе турган болсок, улам болуп жаткан кызматтан бошотууларды жана козголуп жаткан кылмыш иштерин жана соттордун татыксыз жүрүм-турумунан кабар берген башка факттарды эске албаганда, олуттуу өзгөрүү деле болгон жок. Сот системасына жана айрым сотторго карата болгон коомдук терс пикир турукташып калган. Башкача айтканда, баары сот

системасы коррупциялашкан, таза эмес, башында айтылган билдирүүлөргө карабастан, сот системасында анчалык чоң өзгөрүүлөр деле болгон жок деген ойдо.

Конституциялык палата акыры ушул жылы өз ишин баштады, бирок, анын ишмердүүлүгү тууралуу алгачкы тыянактарды да чыгаруу азырынча эрте, анткени, азыр анын ишмердүүлүгүнүн жыйынтыктары көрүнө элек. Биз Конституциялык палата түзүлгөндүгүн, ал жакка доо арыздар берилгендигин билебиз, алар азыр каралууга даярдалып жатса керек, бирок, азырынча жыйынтыктарды көрө элекпиз. Бул мекеме өзүн кандай көрсөтөөрүн айтуу кыйын: ал чындап эле Конституцияны коргой турган мекеме болобу, же ар бир мамлекеттик мекеме өз ишинде дуушар болгон кыйынчылыктарга мунусу да тушугабы – муну билүү өтө кыйын.

Жалпысынан алганда, 2013-жылы уланган сот системасынын реформасы канчалык натыйжалуу болгонуна баа бериш үчүн болгону бир суроого жооп бериш керек – коом соттор жакшырып, таза иштей баштады деп эсептейби?

“Жок” деп айтсам, жаңылышпайм. Тилекке каршы, мен таанышып чыккан сурамжылоолордо 2013-жылы сот системасы дээрлик өзгөргөн жок деген пикир басымдуулук кылат.

Айрыкча соттук-укуктук сыяктуу татаал чөйрөдөгү реформаларды баалоо бир жактуу болушу мүмкүн эмес экендиги түшүнүктүү. Себеби, көптөгөн нерселер көзгө көрүнбөй, тынч жана көмүскө жүрүп жатышы мүмкүн. Бул жараянды ийне-жибине чейин билүү жана түшүнүү зарыл. Бирок коомдук пикир баалоонун эң негизги критерийи болуп кала бермекчи.

Негизи, сот системасы адилеттүү жана компетенттүү болсо, ага ишенишет, болбосо, ишенишпейт. Мисалы, Англиянын сот системасына көптөгөн сындар айтылат, бирок, калктын басымдуу көпчүлүгү аны адилеттүү деп эсептейт жана ага ишенишет. Кыргызстан жарандарынын Кыргызстан сот системасына карата болгон пикири 2013-жылы өзгөргөн жок. Мындан биздеги сот системасынын реформасы азырынча аягына чыгуудан алыс.

Укук коргоо органдарынын реформасы

Укук коргоо органдарынын реформасына келсек, оболу ИИМдин реформасы тууралуу сөз кылыш керек.

Сот системасында кандайдыр бир системалык кадамдар кылынган болсо, ар кандай себептерден улам ишке ашпай калган кандайдыр бир пландар болсо, укук коргоо органдарынын реформасында мындай кадамдар дээрлик кылынган эмес. Реформа керек, мындан ары минтип уланышы мүмкүн эмес, милиция түбүнө жетти, милиция ишмердүүлүгүнүн коррупциялашкандыгы, таза эместиги, кесипкөйсүздүгү ооздон-оозго өткөн дастанга айланып бүттү деген кептер көп эле айтылды. Ошентсе да, иш-чаралардын конкреттүү планын белгилөөгө жана аларды ишке ашырып баштоого жетишилген жок.

Министрлер жана депутаттар милицияны реформалоо боюнча кандайдыр бир пландар, долбоорлор бар деп айтышууда. Бирок, мен ушуга чейин ИИМди реформалоо боюнча кабыл алынган иш-чаралардын конкреттүү планын, бул ишти кантип кылышты даана билем деген кишилерди, муну ишке ашырууга даяр болгон команданы көрө элекмин.

ИИМди реформалоонун кечигишин актагандардын негизги жүйөсү – акча жок.

Экинчи себеби – бул чөйрөнү кандайча реформалаш керек деген маселе боюнча консенсустун жоктугу. Кимдир бирөө Грузиянын тажрыйбасын толугу менен өздөштүрүүнү сунуштоодо, реформалай турган деле эч нерсе жок, болгону тартип орнотуп, системанын “косметикалык оңдоосун” жүргүзүү керек дегендер да бар. Дагы башка сунуштар бар, бирок, мунун баарын кантип ишке ашырыш керек деген маселеде консенсус жок. Ошондой эле, столду бир муштап, баарын дал ушундай кылыш керек деген эрктүү чечим да жок.

Ал эми ИИМди реформалоо, “косметикалык оңдоо” эмес, дал реформалоо – мамлекеттик башкаруу системасын реформалоодо жана жемкорлук менен күрөшүүдө кылыныш зарыл болгон эң биринчи кадам.

Логика жөнөкөй – укук коргоо системасы өзү коррупция жана кесипкөйсүздүк сазына белинен батып турса, кылмыштуулук жана тартип бузуулар менен күрөшүү мүмкүн эмес. Мамлекет дал ушу мыйзамдарды чыгарып, алардын аткарылышын камсыздаш үчүн түзүлөт да. Мыйзамдардын аткарылышын камсыздай турган натыйжалуу куралдар болбосо, натыйжалуу мамлекет да болбойт.

Биз бүгүн мамлекетибиз коррупцияга тыгылды, ал такыр натыйжасыз, ага карата ишеним жок, элдин арасында баркка ээ эмес деп, айтып жатабыз. Мыйзамды камсыздоонун негизги куралдарынын бири эмне? Бул, албетте, соттор жана укук коргоо органдары.

Укук коргоо системасы бүгүнкү күндө толугу менен туңгуюкта. Укук коргоо системасы – бул өлкөнүн жараны дээрлик күндө сүртүшкөн нерсе. Эми мурун берген суроону кайра бергенге аракет кылалы. Коом милицияны таза, адилеттүү жана компетенттүү деп эсептейби? Тилекке каршы, жообун билесиздер. Бул жарандардын кабылдоосу гана эмес. Бул деген мамлекеттик башкаруунун бүтүндөй аппаратын баалоодо адамдар колдонгон призма.

Мамлекеттик мекемелерди, мамлекеттик башкарууну реформалоо үчүн, оболу, укук коргоо системасын реформалоо керек. Бул иш кылынган жок. Бул жагдай мен бир аздан кийин сөз кыла турган антикоррупциялык реформаларды кандай ишке ашырып жатканыбызга да таасирин тийгизүүдө.

Мисалы, эмнеге көзгө көрүнгөн илгерилөөлөр болуп жатса да, көпчүлүк антикоррупциялык реформа “чыныгы жана көпкө созулчу” иш-чара экенинен күмөн санап жатышат. Себеби, биз оң өзгөрүүлөрдү көрүп, алар тууралуу угуп жатып, көчөдө, үйдө, жумушта башка факттарга тушугуп жатабыз. МАИчилер, тилекке каршы, мурун параны кандай алып жүрүшсө, азыр деле ошондой алып жатышат, милиция кызматкерлери, тергөөчүлөр, прокурорлор мыйзамсыз басымдарды, коркутууларды, кыйноолорду мурун кандай кылып келсе, ошол бойдон эле улантып жатышат.

МАИчи пара алууну, тергөөчү акча доолаганды, прокурор мурунку иштерин ошол бойдон улантып жатса, жаран жалпысынан мамлекет жөнүндө кандай ойдо болот?

Мен милиция кызматкерлеринин жана прокурорлордун баары ушундай деп айткым келбейт. Бирок, аларга карата коомдук пикир

өзгөргөн жок, демек, көзгө көрүнөөрлүк өзгөрүү болгон жок. Эгер өлкөнүн бардык жеринде МАИчилер пара албай калышса, анда жарандар реформалар акыры башталды деген ойго кошулушат. Азырынча биз минтип айта албайбыз.

Айтмакчы, дароо бир канча багытта реформалардын жүргүзүлүшү оор экенин түшүнүү менен, ишти дал ушул МАИден баштаса болот. Кызматкерлерди тандоо жана даярдоо системасын иштеп чыгуу зарыл. Инспекторлордун ишмердүүлүгүнө катаал антикоррупциялык көзөмөл жүргүзүү системасын сыноодон өткөрүш керек. Татыктуу маянаны жана социалдык пакетти камсыздоо системасын ишке киргизүү абзел.

Бул эки натыйжа берет – мамлекеттик башкаруунун бүтүндөй системасында ири масштабда колдонуудан мурун системаны сынап көрүүгө мүмкүнчүлүк берет, ошол эле убакта, кыска мөөнөт ичинде коомчулукка чыныгы реформаларды көрсөтө алат.

Антикоррупциялык реформа

Эң көрүнүктүү жылыштар антикоррупциялык чөйрөдө болду окшойт. Ири кылмыш иштери, тергөөлөр жана таасирлүү адамдардын камалышы – мунун баары коомдо чоң эмоционалдык көтөрүлүү менен жаңырды. Бирөөлөр үчүн бул көтөрүлүү каршылык жигердүүлүгүнүн чокусунан чыгуу болсо, айрымдары үчүн пайда боло баштаган адилеттүүлүктүн белгиси болду. Кылмыш иштери адилеттүү түрдө козголуп жатат дегендер көпчүлүктү түзөт. Алар анчалык кыйкыра беришпейт жана көзгө көп көрүнүшпөйт, бирок, алар басымдуу көпчүлүктү түзөт. Демек, бул тармактагы реформаларга оң баа берсе болот.

Бирок, камоо жана мөөнөттөр менен эле антикоррупциялык реформаны ишке ашырууга болбой турганын дароо белгилей кетейин. Кулакка сиңген сөз менен айтканда, системалык өзгөрүүлөр керек. Системалык өзгөрүү дегенде, мамлекеттик кызматкердин жана анын жакын туугандарынын кирешеси, мүлкү жана жоопкерчиликти жөнүндөгү декларацияларды текшерүү механизми иштеп башташы керек, өздөрүнүн киреше жана чыгашалары жөнүндө туура эмес маалымат берген мамлекеттик кызматкерлер чындап камоо мөөнөтүн ала башташы керек.

Эң кызыгы – бул механизм биздин мыйзамдарда жазылган. Бирок, негедир, мыйзамдар жүгүртүлбөй, бул механизмдин иштебей жатканына кандайдыр бир шылтоолор, тоскоолдуктар табылып жатат. Мен мамлекеттик кызматкерлердин антикоррупциялык жүрүм-турумун калыптандыруу жолунда декларацияларды текшерүү системасы олуттуу системалык кадам болмок деген ойдомун.

Системалык өзгөрүү болгондо 2012-жылы эл аралык документтердин, алардын ичинде, БУУнун коррупцияга каршы Конвенциясынын сунуштоосу менен киргизилген, бирок, ушуга чейин өлүк берене болуп келген Кылмыш кодексинин 308-1 “Мыйзамсыз байлык топтоо” деген беренеси иштеп башташы керек. Ушул беренеге таянып, мамлекет мамкызматкерлердин кирешесин тыкыр текшерүү аркылуу өзүнүн байлыгынын келген жолун түшүндүрө албагандарды катуу жазалай алмак.

Менимче, мамлекеттик кызматкердин жана анын жакын туугандарынын кирешеси, мүлкү жана жоопкерчиликти жөнүндөгү декларацияларды текшерүү механизми иштеп баштаса, бул аркылуу кирешелер жөнүндөгү туура эмес маалымат аныкталса, анда мыйзамды бузган адамдар “Мыйзамсыз байлык топтоо” беренеси менен жоопко тартылмак. Бул, өз кезегинде, келечекте мамлекеттик кызматкерлердин мыйзам бузуусуна жол бербей турган

механизмди түзүү жолунда олуттуу системалык кадам болоор эле.

“Бай болгуң келсе, бизнеске кир” деген президенттин сөзү системалуу айтылды. Кош колдоп, колдойм аны. Бирок, бул чакырыктын ишке ашышы үчүн, анда адам мамкызматка эмнеге барышы керек деген суроого жооп берүү зарыл. Өнүккөн өлкөлөрдө бул суроонун жообу өтө жөнөкөй – туруктуулук үчүн, салыштырмалуу жогорку айлык, жогорку пенсия жана престиж үчүн.

Биз дагы Кыргызстанда мамлекеттик кызматка жакшы билими бар адамдардын барышын, алардын жакшы иштешин камсыздай турган шарттарды түзүшүбүз керек.

Катал көзөмөл жана жемкорлук үчүн жазалоо таза иштөөгө татыктуу шарт түзүп берүү менен биргеликте гана натыйжалуу боло алат. Татыктуу шарт түзүү жана ошону менен бирге ишке катал көзөмөл жүргүзүү – бул системалык кадамдар.

Коомдогу бүгүнкү эмоциялык көтөрүлүүнү бекемдеш үчүн бул сыяктуу системалык кадамдардын ишке ашырылышы өтө зарыл. Бул эмоциялык маанай жогорку мартабалуу адамдар акыры коррупциялык иштери үчүн жоопко тартыла баштаганы менен байланыштуу экени баарына түшүнүктүү.

Адамдар антикоррупциялык саясаттын чын эле жүргүзүлүп жатканына ишенүүлөрү үчүн, көчөдө, жумушта, бизнес чөйрөсүндө конкреттүү өзгөрүүлөрдүн болушу шарт.

Эгер мезгил-мезгили менен кайсы бир депутатты же министрди

камап турушса, бирок, ошол эле учурда МАИчилер мурункудай эле пара алууну уланта беришсе, жарандардын өлкөдөгү жемкорлук тууралуу пикири кандай болот? ЖОЖдордо сабактарды мурункудай эле акча менен бүтүрүп, соттор акча үчүн чечим чыгарып жатса, биз антикоррупциялык реформалар тууралуу кандай ойдо болобуз?

Ансыз ири кылмыш иштери тез эле унутулат же адамдар кызыгуу менен катардагы жемкордун үйлөрүн жана унааларын санаган кызыктуу аңгемелердин мүнөзүнө ээ болот да, адамдар кайра ууру аткаминерлер катышкан күнүмдүк чындыкка кайрылышат.

Жемкорлукка каршы күрөшүүнүн дагы бир маанилүү фактору – бул анын объективдүүлүгү. «Өзүбүздүкүлөргө – баары, душмандарга – мыйзам» деген принцип биздин шарттарга такыр туура келбейт. Коомчулук, өлкөнүн жарандары дайыма антикоррупциялык саясат объективдүү түрдө саясий кызыкчылыктарга карабастан, бардык мамлекеттик кызматкерлерге карата жүргүзүлүшүн талап кылып жатканын көрүп жатабыз. Президент да муну түшүнүп турат. Иса Өмүркуловго карата козголгон кылмыш иши муну тастыктагансыйт. Бул принцип саясий турумдарына карабастан, башка аткаминерлерге карата да колдонулат деп ишенгим келет.

Кызыкчылыктар кагылышын болтурбоо – антикоррупциялык реформанын маанилүү бир элементи. Жогорку мартабалуу кызматкерлер аларга тиешеси бар фирмалар тендер артынан тендер утуп жатканда, түшүнүксүз актанууларды айтып жатканы таң калтырат. Бул жерде кызыкчылыктар кагылышы болуп жатканы айдан ачык жана бул мыйзамдарда жазылбаса да, аткаминердин ахлактык жүрүм-турумунун белгилүү бир нормалары бар. Антикоррупциялык жүрүм-турум биздин коомдо нормага айланышы керек. Себеби, ансыз антикоррупциялык реформа кандайдыр бир жыйынтыктарды берет деп айтуу мүмкүн эмес.

Укуктук маданият

Биз укуктук маданиятыбыздын деңгээли төмөн дейбиз, салыштырмалуу кыска мөөнөт ичинде жүрүм-турумубуздун өзгөрткөнгө менталитетибиз жол бербейт – бир, эки, үч жылда муну өзгөртүү мүмкүн эмес дейбиз. Бирок, укуктук маданият өтө жай өзгөрөт деген пикир кеңири тараганына карабастан, жемкорлукка каршы ийгиликтүү күрөш жүргүзгөн өлкөлөрдүн мисалы бар жана алар андай эмес экенин көрсөтүп турат. Эгер аткаминер кылган кылмышы үчүн аны тез эле жоопко тартып коёрун билсе, анын жүрүм-туруму бат эле өзгөрөт. Эгер аткаминер мыйзамды бузса, эмненин жогото турганын билсе, анын жүрүм-туруму өзгөрөт. Эгер жаран мамлекеттеги өзгөрүүлөрдү көрсө, ал өзү өзгөрөт. Жүрүм-турумдук стереотиптер, мен азыр антикоррупциялык жүрүм-турумдан кеп кылып жатам, салыштырмалуу тез арада эле турмушубуздун чындыгына айланышы мүмкүн.

Укуктук маданият менен башка бир маселе да байланышкан. Учурда антикоррупциялык иш-чаралардын фонунда болуп жаткандар эки башка багыттагы векторлордун күрөшүү дагы болуп саналат: бирөөсү – борбордоштурулган натыйжалуу мамлекет үчүн, экинчиси – Кыргызстандын территориясындагы орто кылымдагы аймактык букаралыктар үчүн.

Демократия үчүн болгон күрөш менен мунун эч кандай байланышы жок. Же мамлекет бардыгын мыйзамга баш ийүүгө мажбурлайт, же өлкө бийлик үчүн болгон чексиз тирешүүлөрдүн сазына батат. Өз кландарынын кызыкчылыктарын жактаган топтордун тизгининде калуу заманбап борбордоштурулган мамлекетти куруу ишин жокко чыгаруу дегенге жатат. Бул жагынан алып караганда, президент Атамбаевдин аракеттери өлкөнүн башкарылышы жана өнүгүшү үчүн болсо да колдоого алынышы керек.

Объективдүү ой жүгүртө турган болсок, өлкө үчүн борбордук бийликтин жеңиши абдан маанилүү, анткени, башкача болгондо баары уттурат. Ал эмес аймактык лидерлер да, эгер алар убактылуу жеңишке ээ болсо, тез арада эле бийлик талашкан кийинки талапкерлердин басымына дуушар болушат, анткени, алар бийликти узак мөөнөткө кармап кала алышпайт. Бул эмнеге алып келээрин түшүнүш үчүн, айрым Африка өлкөлөрүнө, мисалы, Борбордук Африка Республикасына көз жүгүртсө жетиштүү болот.

Ошондуктан, мурунку жылдардагыдай эле, 2013-жылы, 2014-жылы боло тургандай эле, негизги маселелердин бири болуп борбордук бийликтин натыйжалуулугу эсептелип келген жана эсептеле бермекчи. Ал эми борбордук бийлик ийгиликтүү болушу үчүн, ага чыныгы реформалар абадай зарыл. Укуктук чөйрөдөгү реформалар бул жерде артыкчылыктуу болуп эсептелет.

Парламент шайлангандан бери үч жыл өттү. Президентти шайлагандан бери эки жыл өттү. Коомдо оң өзгөрүүлөр бар, бирок, терс көрүнүштөр да көп. Азыркы бийликти – ал мурун жар салган реформаларды ишке ашыра алдыбы, жокпу – муну баалоодо эмнеге басым жасалаарын азырынча айтуу кыйын. Бирок, жакшыдан үмүт кылгым келет.

Эльмира Ногойбаева: 2013-жыл кыйла динамикалуу болду. 2012-жылы биздин аймакка тиешеси бар негизги оюнчулардын айрым турумдары, анын ичинде, идеологиялык турумдары да өзгөрдү.

Россия Федерациясы – бул аймактык коопсуздуктун корголушу. Бул өлкө тутунган негизги идеология – бул биздин жалпы өтмүшүбүз, учурубуз жана биздин ыктымалдуу жалпы келечегибиз болгон Бажы биримдиги.

Кытай – бул инфраструктура, көмүр суутек казып алуу, коммуникация тармагындагы долбоорлорду каржылоо. Ынак коңшулуктун идеологемасы: “Биз баарыбыз Азиябыз”.

Кошмо Штаттардын идеологемасы өзгөрүп, демократиялаштыруу жана адам укуктары экинчи планга жылып, биринчи орунга өздүк стратегиялык кызыкчылыктар жана аймакта коопсуздук алкагын камсыздоо маселеси чыгууда.

Борбордук Азияда, анын ичинде, Кыргызстанда, жаңжал чыгышы мүмкүнбү же жокпу деген суроо боюнча ойлонуп жатканда, биз эки гипотезага таянсак болот. Акылга биринчи келген нерсе – жаңжал болбойт. Бул божомолду тастыктаган төмөнкү жүйөлөр бар: чек арадагы чыңалуу дайым болуп келген – бул “кетмен” чабыштар – жерден, суудан, чек аралардын белгиленбегенинен улам мезгил-мезгили менен чыгып турган бул жаңжалдар ушуга чейин ири масштабдагы жаңжалга алып келген эмес. 90-чу жылдардагы кырдаалга салыштырсак, акыркы беш-жети жыл ичинде биздин чек аралардагы миналар жоюлду. Бул жүйөнү Кыргызстандын Мамлекеттик чек ара кызматынын төрагасы келтирген.

Наркомафияга жаңжалдын кереги жок, анткени, калыптанган, ыңгайлаштырылган транзиттик системаны, анын ичинде, чек арадагы системаны бузуу пайда алып келбейт.

Борбордук Азиянын бир дагы өлкөсүнө жаңжалдын кереги жок, себеби, баары өздөрүнүн ички көйгөйлөрү менен алпурушууда: мыйзамдуу жана көмүскө оппозиция менен күрөшүү, жакындап келе жаткан лидерлердин алмашышына карата башкаруудагы кландардын бийликти кармап калуу далалаты.

Россия Федерациясы үчүн КМШдагы өлкөлөр аралык жаңжал пайдалуу эмес, себеп дегенде, мындай жаңжалдар постсоветтик чек аралардын кайрадан каралышына алып келиши мүмкүн. Анын натыйжасында постсоветтик мейкиндиктин бир бөлүгү катары анын

өзүнүн чек аралары “домино” эффектисине тушугушу ыктымал.

Бирок, биз бул гипотезадан чегинип, жаңжал чыгат деген экинчи гипотезага кайрыла турган болсок, мен төрт жүйөнү карап чыгууну сунуштаар элем.

Биринчи жүйө – бул чөлкөмдөгү өлкөлөрдүн ички өбөлгөлөрү. Экинчи жүйө – Борбордук Азия чөлкөмү, анын ичинде, Кыргызстан үчүн калыптанып жаткан “коопсуздук дискурсу”. Үчүнчү жүйө – чөлкөмдүн милитаризацияланышы. Төртүнчү жүйө – бул согуштардын мүнөзүнүн өзгөрүшү. Эми бул жүйөлөрдү жакшылап талдап көрөлү.

Биринчи жүйө тууралуу төмөнкүлөрдү айтса болот: ресурс менен (көмүр суутек, суу-энергетика ресурстары) камсыз болуудагы айырма; куралдануудагы айырма, коопсуздуктун түрдүү стратегияларын колдонуу; саясий режимдердин айырмасы, бийликтин өткөрүлүү салттары; режимдердин жекелештирилиши; алдыдагы лидерлердин алмашышы, режимдин туруксуздугу; Борбордук Азия мамлекеттеринин лидерлеринин макулдаша билүү жөндөмдүүлүгүнүн деңгээлинин төмөндүгү (Борбордук Азия өлкөлөрүнүн лидерлери консенсуска келген дээрлик бир да маселе жок. Бул суунун айынан чыккан араздашуулар, Бүргөндү массивин өткөрүп берүү келишиминин артка чакыртылышы, Ислам Каримовдун согуш тууралуу билдирүүлөрүнүн риторикасы); чөлкөмдөгү өлкөлөрдүн артыкчылыктуу багыттарындагы айырмалар (эл аралык уюмдардагы мүчөлүк, ЕККУ, Бажы биримдиги, ШКУ); калыптанып жаткан маданий-гуманитардык чөйрөлөрдүн айырмачылыгы (тил, алфавит, латиница, кириллица, фарси); биздин өлкөлөрдүн ортосундагы чек аралык дипломатиялык келишпестиктердин көбөйүшү.

Экинчи жүйө болгон “коопсуздук дискурсунун” калыптанышына келсек, чөлкөмдүн, анын ичинде, Кыргызстандын саясатта, маданиятта, анын ичинде, академиялык жана эксперттик чөйрөлөрдө берилиши тууралуу сөз кылса болот. Бул чөлкөмдүн

кандайдыр бир коопсуздаштырылышы же өнүктүрүлүшү катары тартууланып жаткан нерсе.

Бул жагынан Копенгаген мектебинин өкүлү Барри Бузандын коопсуздаштыруу концепциясы кызыгууну туудурат. Борбордук Азияга, анын ичинде, Кыргызстанга коопсуздук тармагындагы кандай саясатчылар назарын салып жатканына көңүл бурсаңыздар. Бул коопсуздук саясаты, же көбүнесе, ЕККУ колдонгон тынчтык жана өнүгүү саясаты. Бул багыттардын жана концепциялардын көпчүлүгү СССРдин изилдөө институттарынын негизинде иштелип чыккан. Андыктан, алар дагы эле эски-жаңы кансыз согуш жоболоруна таянат. Бул биз советтик доордо эле байкап жүргөн дискурс – жакындашуу саясаты аркылуу тирешүү дискурсу же эки лагердин тирешүүсү.

Бул маселеге байланыштуу мен Борбордук Азияга карата Британия изилдөөчүсү Миграндын пикирин мисалга алгым келет. Батыш саясаты, илимий чөйрөсү Борбордук Азияга караңгы, изилденбеген, этникалык жана саясий жактан тынч эмес жана баш ийбес, көбүнесе, чыгышчыл, ушул себептерден улам кооптуу чөлкөм деген аныктама беришет. Эксперт сөрөйлөрдүн арасында биздин чөлкөм жөнүндөгү билимдин жетишсиздиги – калп илимий изилдөө эмгектери чоң мааниге ээ боло баштаганынан кабар берет. Билим түшүндүрүү, ачыктоо жолу менен калыптанат. Андыктан, жаңжал, исламизм, ири державалардын күрөшү жана башкалар менен ассоциацияланган чөлкөм тууралуу идея пайда болгондо, академиялык илим бул жалгандардын бардыгын четке кагып жатса да, көпчүлүк учурда жалган билимдерди чындык маалыматтар менен алмаштырыш кыйынга турат.

Чөлкөмдү, анын ичинде, Кыргызстанды, таанытуу тенденциясы бүгүнкү күндө чөлкөмдү архаизациялоо же өлкөнү шайтан кылып көрсөтүү өңдүү мүнөздөмөлөр менен аныкталып жатканы түшүнүктүү. Көбүнчө, кландык коом, калыптана албай калган мамлекет, өнүгүү жөндөмдүүлүгү болбогон мамлекет, туруктуу тобокелдер аймагы ж.б.у.с. эпитеттер колдонулат.

Кийинки жүйө чөлкөмдүн милитаризацияланышына байланыштуу. Бул термин чөлкөмдүн өзүндө, негедир, аз колдонулат, бирок, аны чет элдик эксперттер Борбордук Азия өлкөлөрүнө, чөлкөмгө карата көп колдонушат. Милитаризациялоо – бул кайсы бир тармакта, ишмердүүлүктө, күнүмдүк жашоодо аскердик фактордун ролунун өсүшү. Бул жерде эки деңгээлди бөлүп караса болот. Жергиликтүү деңгээл – Фергана өрөөнүндөгү чек ара жаңжалдарынын көпчүлүгү куралдарды чогултуп алуу учурунда келип чыгат, айрыкча, 2010-жылдан кийин. Менин борборубуздагы кесиптештерим өздөрүнүн талаа изилдөөлөрүндө курал-жарак, өзгөчө, өлкөнүн түштүгүндө, бүгүнкү күндө сейрек көрүнүш эмес экенин байкашкан. Көптөгөн адамдар, айрым топтор куралданып жатышат, бүгүн Калашниковдун автоматын жүз доллардан башталган баага сатып алса болот.

Мамлекеттик деңгээл – бул армиянын күчтөндүрүлүшү, аскердик базалардын түзүлүшү, куралдын жаңы түрлөрүнүн алынышы.

Шойгу мырза Кыргызстанга курал жеткирүү үчүн 1,1 миллиард доллар, Тажикстандын Куралдуу күчтөрүнүн керектөөлөрү үчүн 200 миллион долларга жакын каражат багытталарын айтты. Өзбекстан 2014-жылы өзүнүн аскердик потенциалын НАТО (Түндүк Атлантикалык келишим уюму) жетектеген Коопсуздукка көмөктөшүү эл аралык күчтөрүнүн (International Security Assistance Force – ISAF) контингентинин Афганистандан чыгарылган техникасы аркылуу күчтөндүрүүнү көздөөдө. Ошентип, чөлкөмдүн өлкөлөрү акырындан ар кыл курал менен камсыздана баштады.

Борбордук Азиянын милитаризацияланышы төмөнкү негизги тенденциялар менен мүнөздөлөт. Ири державалар Борбордук Азиядагы чет элдик аскердик базаларды жана объекттерди сактап калуу, мөөнөтүн узартуу жана бекемдөө, о.э., жаңыларын түзүү багытында конкреттүү кадамдарды жасашууда. Россия Кыргызстанга жана Тажикстанга ири өлчөмдө куралдарды, аскердик техникаларды өткөрүп берип, аны менен бирге аскердик-өндүрүштүк ишканаларды

сатып алууну көздөп жатат. Чөлкөмдө Россиянын аскердик катышын ЕККУ механизми аркылуу институционалдык бекемдөө жүрүп жатат, анын ичинде, Борбордук Азия өлкөлөрүнүн ички иштерине болушу ыктымал болгон аскердик кийлигишүүлөрдү мыйзамдаштыруу аракеттери жүрүп жатат.

ЕККУ алкагында Борбордук Азия өлкөлөрүнүн аймактарында командалык-штабдык окуулар жигердешүүдө, Борбордук Азиянын ички жана тышкы чек араларына көзөмөл орнотуу аракеттери күч алып жатат.

Төртүнчү аргумент – согуштардын мүнөздөмөлөрүнүн өзгөрүшү. Бүгүнкү күндө, “араб жазындагыдай” таасир этүү куралдарын карай турган болсок, аларга кандай мүнөздөмөлөр туура келет? Албетте, бул жаңы технологиялар, жайылуунун жана башкаруунун өтүмдүүлүгү, динамикалууулугу, универсалдуулугу, келечекти алдын ала божомолдоо мүмкүнчүлүгүнүн жоктугу.

Жыйынтыктар. Бүгүнкү күндө чөлкөмдүн бир бөлүгү катары Кыргызстанда жаңжалдын өбөлгөсү бар. Сырттан калыптанып жаткан жана өлкөнүн ичинен улантылып кеткен “коопсуздук дискурсу” аймактык, мамлекеттер жана өлкөлөр аралык деңгээлдеги чыңалууну күчөтүүдө. Чөлкөмдү милитаризациялоо тенденциясы азыркы коопсуздук коркунучтарынын жана тобокелчиликтеринин күчөшүнө жана жаңыларынын пайда болушуна алып келиши мүмкүн.

Чөлкөмдүн, өлкөлөрдүн милитаризацияланышы азыр сакталып турган аскердик балансты бузуп, Борбордук Азия мамлекеттеринин ортосунда өз ара ишенбөөчүлүк кырдаалын жаратышы ыктымал. Алынып жаткан куралдын көзөмөлсүз таралуу коркунучу, анын айрым адамдардын жана бейформал топтордун колуна тийиши кырдаалды туруксуздаштырып салышы мүмкүн. Терроризмге, экстремизмге жана баңги трафигине каршы согуштук техника менен гана күрөшүү мүмкүн эмес. Бул маселелерди укук коргоо органдарынын, атайын кызматтардын потенциалын жогорулатуу,

мамлекеттер арасында толук кандуу кызматташтыкты орнотуу, о.э., туруктуу социалдык-экономикалык өнүгүүнү, мамлекеттик башкаруунун бүтүндөй системасынын натыйжалуу иштешин камсыздоо аркылуу чечүү зарыл.

Өлкөлөрдүн милитаризацияланышы чөлкөмдөгү геосаясий күрөштү курчутат. Чөлкөмдүн мамлекеттери ири державалардын ортосундагы тирешүүгө кириптер кылынышы мүмкүн. Бул нерсе, өз кезегинде, алардын тышкы саясаттагы жана экономикалык өнүгүүдөгү өз алдынчалыгын чектейт, алардын доминанттардын саясатынан болгон көз карандылыгын жана талуулугун күчөтөт.

Чөлкөмдүн жаңжалдуулугу жергиликтүү карама-каршылыктарга же Борбордук Азия өлкөлөрүнүн ички саясий режимдерине караганда, чөлкөмдүн өзүнүн контурларын кайрадан форматтоодо көбүрөөк камтылган. Биз колдонулуп жаткан куралдардын да, Борбордук Азия мейкиндигинин өзүнүн да өзгөрүп жатканына күбө болуудабыз. Дүйнөдөгү согуштардын өзгөрүлүп жаткан мүнөзү ар кыл карама-каршылыктардын форматын алмаштырып, мамлекеттерди көбүрөөк көз каранды кылып, алардын алдына жаңы чакырыктарды таштоодо.

Валентин Богатырев: 2013-жылдын аякташына эки жума калды, бирок, анын саясий жыйынтыктары кандай болот деген суроого так жооп жок. Анча маанилүү эмес жана, менимче, негизги болбогон, бирок, кеңири публика үчүн кыйла кызыктуу болгон маселелер.

Бул Жантөрө Сатыбалдиевдин өкмөтүнүн кетишине жана Жогорку Кеңештин таратылышына байланыштуу маселе.

Жылдын саясий жыйынтыктарынын өңүтүнөн алып караганда, бул анча деле маанилүү эмес маселелер. Эмнеге экенин түшүндүрүп берейин.

Өкмөт маселесинен баштайын. Бүгүнкү күндө анын ишинин жалгыз оң жыйынтыгы болуп кечээ таанытылган мамлекеттик реформалоонун кезектеги концепциясын жана программасын иштеп чыккандыгы саналат. Бул жакшы программа, себеби, ал, биринчиден, эч качан ишке ашырылбайт, экинчиден, биздин мамлекеттик бийлик системабызда олуттуу өзгөртүү деле жаратпайт.

Бизге айтып жаткан экономиканын өсүшүнүн ыргагынын көрсөткүчтөрүн бул өкмөттүн жетишкендиги катары карабайм. Себеп дегенде, эң оболу, бул көрсөткүчтөр төмөнкү базадан алынгандыгы үчүн. Анан да бул өсүш өкмөттүн аракетинен улам болгонун көрсөткөн эч нерсе жок. Тескерисинче, өкмөт катуу жар салган долбоорлор жаатында эч кандай өсүү байкалган жок. Өкмөт эч нерсе кылбаган жерде – өсүү болду десе болот. Бюджеттик маселелер, өнүгүүгө багытталган инвестициялар президенттин аракети менен, анын тышкы грант жана кредиттер боюнча келишимдеринин аркасы менен жабылууда.

Бирок, жыйынтыктардын жоктугу өкмөттү кетирүүгө себеп боло албайт, азырынча. Анан калса, кандайдыр бир нерсеге жетишкен өкмөттү эстей да албайбыз да биз.

Маселе башкада: өкмөт саясий соккуларга туруштук бере албай жатат. Алар учурунда “Кумтөр” маселесин чечүүнү моюндарына алгансыгандары менен, аны чече алышпады. Алар калк менен спецназдан башка жол аркылуу сүйлөшүүгө жөндөмдүү эмес экен. Убагында түштүк элиталарынын лидери катары дайындалган премьер-министр, учурунда дал ушул себеп менен дайындалганына карабастан, мындай лидер боло албады жана түштүк элиталарынын бийликке катышуу маселелесин чече албады. Биз ошондо эле айтып чыкканбыз, азыр бул айкын болду – бул чечим жүйөлүү мотивацияга таянбаптыр.

Өкмөттүн ушул кудуретсиздиги – мына бул олуттуу маселе. Бул өсүүнүн фиктивдүү сандарынан салыкты сыгып алуу эмес.

Буга кошумча болуп, жемкорлук менен күрөшүү эки учу бар таяк экени түшүнүктүү болду. Эми эгер өкмөттү жаңы жылга чейин кетиришпесе, биз анын айрым жетекчилери жана министрлери тууралуу көп кызыктуу нерселерди угабыз.

Андыктан, мен азыркы өкмөттү дагы белгилүү бир убакка чейин кармап турууну улантуунун эки эле себеби бар деп эсептейм: ал өзүнүн “Кумтөр” эпопеясын акырына чыгарышы керек жана ал кыштын терс жактарын өзүнө алышы керек. Балким, аягында энергия ташыгычтарына (электр кубаты жана газ) болгон бааны жогорулатып, тез арада качып кетиши мүмкүн. Кимдир бирөө бул жек көрүнүмдүү, бирок, кылынышы керек болгон ишти акыры аткарышы зарыл да.

Эми Жогорку Кеңештин өзүнүн ыйгарым укуктарынын конституциялык мөөнөтүнүн акырына чейин иштөө мүмкүнчүлүгү тууралуу.

Мунун эки сценарийи бар. Экөө те «Кумтөр» маселесине байланыштуу, бирок кеп «Кумтөрдө» деле эмес экенин баары эле түшүнүп турат. Мен өкмөттүн кетирилиши тууралуу жана мунун Жогорку Кеңештин мөөнөтүнөн мурун шайлоолору менен болгон байланышы жөнүндө айтып жатам.

Биринчи сценарий өкмөттүн өз ыктыярдуу кетиши менен жана жаңы өкмөттүн түзүлүшү менен байланыштуу. Жогорку Кеңештеги кырдаалга караганда, ал кааласа да белгиленген мөөнөт ичинде өзү өкмөттү түзө албайт. Эгер буга жардам кылышса, анда иш

ошой эле Конституциянын 84-беренесинин 6-пункту менен аякташы мүмкүн. Ага ылайык эгер Жогорку Кеңеш белгиленген мөөнөт ичинде өкмөттүн программасын, түзүмүн жана курамын аныктай албаса, президент Жогорку Кеңешке мөөнөтүнөн мурун шайлоо жарыялоого аргасыз болот. Бул ыкма бир караганда гана татаал көрүнөт.

Экинчи сценарий Конституциянын 85- жана 86-беренелери менен аныкталат жана өкмөткө ишеним көрсөтпөө менен байланыштуу. Эгер мындай сценарий Жогорку Кеңештин демилгеси менен ишке ашса, анда анын өзүнүн мөөнөтүнүн акырына чейин иштөө мүмкүнчүлүгү кыйла азаят. Ал эми бул сценарий өкмөттүн өзүнүн демилгеси менен ишке ашса, Жогорку Кеңештин өз мөөнөтүнүн акырына чейин иштөөгө эч мүмкүнчүлүгү калбайт.

Тигил же бул сценарийдин ыктымалдуулук деңгээли бир гана нерсе менен – Жогорку Кеңеш депутаттарынын өзүн өзүн сактап калуу саясий инстинкти менен аныкталат.

Менимче, жылдын аягында бизди классикалык саясий театр күтүп турат: шантаж, саясий соодалашуу, ренегаттык жана, албетте, Чолпон Жакупова тарабынан биздин модага киргизилген сөз – саясий жемкорлук.

Балким, депутаттар Жаңы жылдын алдында өз маанайларын бузбайлы деп бул шоуну январга жылдырып коюшу мүмкүн, бирок, бул иштин маңызын деле өзгөртпөйт.

Мунун баары, албетте, көп маалыматтык шылтоо берген абдан көркөмдүү нерселер. Бирок, алардын жылдын саясий

жыйынтыктарына эч кандай тиешеси жок.

Жылдын негизги жыйынтыгы болуп президент Алмазбек Атамбаев тарабынан ишке ашырылган эски бийлик философиясынын талкаланышы болду.

Бул аракеттин жана жараяндын жыйынтык жана кесепеттери тууралуу сүйлөшүү бүгүн маанилүү деп эсептейм.

Биздин саясий өнүгүүбүздүн, демек, өлкөбүздүн да өнүгүшү үчүн негизги көйгөй жараксыз бийлик экенин түшүнүү үчүн саясатчы болуунун кажети жок.

Бул жерде кеп бул өлкөнүн эмгек сиңирген юристтери абдан үмүттөнүп жаткан укуктук конструкция жана механизмдерде эмес.

Өлкөдөгү бийлик коомдук институт жана саясий элита катары жана анын ташуучусу катары көз карандысыздыктын жана эркин рыноктун сыноосуна туруштук бере алган жок. Коомдун бийликке болгон көзөмөлү жок болгондо, же өтө үстүртөн болгондо ресурстар үчүн болгон атаандаштык ал учурда бийликте же анын жанында туруп калган, ага кызмат кылган адамдардын жөн гана жалпы улуттук байлыктарды өздөрүнө ыйгарып алуу формасына айланган. Бийликке ээ болуу – президент, депутат, министр, негизи эле аткаминер болуу менен ууру болуу дегендер синонимге айланган. Ийгиликтүү, бай бизнесмен болуп, бийликке жакын болуунун же түздөн-түз бийликке кирүүнүн ресурстарын пайдалануу нормага айланып, мындай эрежеге баш ийбеген учурлар өтө сейрек болгон.

Бул олчойгон мите конструкция, албетте, өлкөнү өнүктүрүү максатын койгон эмес жана коюшу да мүмкүн эмес эле, койсо да, өздөрүнүн аны тоноо мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтүү үчүн койгон. Мына ошондуктан, биз жыйырма жылдын ичинде өзүбүздүн экономикабызды да түзө алган жокпуз, жарандардын бакубаттуулугун да, туруктуулукту да, коопсуздукту да камсыздай алган жокпуз.

Өлкөнүн максаттары, аларды ишке ашыруу ыкмалары тууралуу тигил же бул түшүнүктөр эмес, кландардын жана топтордун бийлик тартуулаган ресурстарга болгон көзөмөл үчүн күрөшү саясаттын негизги мазмунун түзүп калган. Эки революциянын чыгышына зомбуларды жеңүү далалаты канчалык түрткү болсо, дал ушул жогоруда айтылган эки мотив да кем эмес роль ойногон. Бийлик үчүн күрөшкөндөрдүн арасында бийлик даамын таткысы келгендердин саны басымдуу болгон.

Бийликчил шыкактардын ушул структурасы биздин мыйзам чыгаруу ишмердигибизди да, партиялык курулушубузду да, кадр саясатыбызды да аныктады. Ал саясаттын мазмунун калыптандырган саясий норманы да аныктады.

Жылдын жыйынтыгы – бизде калыптанган бийлик философиясынын ташуучулары болгон бул адамдардын баары болбосо да, олуттуу көпчүлүгү куугунтукка алынды. Коомго жыйырма жыл ичинде бийликке жабышып алган “илитадан” арылта турган, элиталардын алмашуусуна алып келе турган өзгөрүүлөр керек экенин гана эмес, алар башталганын көрсөткөн так белги берилди.

Бул куугунтуктарды саясий деп мүнөздөгөндөргө мен толугу менен кошулам. Бирок, бийликтин каршылаштары айтып жаткан мааниде

эмес. Бул, албетте, саясий мейкиндикти тазалоо, бийликтин калыптанган философиясын, нормативдүүлүгүн жана конструкциясын уратуу.

Уруучул бийлик философиясын тутунгандардын, саясий жемкорлордун, бийликтеги бизнесмендердин саясий мейкиндиктен чыгарылышын биз туура жараян катары баалашыбыз керек.

Бизде түшүнбөстүк менен саясий партия деп аталып жүргөн, бийликке келүү жана ал аркылуу байлык топтоо үчүн түзүлгөн бул саясий акционердик компаниялардын чачырашын биз туура жараян катары баалашыбыз керек.

Калыптанган бийлик системасынын жоюлушу ар кыл саясий эффекттер менен коштолоору анык.

Анын биринчисин биз көрүп жатабыз: саясий жаңжалдардын жергиликтүү очокторун түзүү жана аларды саясий максатта жигердүү пайдалануу. Азырынча мындай очоктордун эки түрүн белгилесе болот: куугунтукталып жаткандардын туугандарынын жана жакындарынын коомдук сезимтал иш-аракет форматындагы каршылашуусу, жана ресурстук улутчулдук менен спекуляция кылуу. Албетте, бул башталышы гана. Каршылашуунун башка да шылтоолору, башка да форматтары болот.

Экинчи саясий эффект – жаңы саясий уюмдардын түзүлүшү. Алар азыркы саясий партияларга сыртынан окшошсо да, принципиалдык жактан башка табиятка ээ болушат. Азыркы партиялар кыйла жөнөкөй бир гана максатта – депутаттыкка жетишүү максаты менен түзүлгөн. Анда принцип мындай болгон: талапкерлер тизмедеги

орун үчүн бир жолу акчалай төлөм жасашкан, андан соң фракция алкагында же башка фракциялар, президент жана башкалар менен соодалашуу аркылуу жеке кызыкчылыктарын көздөшкөн. Мындай биригүүлөр, жамааттык максаты болбогондуктан, тез эле ыдырап кетип жатканы түшүнүктүү.

Азыр башка партиялар түзүлүп жатат. Алар да шайлоо алдындагы логика менен түзүлүп жатканына карабастан, негиз катары башка принцип алынган – депутаттык орунду сатып алуу эмес, уюмга кылынган консолидациялык салым принциби. “Эмгек” жана “Бир бол” партиялары дал ушундай жол менен түзүлүп жатат, “Замандаш” жана “Улуттар биримдиги” партиялары да ушундай системага өтүп жатышат. Бул эми туруктуураак топтор жана классикалык партияларга көбүрөөк окшош. Олуттуу бир айырма бар: алар да, азыркы партиялар сыяктуу, идеологиялык каркашка ээ эмес жана, эң жакшы болду дегенде, чыныгы баалуулук тирөөчтөрү болбогон кандайдыр бир электораттык кызыктуу “бейнени” калыптандырып, аны көрсөтүп жүрө беришет.

Башка саясий эффект – президенттин кылып жаткандары үчүн болгон жеке ролунун жана жоопкерчилигинин күчөшү. Президент барган сайын баарына каршы жалгыз чыгып жатканын белгилебей коюуга болбойт. Ал жарыялаган коррупцияга каршы күрөштү анын саясий шериктери да, алардын ичинде КСДП да, же такыр колдогон жок, же формалдуу түрдө гана колдошууда. Эмнеге экени түшүнүктүү. Бул шериктердин бардыгы кандайдыр бир деңгээлде өздөрү бул күрөштүн объектисине болуп калышууда.

КСДП өзүнүн катарын тазалайт деп үмүттөнсө болот, бирок, мындай үмүт барган сайын азаюуда. Бирок, азырынча дагы эле шериктеш болуп тургандар менен болгон маселе дагы да оор.

Демек, Алмазбек Атамбаев, өзүнүн аракеттерин ушул эле нукта уланта берсе, анда бат эле жалпы душманга айланат.

Албетте, анын жемкорлук менен күрөшүүдөгү чечкиндүүлүгү тууралуу айткан өзүнүн акыркы билдирүүлөрү эл тарабынан жана өзүнүн айланасындагылар тарабынан эшитилсе, ал чыныгы коомдук колдоого ээ болот.

Бирок, биз көрүп тургандай, анын жемкорлук менен болгон күрөшүнө коом анча ишенбөө менен мамиле кылууда. Бир жагынан жазаланып жаткандарга боор ооруу эффектери чыга калып жатат. Экинчи жактан, жемкорлор менен болгон күрөш, айрыкча, андагы кыйшаюулар, өзүнүн саясий капиталын өнүктүрүү үчүн ар кыл саясий күчтөр тарабынан жигердүү колдонулуп жатат.

Президенттин парламентке мөөнөтүнөн мурун шайлоо өткөрүү логикасына кыстаганы чоң коркунучту камтыйт. Кыска мөөнөттү саясий максаттар өңүтүнөн алганда, мөөнөтүнөн мурун шайлоолор азыркы бийлик үчүн пайдалуу. Бүгүнкү күндө бир да партия аны өткөрүүгө даяр эмес, жана учурда административдик ресурсту пайдалануу мүмкүнчүлүктөрү ачык бойдон. Аны колдонбой коюу, азгырыкка туруштук берүү өтө кыйын.

Бирок, мөөнөтүнөн мурун шайлоолор, президенттин турумун убактылуу бекемдегени менен, кесепети катары президент кылууну каалаган нерселерге карама-каршы нерселерди алып келет: ал шайлоолор азыркы элитанын дагы да узак мөөнөткө бийликте калышын жана саясий жемкорлуктун учурдагы системасын бекемдейт. Башкача айтканда, иш жүзүндө учурдагы системанын заманбапташтырылышы жүргүзүлгөн болот.

Азыр Алмазбек Атамбаевдин алдында татаал тандоо турат: же учурдагы саясий пайданын артынан түшүп, өзүнүн мөөнөтүн кандайдыр бир деңгээлде тынч акырына чыгаруу, же болбосо баштаган ишин улантып, өзүнө багытталган соккулардын санын көбөйтүп, өзүнүн саясий ишмердүүлүгүн татаалдантуу. Менимче, биз жакында ал кандай тандоо кылганына күбө болобуз.

Бирок бүгүн биз 2013-жыл өлкөнүн саясий картасын жана саясаттын мазмунун кыйла өзгөрткөнүн көрбөй кое албайбыз. Азырынча мунун баары тазалаш керек болгон урандыларды элестетүүдө. Менин оюмча, азыр саясатка жаңа саясий тапты алып келүү өтө маанилүү. Болбоду дегенде, 2013-жылы болгон окуялардын натыйжасында бул үчүн мүмкүнчүлүктөр пайда болду.

Чинара Сейдакматова: Мен эксперттерге, баарынан мурун, Валентин Богатыревге суроо бермекчимин. Кандай деп ойлойсуз, Ош шаарынын мэрин кызматынан алуу – президенттин татыксыз аракетиби же чын эле таразаланган саясий кадамбы?

Валентин Богатырев: Менимче, Ош шаарынын мэринин кызматтан алынышы – Ош шаарынын мэринин татыксыз аракети.

Бермет Маликова: Менин суроом Тамерлан Ибраимовго. Сиз укуктук реформа жөнүндө сөз кылдыңыз. Криминалдын бийликке жана укук коргоо органдарына болгон таасири тууралуу кеп салышыңызды каалаар элем.

Тамерлан Ибраимов: Мунун түздөн-түз укук коргоо органдарынын реформасына тиешеси бар. Мен үчүн министр, ИИМ жогорку жетекчилигинин өкүлдөрү факттарды сунуп, бүгүнкү күндө криминалдын бийлик органдарына болгон таасири өтө чоң болгондуктан, биз криминалдын укук коргоо органдары менен

чымалышып жатканына күбө болуп жатканыбызды айтып жаткандары дайыма таң калаарлык көрүнүш болуп келген. Муну биз жакшы билебиз, муну көрүш үчүн эксперт болуунун деле кажети жок.

Мени бул көрүнүштөрдүн өлкөбүздө болбошу үчүн эмнелер кылынып жатканы көбүрөөк кызыктырат. ИИМ системасы, прокуратура жана башка укук коргоо органдары криминал менен кызматташпашы үчүн эмне кылынып жатат?

2010-жылы жаңы бийлик келгенде, алардын негизги чакырыктарынын бири уюшкан кылмыштуулукка каршы чечкиндүү күрөш жүргүзүү эле. Уюшкан кылмыштуулук акыры ооздукталды, мыйзамдагы уурулар же камакта, же чет өлкөдө деген жеңиш билдирүүлөрү да жасалган.

Бүгүн биз кайра үч-төрт кылмыштуу топ Кыргызстандагы мейкиндикти бөлүштүрүү менен алектенип жатканы тууралуу маалыматтарды окуп жатабыз. Укук коргоо органдары өздөрүнүн алсыздыгын моюндап, мындай аракеттерге туруштук берүү планын түзүүгө дарамети жок экенин жана учурда ИИМди реформалоо иши мамлекеттик бийликти реформалоонун эң башкы багыттарынын бири бойдон калып жатканын айтышууда.

Акбар Тагаев: Валентин Богатыревго суроо. Келдибековго байланыштуу кырдаал Мырзакматовдун карьерасына терс таасирин тийгизиши мүмкүн дебедиңизби. Эмнени айтайын дедиңиз эле – түшүндүрүп бересизби?

Валентин Богатырев: Келдибековго байланыштуу кырдаал эмес, Мырзакматов, эмнегедир, Келдибеков темасын өзүнүн саясий демаршы үчүн пайдаланууну чечкенине байланыштуу жагдайды айтып жатам. Менимче, бери дегенде эле бул анын саясий катасы болуп калды. Бир саясатчы, өзүнө саясий упай топтоо үчүн, башкасын коргогонунда, айрыкча, түштүктөгү лидерлик үчүн ортолорунда атаандаштык бар Мырзакматов жана Келдибеков сыяктуу фигуралар жөнүндө сөз болуп жатканда, эч логика байкалбайт.

Менин пикиримде, бул Мырзакматовдун анча ойлонуштурулбаган кадамы болду. Ал талкууга өзүнүн кандайдыр бир күн тартибин чыгара алмак, ал аянтка жөн барган жок да. Ал учурда ал жакта кыйла татаал кырдаал түзүлгөн. Түшүнгөнүм боюнча, шайлоолорго даярдануу учурунда ага карата кылынган басым чараларынын натыйжасында анын нервдери чыдабай кетти. Ал Ошко эчтеке бербей жатышканын, аны таарынтып жатышканын, депутатты эки күндө соттоп салганын жана башкаларды айта алмак. Бирок, мунун ордуна ал туруп-туруп эле Келдибеков тууралуу айтып баштады. Бул такыр түшүнүксүз нерсе.

Бул жагынан алганда, мен муну чоң ката деп эсептейм. Президент дароо реакция кылып, биздин балдарыбыздан жана кары-картаңдардан уурдаган адамды коргоп чыгуу туура эмес экенин айтып чыкканы эсиңерде болсо керек.

Чинара Сейдакматова: Жообуңуз мени канааттандырбагандыктан, тактоо ирээтинде суроо бергим келет. Макул, Мырзакматов саясий ката кетирди дейли. Бирок, ал кыйла олуттуу фигура да, түштүктүк саясатчылардын арасында ал жаңы образ десе да болот.

Болгондо да түндүктө калыптанбаган образ. Мындай кадамдын кесепеттери канчалык деңгээлде олуттуу болушу мүмкүн? Мырзакматовду кызматтан алуу – бул чындап эле олуттуу саясий кадам жана, менимче, президент тарабынан жаңылыш кадам. Бул чечимдин кесепеттери оор болобу, кандай деп ойлойсуз?

Валентин Богатырев: Мырзакматов бул ишти кылаары менен, б.а., бул митингди уюштуруп, анда сөз сүйлөгөндөн кийин, түштүктүн мурунку лидерлеринин бардыгы – түштүктүн сахнадан кетип жаткан саясий элитасы – анын жанына чуркап келип, аны түштүк каршылыгынын байрагына айлантууга аракет кылышты. Фамилияларын атабай эле коеюн, бирок, айрым акылсыздар кайрадан Түштүк Кыргыз Республикасы жөнүндө кеп козгоп, кызматтарды бөлүштүрө баштаган.

Мен Мырзакматовду анча-мынча тааныйм жана ал мындайга барбасын түшүнөм. Ал канчалык жаш, кызуу кандуу болбосун, ошентсе да, ал акыл-эстүү адам. Ал азыр бул сепаратисттик кыймылдын жетекчиси болууга барбайт.

Биздин өлкө, анын ичинде, түштүк эмне экенин биз жакшы билебиз. Сен мэр кезиңде, сени баары жакшы көрөт, сен кезиңде, сага бардыгы сый-урмат менен мамиле кылат. Мэр же зардал болбой калаарың менен, сени беш мүнөттө унутушу мүмкүн. Эгер мэрдиге шайлоо жакын арада өтсө, Мырзакматов жеңиши мүмкүн, бирок, эки айдан кийин болсо, анын мүмкүнчүлүктөрү кыйла азаят.

Ал жактагы кырдаал жөнөкөй эмес. Бул жактан гана Мырзакматов “ачык асман” болуп көрүнүп жатат. Бул окуяларга параллелдүү түрдө ал жакта ресурстарды – Ош шаарын жана Кара-Суу базарын көзөмөлдөө үчүн катаал күрөш жүрүп жатат да. Ал жакта Мырзакматов мындан ары бул иштерге аралашпаса экен деген адамдардын да саны арбын. Түштүк элитасынын өкүлдөрү үйүлө баштады, криминалдык түзүмдөр бөлүштүрүүлөрдү баштады.

Бул күрөш эмне менен аяктайт? Мырзакматовдун жеңиши менен бүтөт деп ишене бербейм. Дал ушул мэр болбогондугу үчүн, ал азыр административдик ресурстан кур жалак калганынан улам мен буга ишене бербейм. Кайталап өтөйүн, мэр Мырзакматовду жакшы көрүшөт, сыйлашат, катардагы саясатчы Мырзакматов болсо, такыр башка иш. Биз муну бат эле сездик.

Адилет Балтабаев: Тамерлан Ибраимов укук коргоо органдарынын системасында реформа жүргүзүү маанилүү экенин белгилеп өттү. Жакында КРнын ИИМнин КИББнин Коомдук адептүүлүккө каршы кылмыштарга каршы чара көрүү бөлүмү түзүлдү. Мунун канчалык зарылчылыгы бар жана бул нерсе жалпысынан ИИМди реформалоо ишине таасир этеби, сиз кандай деп ойлойсуз?

Биздин өлкөдө эки революция болуп өттү. Дал ушул ахлактык, маданий-укуктук революция болушу үчүн биз эмне кыла алабыз?

Тамерлан Ибраимов: Сиз сауналарды кыдырып, притондорду ачыкка чыгарып жаткан “адептүүлүк полициясын” айтып жатасызбы? Жалпысынан, албетте, адептүүлүк тууралуу, жаштарды кандай тарбиялап жатканыбыз тууралуу ойлонуш керек. Бирок, милициябызга карата болгон терс мамиле бар экенин жана мындай 100 текшерүүнүн ичинен 99да, эреже катары менчик ээлери гана алмашып жатканын эске алсак, анда мындай түзүмдөрдүн кереги жок экени түшүнүктүү.

Мындай бөлүмдүн түзүлүшү адептүүлүккө байланыштуу кырдаалдын жакшырышына алып келээринен күмөн санайм. Мындай ишмердүүлүктүн жыйынтыктарынан шек санап жатсак, негизи эле, мындай иштерди аткаруунун максаттуулугунан күмөнүм туулат. Булар эмнеге алып келет, кандай өзгөрүүлөр болот – түшүнүксүз.

Коомдогу адептүүлүк жана ахлакка келсек, мен сизге толугу менен кошулам, болгону бул үчүн башка куралдар керек, жана эң оболу бийлик тарабынан акыйкаттуулук болушу керек, анткени, эгер кандайдыр бир куралдарды түзүп жатсаң, бирок, болгону менчик ээсин алмаштыруу сыяктуу башка максаттарды көздөп жатсаң, анда жакшы болуусун каалап жатканбыз, бирок, дайымкыдай болду деген жагдай түзүлөт.

Алексей Красин: Менимче, адептүүлүк ички иштер органдарында түптөлбөйт. Андыктан, милиция – сауналар – адептүүлүк деген конфигурациядан Кыргызстанда адептүүлүктүн кандайдыр бир жаңы концепти жаралаарын күтүү, менимче, өтө эле ишенчээктик.

Элианора Сыдыкова: Муратбек Иманалиевге суроо. Сиз президенттин эки жылдык ишин кандай баалайсыз? Экинчи суроом бул жакта отурган бардык саясат таануучуларга. Акыркы кезде бизде көп митинг өтүүдө: Ошто, Ысык-Көлдө. Бул жагдайдан

чыгуунун кандай жолдору бар, элди туруктуулукка кантип чакыруу зарыл? Балким, бийликке айрым сунуштарды кылыш керектир.

Эльмира Ногойбаева: Менимче, бүгүнкү баяндамачылардын төртөө тең бийликтин да, жарандардын да, коомдун да иш-аракеттери алдын ала билинип тургандай кандайдыр бир нормативдик талаа тууралуу айтышты. Менин баяндама келсек, балким, кырдаалды эл аралык норманы кабыл алуу аркылуу жакшыртса болоор.

Валентин Богатырев: Мен бул суроого кыска жооп бере албайм. Сиз берген суроонун артында кыйла татаал маселелер катылып турат. Албетте, эки-үч сөз менен жооп берүү мүмкүн эмес.

Эльмира Ногойбаева аракет кылды жана өлкөдө башка нормаларды киргизиш керек деп туура белгиледи. Саясий нормаларды, адептүүлүк нормаларын өзгөртүш керек. Бирок, бул бир катар факторлордон көз каранды болгон өтө татаал жараян.

Чинара Сейдакматова: Валентин Богатыреvgо суроо. Сиз биздин эксперттик мейкиндикте жаңы мамлекеттик конструкт түзүүнү олуттуу ойлонуштуруп жаткан кандайдыр бир топту байкай алдыңызбы?

Валентин Богатырев: Бул жерде мунун үстүндө олуттуу ой жүгүртүп жаткан көп адам отурат, мунун үстүндө иштеп жаткан көп адам бар. Бирок, тилекке каршы, эксперттик мейкиндик жөнүндө сөз кыла турган болсок, эксперттер тарабынан даярдалган нерселерге керектөө болбой жатат, бийлик аларды колдонбой жатат.

Мен, мисалы, өзүм үчүн мындай жолду көрөм: саясатчылардын жана мамлекеттик кызматкерлердин, ишмерлердин мээсине кичинекей кезинен белгилүү бир маалыматты сиңириш керек, программаларды жүктөш керек. Кичине кезинде ким саясатчы болоорун аныкташ керек – муну жасаш оңой, анан алардын баарына эмдөө жүргүзүш

керек. Адамдар менен иштөө өтө кыйын, алар башка шыктандыруу мейкиндигинде отурушат, алар реформа жүргүзүүнү, өлкөнүн административдик-территориалдык бөлүнүшүн өзгөртүүнү каалабай жатышат. Андыктан, аларды мажбурлаш керек же алмаштырыш керек.

Махабат Уракова: Баяндамачылардын дээрлик бардыгы жемкорлук темасына кайрылды. Тамерлан Ибраимов бул чөйрөдө болуп жаткан акыркы окуялар коомго үмүт берүүдө деп белгиледи. Менин сурайын дегеним, бул ишеним канчалык деңгээлде акталат? Биздеги жемкорлукка каршы күрөш канчалык деңгээлде чыныгы жана узак мөөнөттүү?

Тамерлан Ибраимов: Мен өз сөзүмдүн аягында оптимист болгум келет деп айткан элем. Ошондой эле, мен таасирлүү, жогорку мартабалуу адамдарга каршы кылмыш ишинин козголушу бизге үмүт берүүдө деп айткам. Бирок системалуулук болушу керек. Коргонуу кеңеши кеңешме өткөрдү, алар жумушчу тобун түзүштү. Бул топ бардык чөйрөдө системалык өзгөрүүлөрдү ишке ашыруунун үстүндө иштеп жатат.

Кадам ташталгансыйт, бирок, мен бул идея кандайча ишке аша тургандыгын көрсөткөн кандайдыр бир конкреттүү планды көрө элекмин. Мен конкреттүү кадамдарды да көрө элекмин, андыктан, бул чындап эле ийгиликке алып келет деп айтуу кыйынга турат. Бирок, ишенгим келет.

Бул маалым нерселер, бирок, буларды такай кайталап туруш керек. Жемкорлукка каршы реформалар ишке ашышы үчүн, президенттин чечкиндүү саясий эрки жана өзүнө карата чынчыл мамилеси керек. Себеби, эгер сен жемкорлор менен күрөшүп жатсаң, сенин айланаңдагы адамдардын кемчилиги болушу мүмкүн экенин жана эгер алар мыйзамды бузушса, аларды да жоопкерчиликке тартыш керек экенин айтышың керек. Бул биринчиси.

Экинчиси. Албетте, бул системалуу реформаларды ишке ашыруунун так планын иштеп чыга турган команда керек. Эгер бул айтылгандар болбосо, анда мунун баары эмоциялык кампанияга айланат да, жарым жылдан кийин бизди тажатып жиберет.

Үчүнчүсү. Албетте, бул системалуу өзгөрүүлөрдү ишке ашыра турган адамдар керек. Бул жерде депутаттар, министрлер, президент менен сүйлөшүп жүргөн адамдар отурушат. Аталган реформаларды ишке ашыра ала турган бул команданы, адамдарды алар көрүп жатабы же жокпу, анысын айта албайм. Мындай адамдар өлкөдө бар экенин мен билем, бирок аларга кызмат берилип жатабы, кандайдыр бир нерселерди пландап жатышабы, бул пландарды ишке ашырууга катышышабы? Бул мен үчүн чоң суроо.

Муратбек Иманалиев: Мен бул маселе боюнча кошумчалай кетейин дедим эле, анткени, менин мекендештерим, жарандаштарым сыяктуу эле жемкорлук маселеси, албетте, мени да түйшөлтөт. Жемкорлук маселеси – глобалдуу маселе демекчимин. Эмнеге экенин түшүндүрүү кыйынга деле турбайт.

Маалым болгондой, биздин кошулар жемкорлук менен олуттуу күрөшүп жатышат. Россияда бүтүндөй кампаниялар жарыяланып, ишке ашырылып жатат, Кытайда жаңы төрага өзүнүн саясий ишмердүүлүгүн жемкорлук менен күрөшүүнү жарыялоо менен баштады.

Бирок, мен төмөнкүлөрдү айткым келет. Жемкорлук менен күрөшүүнүн параллелдүү түрдө көмүскөдө саясий аралашмасы да бар. Бул кандай аралашма экенин табууга аракет кылыш керек, болбосо, жөн гана билиш керек. Бирок, билбей эле койгон жакшы, себеби, бул кооптуу. Албетте, жемкорлук менен болгон күрөш ар жерде ар кандай жүрүп жатат. Бирок, окумуштуулардын айтканына караганда, көйгөй, бетке айта турган болсок, эң оболу, ой жүгүртүүнүн коррупциялашканында же ой жүгүртүүнүн криминалдашканында.

Башкача айтканда, коррупциялашкан ой жүгүртүүгө жөн гана адамдардын белгилүү бир тобу же белгилүү бир социалдык катмары ээ эмес, бул бүтүндөй коомду чириткен оору же вирус – кеп мына ушунда болуп жатат. Андыктан, адамдар жемкорлукка каршы экенин, аны менен күрөшө тургандыгын айтып жатканда, акырында күтүлгөн жыйынтыктар айкын эмес, негизи эле, алар эмне менен күрөшкөн жатканы түшүнүксүз. Же алар жөн гана бир орунду ээлеп калуу үчүн күрөшүп жатышат, же алар чын дилинен бул ишти кылып жатышат.

Бул өтө олуттуу көйгөй болуп чыкты, болгондо да бизде гана эмес. Бул жөнүндө көп нерсе айтса болот, бирок, мен бул жерде отургандардын көпүлүн жемкорлук менен болгон күрөштө эң маанилүү нерсе механиканын өзү, жоопко тартылган субъекттердин, адам топторунун өзү эмес экенине буруп кетким келет. Бул жерде кеп кандайдыр бир аң сезимдик калыптардын жыйындысында. Бул өтө маанилүү. Бул жерде сауналар жана адептүүлүк тууралуу кеп козголду. Бул канчалык күлкүлүү болбосун, бирок, бул өтө маанилүү.

Азыр Коомдук саясат институтунун атынан биздин баяндамачыларыбызга кызыктуу билдирүүлөрү үчүн ыраазычылык билдирип коюума уруксат бериңиздер. Чынында, бул ойлонууга, айрым маанилүү маселелерди чечүү жолдорун издөөгө түрткү берген маалыматтар.

Биздин чакыруубузду четке какпагандарга, суроо бергендерге ыраазычылык билдирем. Алардын арасында мен өзүмдүн эски досторумду көрүп жатам, алар чындап эле биздин өлкөгө жан тартышат, ага эң жакшы нерселерди каалашат. Менимче, биз бирдиктүү аракеттерибиз менен, анын ичинде, бүгүнкүдөй олуттуу маселелерди талкуулоо аркылуу, өлкөбүздүн эң оптималдуу, эң туура жолун таба алабыз.

Биз бүгүн белгилөөгө аракет кылган параметрлердин бардыгы

боюнча биздин өлкө эксклюзивдүү эмес. Жалпысынан, фактуралык жагынан алып карасак, планетабыздагы мындай планеталардын саны жүздөн ашат болуш керек. Алар да бүгүн биздин алдыбызда турган кыйла татаал маселелерге дуушар болууда, алардын ичинде, мамлекеттик башкаруунун мүмкүнчүлүктөрү жана бекемдүүлүгү жагынан да, укуктук жана башка системаларды жана механизмдерди калыптандыруу жагынан да, коопсуздук, учурку саясат маселелери жагынан да, тигил же бул көйгөйлөрдү чечүү мүмкүнчүлүктөрү жагынан да.

Жеке мен үчүн саясий жылдын жыйынтыктарына тиешелүү маселе кай бир факттардын, айкын же айкын эмес жетишкендиктердин алкагында формулировкаланбайт. Мени баарынан мурун биздин өлкөдөгү саясий, экономикалык, гуманитардык системалардын жана мүмкүнчүлүктөрдүн, балким, биринчи кезекте, ой жүгүртүү системасынын жана мүмкүнчүлүктөрүнүн өнүгүшүнүн логикасынын өзү кызыктырат.

Бул мен узак мөөнөт Кыргызстандын сыртында болуп, кайтып келгенимден кийинки биринчи жыл. Анан бул жыл ичинде мен президенттин жана анын командасынын (эгер ушинтип атаганга болсо) кандайдыр бир саясий иерархиялаштырылган мейкиндик куруу аракеттерин байкадым. Бул ийгиликсиз далалат болду деп айтпас элем. Айрым жетишкендиктер бар, муну моюндаш керек. Бирок, аны менен бирге, албетте, жаңылыштыктар, каталар да бар жана алардын объективдүү жана субъективдүү жактары бар.

Экинчи жагынан, мен кайрадан кандайдыр бир тазаланган коомдук мамилелерди түзүү ниеттери жана аракеттери сезилип жатканын байкагам. Мен муну кээ бир талкууларда айтып чыккам. Тилекке каршы, биздин өлкөдө өкүм сүргөн жана аны менен күрөшүү аракеттери жүрүп жаткан көйгөй – бул коомдук мамилелердин криминалдашышы. Менимче, аны менен күрөшүү анча ийгиликтүү жүргөн жок. Ошентсе да, адамдардын, алардын ичинде, президенттин аракети жана ниети белгилүү бир колдоого ээ болушу зарыл.

Жалпысынан алганда, өлкөнүн өнүгүшүнүн логикасы тууралуу айта турган болсок, албетте, улуттук мамлекетти куруунун маанисин төмөндөтүү жараянынын жүрүп жатканы мени өкүндүрөт. Менимче, биз бул маселенин үстүндө олуттуу ой жүгүртүшүбүз абзел. Болгондо да бул жөнүндө президент гана эмес, өкмөт гана эмес, депутаттар гана эмес, бул өлкөдө жашаган катардагы адамдар дагы ойлонушу зарыл. Дайымкы, күнүмдүк маселелер, канчалык парадоксалдуу сезилбесин, кээде мамлекет куруунун, коом түзүүнүн дагы да татаал, балким, дагы да маанилүү маселелерин көлөкөдө калтырып жатат.

Мен алектенген маселелерге байланыштуу нерселер бүгүн Эльмира Ногойбаева айтып өткөн нерселер менен кандайдыр бир деңгээлде сүртүлүшөт. Айтайын дегеним, канчалык парадоксалдуу болбосун, бүгүн тышкы саясатта же эл аралык мейкиндикте төмөнкүдөй кырдаал түзүлдү: Президент Атамбаев эл аралык мейкиндикте кызматташуу жагынан өзүнөн мурунку президенттерге караганда көбүрөөк мүмкүнчүлүктөргө ээ. Менимче, мунун белгилүү бир түшүндүрмөлөрү бар. Бирок, парадокс мында: кырдаалдын альтернативалары жок. Бул кырдаалдан кантип чыгыш керек – мен билбейм. Муну президент кантип кылат билбейм деген мааниде айтып жатам. Бирок, парадокстун өзү – таң калыштуу нерсе. Же ал жаңы парадокс жаратат, же кризиске алып келет. Менимче, бул көйгөйдү чечиш керек жана аны эң олуттуу түрдө чечиш керек.

Коопсуздук маселелерине келе турган болсок, менимче, Эльмира Ногойбаеванын коопсуздуктун тышкы жана ички маселелери тууралуу айткандары толугу менен туура. Бирок, эгер биз ички көйгөйлөр тууралуу кеп кылсак, ички коопсуздукка байланыштуу кырдаалга тийиштүү схеманын өзүн конструкциялоо, аны камсыздоо мүмкүнчүлүктөрүн пландаштыруу деген нерсе, тилекке каршы, азыркыга чейин бизде жок экенин айтмакчымын. Ал эми тышкы коопсуздукка келсек, жагдай андан да өкүнүчтүү, маселе биз бул жааттагы көйгөйлөрдү башка мамлекеттерге өткөрүп бергенибизде жана бул кырдаал Кыргызстан үчүн гана эксклюзивдүү эмес. Көбүнчө, булар чөлкөмдүк актёрлор эмес. Мисалы, Афганистан

маселеси.

Борбордук Азияда дээрлик эч ким бул маселе менен олуттуу түрдө алектенбейт деп айта алам. Белгилүү бир убакыттан кийин болушу мүмкүн болгон окуялардын кесепеттеринин модели азырынча түзүлө элек.

Алдыбызда турган көйгөлөрдүн бир бөлүгүн оперативдүү контекстте чечсе болот. Башка бөлүгүн чечүү үчүн ыктымалдуу жана перспективалуу долбоорлорду иштеп чыгыш керек. Бирок мунун баарын ишке ашыруу бир гана учурда мүмкүн болот – биз жаңжалсыз жашаганга далалат кылышыбыз абзел жана биз каалап жаткан нерсебиз тууралуу ойлонууга аракет кылышыбыз керек.

Бул Тегерек стол “Жаш лидерлер жана жаңжалдарды чечүү” долбоорунун алкагында Улуттук демократияны колдоо корунун (NED) көмөгү менен уюштурулду.

Негизги бетке кайтуу / Басып чыгаруу версиясы

Андрей Грозин: «Все риски связаны с Афганистаном»

Андрей Грозин: «Все риски связаны с Афганистаном»

17.01.2014

«На фоне событий, которые периодически происходят на границах практически всех государств ЦА, говорить о создании какого-то регионального механизма коллективной безопасности пока не

приходится», — сказал в интервью ИРР Андрей Грозин, российский эксперт, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ.

ИРР: Каковы основные вызовы и риски для Центральной Азии в 2014 году и каковы меры для их предотвращения?

Здесь все достаточно просто, весьма банально, эти риски перечислялись десятки раз. Все связано с Афганистаном. Чаще всего эксперты связывают вызовы, которые могут встать перед Центральной Азией в наступившем году, именно с этой страной и с проблемами, которые там будут обостряться по мере изменения ситуации. С одной стороны, понятно, что в апреле состоятся президентские выборы, но не совсем понятно, кто на них победит и что за этим последует, примут ли участие в этих выборах силы, оппозиционные официальному Кабулу, и если примут, то в каком качестве.

Переговоры официального Кабула с талибами то начинаются, то откладываются, то замораживаются, то начинаются вновь. Не совсем понятна позиция относительно апрельских выборов Мухаммеда Омара (Мулла Омар) и людей, близких к руководству исламского движения «Талибан». Кого они поддержат, будут ли они участвовать либо выступят против выборов, признают эти выборы, или после выборов начнется новый всплеск гражданской войны в Афганистане, никому точно не известно, ситуация достаточно подвешенная.

То же самое можно сказать о перспективах военного иностранного присутствия в этой стране. Понятно, что американцы существенно сократят свой воинский контингент, как и европейцы: европейцы в большей мере, а американцы — в меньшей. Но ясно, что полностью уходить из Афганистана западная коалиция не хотела бы, а тот торг, который сейчас

ведется официальным Кабулом о новом договоре, это пока только торг.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что так или иначе Карзай и те, кто его сменяет, заинтересованы в том, чтобы определенная часть иностранных военных оставалась в стране. Но здесь есть существенные риски для Центральной Азии, и они заключаются в том, что неясно, сколько иностранных военных там останется, но ясно, что их будет меньше, чем сейчас, соответственно, уровень безопасности снизится, а он и так в Афганистане оставляет желать лучшего. Уровень нестабильности в Афганистане, так или иначе, будет проецироваться на центральноазиатский регион. Со стороны западной коалиции Афганистану будет выделяться меньше денег, следовательно, меньше денежных и других ресурсов будет доставаться Центральной Азии, меньше внимания, политической поддержки.

Чем будет заполняться этот вакуум внимания Запада в отношении Центральной Азии, который очевиден в 2014 году? Китаем в большей мере, Россией в меньшей мере, очевидно, что на этом вновь образующемся поле будут работать и другие игроки – это Турция, Иран, Саудовская Аравия, Индия, возможно, другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Появление новых игроков на центральноазиатском поле, их большая активизация в текущем году – это очевидный тренд, и ясно, что предсказать то, как они будут влиять на стабильность в регионе, сейчас достаточно сложно. Вместо нынешней системы появляется новая и это грозит появлением новых проблем и новых вызовов. Ясно, что по мере сужения внимания Запада к Центральной Азии и усиления на этом поле новых игроков у центральноазиатских государств появятся новые возможности, с одной стороны, но, с другой стороны, появятся новые проблемы и

новые вызовы, потому что всякая революция, а здесь, на мой взгляд, можно уже говорить о том, что налицо определенная революция внешнеполитической конфигурации вокруг Центральной Азии, с одной стороны, создает возможности, а с другой стороны, порождает вызовы.

Я думаю, что эта смена внешнеполитической конфигурации вокруг Центральной Азии скажется и на внутривнутриполитической ситуации в самих странах региона.

Понятно, что те проблемы, которые существовали достаточно давно, проблемы, связанные с неурегулированностью границ, с нерешенностью вопросов водопользования, с перетоками трудовых ресурсов, с неразвитостью экономических отношений стран Центральной Азии, очевидно, будут обостряться.

Перестрелка в Баткене, которая сейчас активно обсуждается, является, на мой взгляд, как бы это печально ни звучало, вполне ожидаемым и предсказуемым вызовом, который тоже, очевидно, станет одним из трендов 2014 года.

Изменение внутривнутриполитического климата Центральной Азии, связанное со сменой конфигурации, приведет к взаимному обострению старых и появлению новых линий недовольства, будет провоцировать новые конфликты и так далее.

Все, о чем я сказал ранее, – это общерегиональные проблемы, которые касаются всех пяти стран Центральной Азии, кого-то в большей мере, кого-то – в меньшей. Это же можно сказать об экономических проблемах, которые будут для центральноазиатских государств примерно одинаковыми, но, в большей мере отразятся

на тех государствах, которые интегрированы в мировую экономику, к примеру, Казахстан. Государства, выстраивающие автаркическую экономическую модель, такие, как Туркменистан, Узбекистан, в меньшей мере будут испытывать на себе внешнее воздействие мировых экономических шоков, которые предсказывают многие экономисты.

Все-таки не совсем понятна ситуация с тем, как будут развиваться экономические макропроцессы. Закончился ли кризис, или он переходит в новую фазу, каких изменений ожидать на мировых рынках энергоресурсов, как изменятся вообще сырьевые мировые рынки, которые являются очень важными для всех стран постсоветской Центральной Азии, поскольку они выступают игроками только в этом сегменте мировой экономики, и так далее – это проблемы, которые коснутся всех.

А есть те проблемы, которые, скажем так, актуальны для тех или иных государств. Тут можно говорить достаточно долго, есть несколько основных трендов, которые в текущем году будут актуализироваться. Для Узбекистана и Казахстана это уже старая тема, тема транзита власти, ожидаемая всеми смена высшего руководства. Этот транзит и эти ожидания уже насчитывают не один год, но годы проходят, и понятно, что с каждым новым календарным годом проблема, видимо, только обостряется, становится все более и более актуальной. Произойдет ли смена лидеров в текущем году, либо это опять будет перенесено на более поздний срок, этого нам сказать никто не сможет, потому что никто этого не знает. Но проблема есть, она существует, она перешла из прошлых лет в текущий год.

Для казахстанской элиты, как и для элиты Узбекистана, именно эта проблема гораздо более значимая, актуальная, чем все

остальные вопросы, касающиеся внешнеполитического или внутривнутриполитического аспектов.

Для Кыргызстана, я думаю, актуальной останется проблема способности политического класса хоть сколько-нибудь эффективно решать многочисленные проблемы, которые есть в экономике и социальной сфере этой страны.

Это то, что касается общих, больших блоков проблем и вызовов 2014 года. А есть масса текущих, мелких моментов для каждой страны, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могут вырасти в очень серьезную проблему, конфликт или вызов, как те же приграничные стычки, например, каждая из которых, потенциально, может закончиться локальным военным конфликтом.

Собственно говоря, сейчас уже есть основания говорить, что тот же приграничный конфликт в Ворухе был спровоцирован не только криминальными составляющими или застарелыми проблемами отсутствия делимитации, демаркации границы, удары-то ведь были нанесены по возможности начала реализации локального транспортного проекта, позволяющего ослабить зависимость отдельных населенных пунктов Кыргызстана от таджикских транспортных коммуникаций. То же самое есть и в других регионах Центральной Азии.

Узбекистан, не считаясь с затратами, всюду строит транспортные коммуникации, которые позволят ему обойтись без таджикских железных и автомобильных дорог, это те же проекты строительства железнодорожного направления на Фергану, Наманган, минуя таджикскую территорию. Стремление Узбекистана ослабить свою транспортную зависимость от соседей, от

Таджикистана, в первую очередь, порождает намерения Таджикистана реализовать свои транспортные проекты. Идет конкуренция гидроэнергетических и транспортных проектов государств региона.

Туркмены, афганцы и таджики собираются строить дорогу через Афганистан, связывающую эти государства. Есть «многострадальные» проекты строительства китайской железной дороги через Кыргызстан в Узбекистан. Таджикистан изо всех сил стремится преодолеть ту транспортную блокаду, которой его душит Узбекистан. Не совсем понятна перспектива строительства железной дороги Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан, хотя это направление смотрится достаточно интересным.

То есть это все я говорю к тому, что по мере приближения реализации странами верховья – Кыргызстаном и Таджикистаном – своих энергетических и транспортных проектов будут обостряться взаимоотношения с соседями. Я не говорю о том, что в начавшемся году эти проблемы породят какое-то серьезное противостояние, необязательно, но в 2014 году вероятность таких конфликтов, вызовов выше, чем это было в 2013.

Региональные выборы при неблагоприятном стечении обстоятельств могут привести к каким-то серьезным проблемам. У каждой страны таких мелких, локальных проблем, которые имеют, условно говоря, судьбоносное значение, «вагон и маленькая тележка». Те же события в Жанаозене, произошедшие в конце 2011 года, наглядно показали, что даже в государствах региона, которые на всех углах до этого рассказывали о социальной стабильности, о беспроblemном существовании населения своих стран, не всегда подобные разговоры соответствуют действительности.

Любой незначительный конфликт в случае неадекватной или недостаточной реакции центральной власти в любой стране постсоветской Центральной Азии способен перерасти в очень серьезный вызов и проблему.

О том, что Ферганская долина – это пороховая бочка Центральной Азии, за последние десять лет не говорили только самые отсталые эксперты, изучающие регион. Да, это банально, но на самом деле от того, что это банально, это не перестает быть фактом. Именно вокруг этого региона, очевидно, будут разворачиваться все возможные неприятные события.

Отдельно хотелось бы сказать о Таможенном союзе. Я считаю, что пока можно говорить более или менее определенно о том, что наметились серьезные перспективы вхождения в Таможенный союз Кыргызстана. У Таджикистана очень большие проблемы. Дело ведь не только в настроениях Душанбе, дело и в настроениях действующей тройки Таможенного союза. Ни в Астане, ни в Москве, про Минск говорить не буду, потому что недостаточно владею информацией, нет абсолютного убеждения в том, что с присоединением Таджикистана следует торопиться и что вообще вопрос так следует ставить, хватает нерешенных вопросов и неопределенностей по поводу присоединения Кыргызстана к Таможенному союзу. А с Таджикистаном этих неопределенностей еще больше. Прямо говоря, очень многие в России считают, что Таджикистан ни в коем случае не следует принимать в Таможенный союз.

По поводу Кыргызстана-то есть сомнения, а по поводу Таджикистана этих сомнений гораздо больше. Что самое интересное, с течением времени количество этих сомнений увеличивается, находится все больше людей и в Москве, и в Астане, которые эти сомнения озвучивают.

По Кыргызстану есть сомнения, но я думаю, что до мая, как было обещано, позиции сторон по поводу Дорожной карты как-то прояснятся, и тогда можно будет уже более определенно говорить о том, каковы будут сроки и условия вступления Кыргызстана в Таможенный союз.

Другое дело, есть ведь определенные позиции, от которых обе стороны переговоров пока отходить не готовы. Я имею в виду, с одной стороны, позицию Кыргызстана по новым условиям перетока трудовых ресурсов, созданию стабилизационного фонда, и главное, как бы точнее выразиться, особых условий для сервисной кыргызской экономики в рамках Таможенного союза, я имею в виду рынки. С другой стороны, для Москвы, Астаны и Минска создание каких-то особых зон, через которые на территорию Таможенного союза будут проходить товары стран, не входящих в Таможенный союз, совершенно неприемлемо, это противоречит самой логике, философии Таможенного союза.

Поэтому оставлять какие-то форточки, дырки в заборе Таможенного союза, пускай и очень важные для той или иной страны, было бы, на мой взгляд, совершенно нелогично и, по большому счету, похоронило бы саму сущность Таможенного союза.

Мы не дипломаты и можем говорить прямо. Для чего создавался Таможенный союз? Для того чтобы создать определенные трудности для товаропотока со стороны наших друзей-конкурентов что на Западе, что на Востоке. Никому не нужны особые условия, при которых китайские товары будут проникать на российскую, казахстанскую и белорусскую территории, на территорию единого таможенного пространства через какие-то особые экономические зоны в Кыргызстане.

Как две стороны будут решать эти вопросы, пока я себе представить не могу. Слишком важны и для стран участниц Таможенного союза, и для Кыргызстана эти взаимные вопросы. Но очевидно, что какой-то компромисс будет найден просто потому, что Кыргызстан, как мне представляется, действительно в реальности заинтересован в том, чтобы стать полноценным членом Таможенного союза, добиться статуса не какого-то промежуточного, непонятного участника этого союза, а полноценного члена с теми правами, которые за собой это членство несет в экономической сфере. Кроме прав, естественно, есть обязанности, ответственность, а с этим, как известно, у элиты Кыргызстана есть определенные проблемы.

Я думаю, что все-таки вопрос разрешится, опять же повторюсь, просто потому, что у экономики Кыргызстана вообще есть только два варианта интеграции: или с Таможенным союзом, или с Китайской Народной Республикой. Других вариантов нет. Самостоятельно, опираясь на собственные ресурсы, как это было последние 23 года, республика может жить, но это не развитие, а топтание на месте, даже скорее откат назад, проедание экономических ресурсов, которые достались стране после распада Советского Союза, что не может продолжаться до бесконечности. Если жить так, как живется сейчас, как живется последние пятьдесят лет, то ресурсы очень скоро закончатся, развития не будет, и Кыргызстан станет полноценной страной третьего мира со всеми вытекающими отсюда проблемами.

Возможность развития существует только в рамках двух очерченных направлений, к примеру, стать составной частью китайской экономической зоны влияния. Тут есть и плюсы, что греха таить, китайская экономика уже сейчас становится первой экономикой мира, но есть определенные минусы: сырьевая провинция — это все-таки статус, который не предполагает серьезного развития каких-то высоких технологических укладов

экономики. Если это устраивает элиту Кыргызстана, то тогда да, конечно, надо становиться полноправным экономическим придатком китайской экономики и все.

Если же есть какие-то надежды на развитие, стремление выйти из этой негативной бесконечности, в которой находятся кыргызские экономика и государственность уже много лет, тогда надо решать вопросы со странами Таможенного союза, с традиционными экономическими и политическими партнерами, садиться за стол переговоров, утверждать взаимные обязательства и уступки так, как это делается до сих пор между самими странами Таможенного союза.

Безусловно, не следует идеализировать тот же Таможенный союз. Да, есть множество рисков, очевидно, что после того, как Кыргызстан вступит в Таможенный союз, рай на отдельно взятой территории Кыргызской Республики не наступит. Жизнь меняется очень медленно, и макроэкономические процессы протекают не так быстро, как нам всем бы этого хотелось. Но следует настраиваться на долгосрочное сотрудничество, на скучный, тяжелый процесс постоянного согласования вопросов, но так делают все, так делал и делает тот же Европейский союз, так делается во всех более или менее удачно развивающихся межгосударственных, экономических объединениях. Других вариантов нет, и, на мой взгляд, только в ходе этого интеграционного процесса экономики Кыргызской Республики с экономикой Таможенного союза, только в рамках интеграционных объединений можно рассчитывать на смягчение проблем и вызовов, связанных с безопасностью, с ограниченностью собственных ресурсов для экономического развития, решения проблем в социальной сфере и так далее.

Смягчить вызовы, связанные с безопасностью, естественно,

сможет только ОДКБ, больше никаких серьезных механизмов нет. К самой Организации Договора о коллективной безопасности существует масса обоснованных претензий. По большому счету, ОДКБ еще ни разу не имела возможности продемонстрировать эффективность своего потенциала, насколько вообще эта организация способна реализовывать миротворческий потенциал, либо помогать странам-членам преодолевать кризисы.

Единственный момент — это лето 2010 года, небезызвестные проблемы на юге Кыргызстана. Тогда ОДКБ оказала очень ограниченную помощь, ограниченную в том смысле, что да, были поставлены определенные технические средства, была оказана материальная помощь, и только. В тот период этого явно было недостаточно, и эта недостаточность позволяет многим говорить о том, что ОДКБ не слишком эффективна в этом смысле.

Другое дело, что у ОДКБ по большому счету не было еще возможности реально поучаствовать в разрешении тех или иных проблем или вызовов. Как это может происходить, пока никто не знает. Активная фаза событий в Джалал-Абаде, Оше, в Узгене протекала всего в течение трех-четырех суток, а по тогдашнему, еще неизмененному уставу ОДКБ, возможность адекватной и быстрой реакции на подобные события была очень затруднена.

Изменения, которые были внесены в уставной документ ОДКБ, сейчас теоретически позволяют ускорить процессы реагирования на внешние вызовы. Но все равно, честно говоря, на мой взгляд, они до сих пор остаются достаточно громоздкими. Но, опять же, все познается в сравнении. Возможность реагирования других международных структур, призванных обеспечивать безопасность, будь то по линии Организации Объединенных Наций, будь то по линии Шанхайской организации сотрудничества, не говоря уже о Североатлантическом альянсе, тоже донельзя бюрократизированы,

осложнены необходимостью многочисленных политических согласований, учета геополитических интересов и реалий и так далее.

Мы сейчас находимся в достаточно сложной ситуации в том смысле, что ОДКБ плоха, очевидно, но все остальное еще хуже. Кроме того, нет опыта реагирования на вызовы, на возможность реализации того же миротворческого потенциала, тем более в ситуации, когда проблемы возникают между странами, которые являются членами ОДКБ, как это сейчас происходит между Кыргызстаном и Таджикистаном. И что в такой ситуации делать господину Бордюже? Я не представляю себе ответа на этот вопрос.

То же самое, кстати, относится и к конфликтам, которые могут возникнуть по линии стран-членов ОДКБ, с одной стороны, и стран, которые недавно были членами ОДКБ и перестали ими быть, с другой. Как в случае локального конфликта действовать организации? Этот момент не совсем понятен.

Но у ШОС нет и такого миротворческого потенциала. Антитеррористическая структура, которая создана при этой организации, носит, на мой взгляд, зачаточный характер. Международные организации, тот же Совет безопасности ООН, демонстрируют свою незаинтересованность в быстрой и адекватной реакции на конфликты, схожие с тем, что сейчас мы наблюдаем в Баткене или наблюдали в прошлом году в Хороге, в позапрошлом году в центральной части Таджикистана – в Раште. Тогда ведь тоже реакция мировой общественности была абсолютно нулевой. Я боюсь, что и сейчас, случись что-то подобное, подавляющее большинство бюрократов, что в Брюсселе, что в Нью-Йорке, я имею в виду штаб-квартиру ООН, сделают вид, что они ничего особенного не заметили, сделают вид, что это их не касается,

сделают вид, что оно все само как-то рассосется. Поэтому остается надеяться только на ОДКБ, но повторюсь, что существует гигантское количество ограничителей на пути эффективного применения механизма этой организации.

Я думаю, что ОДКБ движется в правильном направлении. По крайней мере, с административной, организационной точки зрения, с точки зрения реализации технических мер предотвращения проникновения банд-групп с юга на территорию Центральной Азии, с точки зрения военно-учебных мероприятий, которые проводятся для отработки реакций на подобного рода вызовы. Делается очень многое. Но, к сожалению, очевидно, это делается с определенным запаздыванием, все эти мероприятия, которые сейчас проводятся по линии коллективной безопасности, надо было начинать как минимум пару лет назад.

На фоне событий, которые периодически происходят на границах практически всех центральноазиатских государств, говорить о создании какого-то регионального механизма коллективной безопасности пока не приходится. Необходимо, очевидно, какое-то время, возможно, серьезная внешняя угроза, которая сплотила бы политические режимы, существующие в Центральной Азии. Если страны региона почувствуют реальную угрозу для своего физического существования, тогда вполне возможно, что очень оперативно, быстро будет выстроена некая общерегиональная система безопасности. Она, скорее всего, получится кривоватая и кособокая, но такой вариант вполне возможен. Пока же этого нет, очевидно, мы будем видеть то, что мы видим.

Пока, к примеру, Афганистан не является такой угрозой. С одной стороны, я не разделяю взглядов оптимистов, которые говорят, что ничего не будет: либо талибы вообще не придут к власти, либо, если придут к власти, займутся своими внутренними

проблемами, а не Центральной Азией. Но я не склонен излишне драматизировать ситуацию, говорить, что не сегодня-завтра из Афганистана придет нестабильность, начнутся массовые акции террора, полезут боевики и так далее. Дело в том, что процесс перетекания нестабильности из Афганистана на территорию сопредельных государств, Центральной Азии, ряда иранских провинций и Пакистана будет растянут во времени на многие месяцы. Просто из месяца в месяц ситуация будет ухудшаться.

Не будет каких-то танковых атак через границу Афганистана и Таджикистана, будет постепенное, но неуклонное общее ухудшение состояния безопасности, которое, повторюсь еще раз, может быть растянуто на месяцы, а может быть, даже и на годы.

Чем хуже будут идти дела в Афганистане, тем нестабильнее и хуже будут идти дела в государствах, непосредственно граничащих с Афганистаном. Чем дальше государство от афганских границ, тем больше у него будет времени на то, чтобы попытаться отгородиться от этой нестабильности, ползущей с юга.

Но самостоятельно все центральноазиатские государства, даже Узбекистан, который, говорят, превратил свою границу с Афганистаном в сплошную полосу укреплений, отгородиться не смогут, слишком слабы в военно-политическом и оборонном смысле государства региона.

Даже сложение их потенциалов, о чем мы до этого говорили, вряд ли что-то кардинально способно изменить. Вспомните ситуацию весны 2001 года накануне убийства Ахмад Шаха Масуда, когда талибы готовились к окончательной зачистке последних

плацдармов, последних участков, контролируемых Северным альянсом, они готовились к штурму Панджшера. Тогда ситуация в столицах центральноазиатских государств была очень напряженной, всерьез говорилось о том, что сегодня-завтра талибы выйдут на границы с центральноазиатскими республиками, и что после этого случится, представить было невозможно, настроения были очень тревожными.

В Узбекистане готовились к мобилизации, в Казахстане Секретарь Совета безопасности сначала говорил, что ничего страшного не произойдет, а буквально через неделю говорил о том, что очень рассчитывает на помощь ОДКБ и Министерства обороны РФ. Вторжение западной коалиции в Афганистан изменило эту ситуацию, все позабыли тогдашнее время. Сейчас постепенно, на другом этапе, на другом витке развития, с другими исходными данными мы в определенном смысле возвращаемся к тому периоду. Еще раз повторяюсь, что этот процесс не будет каким-то одномоментным.

Анна Капушенко

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

Эдуард Полетаев: «Усадить все политические силы в Кыргызстане за стол переговоров будет достаточно сложно»

Эдуард Полетаев: «Усадить все политические силы в Кыргызстане за стол переговоров будет достаточно сложно»

14.01.2014

«Вполне возможно, что в случае изменения внутривнутриполитического расклада те люди, которые сейчас обвиняют друг друга во всех смертных грехах, через некоторое время могут и побрататься», – сказал в интервью ИРР Эдуард Полетаев, казахстанский политолог, руководитель ОФ «Мир Евразии».

ИРР: Является ли для Кыргызстана актуальным проведение общенационального диалога власти с оппозицией, гражданским сектором по наиболее острым вопросам?

Эдуард Полетаев: Тема национального диалога, как правило, поднимается в условиях кризиса, противостояния, когда появляются политические противники такого масштаба и характера, что государство не может эффективно выполнять свои функции.

К примеру, на Украине сейчас происходит нечто подобное, в меньшей степени это происходит и в Кыргызстане. Об этом говорят и достаточно жесткие заявления президента Атамбаева. Все это свидетельствует о том, что некоторые политические силы в стране применяют такой инструментарий, который не удовлетворяет правящую власть. Соответственно, можно уже

говорить о начале кризиса в стране. Но говорить о том, что уже настало время для национального диалога в Кыргызстане в тактическом плане, на мой взгляд, пока еще рано, поскольку речь в большей степени идет о деструктивных действиях некоторых сил. Когда люди используют активную форму протеста для достижения своих целей, то усадить их за Круглый стол достаточно проблематично, потому что там будет больше эмоций, чем рациональных предложений. Но такие попытки предпринимать в определенной степени нужно. Это первый момент.

Второй момент. Потребность в национальном диалоге в новых независимых государствах, каким является и Кыргызстан, в той или иной степени существует на протяжении всех 22 лет независимости. Это было необходимо еще в начале 90-х годов, когда о национальном диалоге, собственно говоря, не все имели достаточно адекватное представление. Но какие-то попытки договориться были, поскольку в некоторых странах правящая элита еще не «забронзовела» сильно и своих политических противников усаживала за стол переговоров, часто даже давала какие-то должности, пытаясь разрешить какие-то сложные проблемы, которые возникали при строительстве молодого государства.

В каких-то странах политическая система сразу выстраивалась под одного лидера, где-то политические противники вытеснялись либо при помощи властей, либо самостоятельно в результате не совсем адекватных действий не то чтобы в непубличное поле политики, а, скорее, в то поле, где существует политический маргинализм. Им приходилось применять не очень адекватные меры и делать громкие заявления, чтобы их заметили, не у всех из них был доступ к политическому микрофону, соответственно, такие силы были вынуждены заявлять о себе какими-то очень креативными акциями.

На мой взгляд, мешало состояться подобному диалогу несоответствие политического веса сил, участвующих в процессе,

или же недооценка реального политического веса с обеих сторон. Очень часто на примере Кыргызстана можно было заметить, что те политические противники, которые пытались пройти во власть тем или иным способом либо выпросить себе какую-то должность, управленческий или коммерческий ресурс, недооценивались правящими элитами, и их пытались вытолкнуть из легального публичного поля, из легальной системы «кормления». В итоге это приводило к перевороту, и люди, которых недооценивали, оказывались у кормушки.

В этом плане, конечно, я думаю, что власть должна использовать более серьезные инструменты, вроде аналитических выкладок, социологических опросов и так далее, которые бы свидетельствовали о мнимой и о реальной политической силе тех или иных персонажей. Тем более что Кыргызстан, в отличие от других центральноазиатских республик, характеризуется большим количеством легальных политических сил – политических партий, общественных объединений и даже неправительственных организаций. Ваша страна имеет на 100 тысяч населения самый большой процент неправительственных организаций.

В этом плане можно ожидать чего угодно, к примеру, какая-нибудь малоизвестная партия вдруг обретет тот или иной ресурс и может серьезно заявить о себе на политическом поле. Есть самые разные варианты. Например, в Украине наибольшую активность проявляют представители тех политических сил, которые известны внутри страны, но о них практически не знают за ее пределами.

Самое главное, чтобы в стране призыв к национальному диалогу не дошел до какого-то идеологического навязывания, чтобы политика не лишилась самостоятельности. Вопрос еще и в том, от кого идет этот призыв. Если он идет от власти, то, соответственно, политические оппоненты, пытаясь заявить о себе как о независимой, самостоятельной силе, а может быть, как о серьезном, принципиальном оппоненте режима, не садятся за стол

переговоров. В лучшем случае те силы, которые вступают в диалог с властью, называются конструктивной оппозицией, и, в принципе, этим силам очень тяжело в случае, если карты лягут по-другому, занять другую позицию. Поэтому здесь сложно прийти к компромиссу.

Если же призыв идет от оппозиции, пусть это будет какой-то оппозиционный курултай или конгресс демократических сил, как это обычно называется на постсоветском пространстве, то, понятное дело, что власть тоже не захочет вступать в диалог, потому что опасается излишней, гиперболизированной критики в свой адрес. Она в лучшем случае пошлет «говорящую голову», которая ни за что не отвечает в процессе принятия управленческих решений.

Отсюда возникает патовая ситуация. В таких случаях, зная ситуацию в Кыргызстане и в некоторых других странах, используется институт так называемых переговорщиков на неформальном уровне. Это так называемые «разводящие» люди с той и другой стороны, которые приходят и договариваются о том, чтобы ситуация не обострялась.

Но усадить все политические силы в Кыргызстане за стол переговоров будет достаточно сложно. Я говорю о том, что политические силы разобщены, и со стороны это очень хорошо просматривается. Поскольку сама система сменилась с президентской на парламентско-президентскую республику, кыргызстанские политические партии имеют гораздо больший доступ к управлению, чем партии в других странах Центральной Азии.

Имеется много политических персонажей, которые очень давно находятся на политической сцене, с кем-то они поругались, потом вновь помирились и так далее. Здесь речь идет не столько об их нежелании садиться за стол переговоров, сколько

о каких-то практических соображениях на конкретный день, ситуацию – осеннюю, весеннюю и так далее. Вполне возможно, что в случае изменения внутривнутриполитического расклада те люди, которые сейчас обвиняют друг друга во всех смертных грехах, через некоторое время могут и побрататься.

В стране для стороннего наблюдателя ситуация в какой-то степени непонятная, потому что такая смешанная модель политического устройства непривычна для нашего региона, не все получается, и те конфигурации, которые возможны, не всегда предсказуемы.

Кроме того, если власть демонстрирует частые желания общаться с представителями оппозиции, то это может свидетельствовать о снижении ее легитимности в глазах населения и неудовлетворенности своим статусным положением. Практика показывает, что руководители стран встречаются с лидерами оппозиционных сил. Но обычно это делается не в какой-то помпезной обстановке, без присутствия средств массовой информации, то есть встреча не носит слишком показушный характер, потому что это не всегда выгодно для лидера государства, особенно в условиях Центральной Азии, где лидер доминирует в сети правления, несмотря на то, что конфигурация политических систем немного разная.

Все-таки на постсоветском пространстве сложились разные модели встреч с оппозицией. Например, в Казахстане президент Нурсултан Назарбаев встречался с представителями тех или иных политических партий, но особого шума по этому поводу не было, то есть это воспринималось как рабочий процесс, строительство государства, и, соответственно, руководителю страны было интересно ознакомиться с теми или иными мыслями, которые представляют оппозиционные или необязательно оппозиционные силы.

В Российской Федерации руководители государства более публичны в этом плане, они специально встречаются с представителями тех политических сил, которые представлены в Государственной Думе – Зюганов, Жириновский, Миронов.

Где-то противостояние не приводит к желаемому компромиссу, как в Кыргызстане, или, например, в Молдове. Где-то ситуация вполне возможна для встреч, как, например, в Украине. Применяются самые разные схемы, но радует то, что политики готовы идти на компромисс, на первый план выдвигают не классовые, а общечеловеческие ценности.

Что необходимо для того, чтобы избавиться от межличностных, эмоциональных, идеологических проблем, которые мешают усадить людей за один стол и вместе решать проблемы? Нужна, скажем так, некая доктрина реидеологизации. Что это означает? Проблема в том, что происходит очень крайняя политизация каких-то конкретных локальных действий или инициатив. Сильная политизация мешает. Иногда все-таки нужно ограничивать влияние идеологии на политику, особенно, если несколько идеологий противодействуют друг другу.

Американский социолог Эрвинг Гоффман такое состояние называл «синдромом узилища», то есть люди ощущают себя замученными властью или усталыми от этой власти. Такие люди недоговороспособны, а если они и способны договариваться, то, как правило, это ничего не значащие декларации о намерениях и прочие бумажки, которые не снижают градус социальной напряженности и к деидеологизации не ведут.

Здесь проблема носит в определенной степени нерешаемый характер, но, тем не менее, поскольку возможности коммуникации многолики, то маленький шанс все-таки есть. Тем более, если идея объединения исходит от самого народа, то это уже обобщенное самосознание населения той или иной страны. Очень

часто население имеет свое обобщенное самосознание, хотя многие люди из этой массы являются «белыми», «красными», «оранжевыми», какими угодно по своим политическим предпочтениям. Это обобщенное самосознание идентифицирует их с гражданами того или иного государства. Неслучайно в Украине люди выходят на площадь не под флагами политических партий, а используют флаги страны. Не всегда политическая идея и желание прийти к власти соответствуют чаяниям всего населения, даже если часть этого населения поддерживает ту или иную идею, ту или иную партию.

Политическая практика всегда связана с борьбой различных мнений, взглядов, решений, они, конечно, поляризуются с плюсом или минусом. Но самая главная задача – не использовать одну идею в ущерб другой. Я думаю, что в наших постсоветских условиях важна даже больше не идеология, а некая национальная идея. Это более привлекательная категория, чем идеология, ставшая после советских времен выхолощенной, люди устали от излишней идеологии, как показывает развал Советского Союза.

Какая это будет национальная идея? Самая разная, может быть, это будет национальная идея всеобщего примирения, которая работала в Таджикистане после гражданской войны. В принципе, она до сих пор в определенной степени работает. Она оформилась, когда люди ужаснулись тому, к чему приводит политика, идеология, выплеснувшаяся на улицы и заставившая мирных граждан вооружиться автоматами.

Может быть, это будет стремление к лучшей жизни всех кыргызстанцев, может быть, это будет долгосрочная стратегия развития, к примеру, как «Казахстан–2050», которая показывает, в том числе и политическим силам, что государство, действующая власть хочет сделать со страной.

Это мобилизует не только власть, но и политические силы, самих

граждан, они хотя бы понимают систему координат, в которой предстоит жить в ближайшее время. А в Кыргызстане, к сожалению, стратегические программы, на мой взгляд, характеризуются краткосрочностью. Правящие силы боятся загадывать дальше того срока, на который их выбрали. Что дальше будет с Кыргызстаном, очень тяжело предсказать.

На мой взгляд, главная задача — сделать так, чтобы в политических объединениях, которых достаточно много по Кыргызстану, было больше государственников. Я не говорю о тех объединениях, которые решают краткосрочные локальные задачи типа освобождения того или иного человека, спрятанного за решетку, выбивания социальных благ путем врывания в здания или перекрытия дорог. Все-таки надо понимать, что это государство, и необходимо смотреть более глобально на то, что происходит.

Должна быть повестка дня, пусть даже она сформирована обобщенно, не всегда есть конкретные цифровые индикаторы, к примеру, к 2020 году сделать среднюю зарплату в Кыргызстане в районе 500 долларов. Не всегда это доступно, учитывая, что есть объективные вещи вроде местных кризисов. Необходимо обрисовать примерную задачу, расписать какие-то шаги навстречу простым людям или сказать о стремлении попасть в какое-то число стран, пусть не очень сильно развитых, но более или менее стремящихся к этому развитию.

Хотя в условиях Кыргызстана эти вещи могут вызвать достаточно серьезный скепсис, особенно сейчас, может быть, даже изначальное противодействие на идеологическом, моральном уровнях, но, тем не менее, это вводить необходимо.

ИРР: Есть ли примеры использования каких-то новых технологий для выстраивания коммуникации власти и оппозиции? Какой пример полезен для нас? Может ли серьезный национальный диалог между властью и оппозицией снизить уровень напряженности в стране?

Эдуард Полетаев: Были такие эксперименты и в Казахстане, и в Российской Федерации, и в Украине, но я не буду брать за пример некоторые страны Центральной Азии, потому что здесь изначально не может вестись речь о диалоге.

К примеру, в Туркменистане всего две партии, причем одна появилась там совсем недавно. В Узбекистане многопартийность, но многие политические партии сильно инкорпорированы в управленческую систему и, в принципе, не нуждаются в диалоге, поскольку их цели и задачи принципиально и кардинально не отличаются.

В Казахстане применялся инструмент национального диалога, к примеру, создавались комиссии по демократизации, туда привлекали общественных деятелей, лидеров политических партий, проводились курултай, которые также формально способствовали диалогу и сближению, но на этих мероприятиях не было принято каких-то принципиальных решений, они были больше демонстрацией добрых политических намерений, на которые казахстанская власть тоже шла осознанно, то есть она понимала, что не нужно обострять ситуацию, нельзя допускать того, чтобы некоторые политические силы начали действовать деструктивно, так как это повредит и имиджу государства, и внутривнутриполитической ситуации.

Необходимо вспомнить, что изменился Конституционный закон «О выборах в РК», согласно ему в парламенте обязательно присутствие, как минимум, двух политических партий. Это привело к тому, что сейчас в парламенте присутствует несколько партий, и часто высказываются идеи, отличные от идеи правящей партии «Нур Отан». То есть система использует в большей степени пряник, чем кнут.

Но сейчас говорить о наличии в Казахстане легальных партий,

которые призывают к свержению режима или к смене власти конституционным путем, не приходится. Часть из этих партий в сознании масс была ассоциирована с одним олигархом, который находится за границей. Часть из них предпочла иные формы деятельности, то есть были определенного рода сложности, проблемы в создании и в оппозиционном движении, в работе и развитии. Сейчас это больше превратилось в компанию «одинок», лиц, которые еще пытаются донести свои идеи, но большей частью они используют различные социальные сети вроде Facebook и так далее. То есть на общую политическую повестку дня они влияют не в столь значительной степени.

Пример Российской Федерации. После Болотной площади, когда москвичи выходили с протестами, упростили регистрацию политических партий. Сейчас достаточно того, чтобы членами партии было 500 человек, для того чтобы ее зарегистрировать. Это привело к тому, что идеологический паноптикум разросся до достаточно серьезного состояния, и каждый нуждающийся в реализации своих идей может зарегистрировать свою партию. Другое дело, что эти партии опять-таки не влияют на повестку дня. Но это тоже в определенной степени способ снижения градуса социальной напряженности. К примеру, мудрые англичане в свое время придумали Гайд-парк, который существует до сих пор, где каждый недовольный может высказать свои мысли с пьедестала, то есть выпустить пар.

Митинговые страсти воспринимаются двояко, с одной стороны, это демонстрация того, что есть политическая жизнь, и если она не выливается в крайние формы в виде погромов и избиений со стороны силовиков или, наоборот, со стороны демонстрантов, захвата власти, то это нормальное явление. Такие явления демонстрируют и Соединенные Штаты, и Европа. Также это один из значимых, видных показателей того, что работает политическая система демократического плана, имеется и сама демократия, и плюрализм мнений.

С другой стороны, необходимо вести речь не столько о низкой политической культуре масс в странах постсоветского пространства, сколько о психологии толпы. Очень часто социальное недовольство в легальных формах вроде митингов или забастовок может привести к деструктивному поведению, и в итоге может разразиться достаточно серьезный политический кризис. Толпу можно спровоцировать на что угодно, и не всегда этому способствуют события политического характера.

На Западе, в Соединенных Штатах есть ряд примеров того, что к тем или иным беспорядкам не всегда приводят именно политические идеи. Это могут быть гуляния после спортивного состязания, когда толпа выходит из-под контроля и начинает устраивать беспорядки. В арабских странах бывали случаи, когда после похорон, на которых собралось много людей, возникают случаи незапланированного, неожиданного социального протеста.

Я думаю, что выражение своих политических чувств все-таки должны носить менее радикальный характер. Иногда некоторые страны проходят это как некоторый этап в жизни. Характерный пример – это Южная Корея, которую в 70-80-е годы сокрушали акты социального протеста, студенты были очень активной силой. В то время военные диктаторы правили Южной Кореей, а на улицах были серьезные беспорядки и погибали люди. Сейчас, несмотря на то, что часть этой политической культуры сохранена, проблемы решаются в другом поле, в поле СМИ, общественных дискуссий, в парламенте и так далее.

Здесь нужно понимать, что политическая элита меняется, и каждые последующие представители политической элиты понимают, что они пришли к власти на определенной волне, и возможно, что их сместят таким же образом.

Самая серьезная и, может быть, концептуальная проблема

Кыргызстана в том, что легальные механизмы смены власти есть и работают, но они не столь эффективны в случаях, когда протест толпы выходит за все рамки легальных средств смены власти и это приводит к тому, что, по сути дела, нужно нарушать закон, чтобы восстановить какое-то подобие закона. Это философское противоречие. Все-таки задача нынешнего политического класса, хочет он садиться за стол переговоров или нет, делать так, чтобы люди не выходили на баррикады, не крушили Белый дом в очередной раз только для того, чтобы восстановить, по их мнению, ущербную, нарушенную социальную и политическую справедливость.

Для этого должны быть более простые, спокойные механизмы, которые позволяют более уютно себя чувствовать и жителям Кыргызстана, и всем окружающим его государствам, потому что такие примеры порой негативно отражаются на жителях соседних стран, где большее внимание уделяется каким-то политическим, идеологическим составляющим. На ошибках Кыргызстана учатся очень многие, и поэтому хотелось бы, чтобы Кыргызстан сейчас, поскольку он привлекает особое внимание в силу своей особой политической системы, все-таки продемонстрировал не только легитимность, но и дееспособность, возможность как-то показать то, что все политические идеи направлены в конструктивное русло и способствуют развитию страны, а не расшатыванию ситуации.

На мой взгляд, национальный диалог не должен выстраиваться на улицах, потому что на улице очень много эмоций, которые мешают реально оценить ситуацию, там появляется много иллюзий, даже каких-то утопических моделей. Это не значит, что простой народ надо отстранить от диалога, от принятия решений, усадить за стол переговоров каких-то элитных политиков или представителей тех или иных общественных сил.

Работа должна выстраиваться исходя из политического целеполагания всей страны и работы всех политических сил на

какую-то идею. Тем более что сегодня мировосприятие у людей более мобильное, чем раньше. Сейчас достаточно социальных сетей для того, чтобы мобилизовать достаточно большое количество сторонников, если идея актуальна. В свое время мы это увидели на примере арабских стран. В первую очередь, должны доминировать какие-то ценности и установки идентичности, к примеру, «мы – кыргызстанцы».

Отсюда должна начать распространяться практика общенационального согласия, культуры, политической толерантности, и тогда уже будет легче оперировать этим политическим потенциалом, тем более, что у Кыргызстана он есть, поскольку политики достаточно смелые, иногда, конечно, это доходит до анекдотичных ситуаций, чем, кстати, знамениты депутаты ЖК.

Но, тем не менее, главное, что идеями Кыргызстан богат, и это должно привести к выработке здоровых концепций и затем к их реализации.

Вообще, Кыргызстану надо строить экономику, на сегодняшний день это самая важная задача, устраивать будущее взаимоотношения с центрами силы, и экономика здесь играет очень серьезную роль. Если Кыргызстан согласится вступить в Таможенный Союз, то вам необходимо будет очень много сил и средств затратить на переформатирование.

Анна Капушенко

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

Константин Сыроежкин: «Концепция формирования “Экономического пояса на Шелковом пути”: Проблемы и перспективы»

Константин Сыроежкин: «Концепция формирования “Экономического пояса на Шелковом пути”: Проблемы и перспективы»

25.12.2013

Предлагаем вниманию читателей статью, написанную специально для IPP, Константином Сыроежкиным, доктором политических наук, профессором, главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

Концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути» была предложена Си Цзиньпином в прочитанной им в Назарбаев-Университете лекции во время его турне по четырем государствам Центральной Азии в сентябре 2013 года[1].

Раскрывая содержание внешней политики руководителей «пятого поколения» по отношению к государствам Центральной Азии, Си Цзиньпин сделал акцент на четырех тезисах:

- Китай и страны региона связывает продолжительная история двусторонних отношений, и они обладают общностью исторической судьбы.

- Китай с уважением относится к суверенному выбору всех государств и готов поддерживать избранный ими путь развития.
- Китай не планирует достижение господства в региональных делах и не стремится к созданию зоны влияния.
- Китай, обладая большими индустриальными, товарными и финансовыми возможностями, предлагает странам региона расширить торгово-экономическое сотрудничество, «благодаря чему соседние государства смогут извлечь для себя пользу из экономического развития Китая».

Эти же тезисы Си Цзиньпин повторил и во время своего визита по странам Юго-Восточной Азии в начале октября 2013 года. Выступая в парламенте Индонезии и на сессии АСЕАН, он выдвинул стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай – АСЕАН и совместного построения «Морского Шелкового пути XXI века» [2].

В конце октября в Пекине состоялось совещание по вопросам взаимоотношений с соседними странами. И хотя совещание проходило в закрытом режиме, некоторые озвученные на нем тезисы дают представление о новой политике Китая в отношении соседних государств [3].

Первый тезис - стратегической целью китайской внешней политики в отношении сопредельных стран является служение борьбе за достижение «двух столетних» целей [4] и задаче возрождения величия китайской нации.

Для достижения этой цели Китай должен всесторонне развивать отношения с сопредельными странами, укреплять добрососедство,

углублять взаимовыгодное сотрудничество, оберегать и использовать имеющиеся в настоящее время важнейшие стратегические возможности для развития Китая, защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития; прилагать усилия к тому, чтобы политические отношения Китая с сопредельными странами стали более дружелюбными, экономические связи – более прочными, сотрудничество в области безопасности – более глубоким, гуманитарные связи – более тесными.

Второй тезис - базовой установкой дипломатии в отношении сопредельных стран является отношение к ним как к друзьям и партнерам, чтобы дать им ощущение безопасности и помочь их развитию.

В отношении сопредельных государств необходимо неуклонно придерживаться того, чтобы делать добро соседям, превращать соседей в партнеров; неуклонно придерживаться принципов добрососедства, безопасного и богатого соседства; акцентировать внимание на концепциях, включающих в себя такие понятия, как родство, искренность и благодеяние. Необходимо искреннее относиться к сопредельным странам, приобретая как можно больше друзей и партнеров.

Третий тезис – сопредельные государства должны извлекать пользу из развития Китая, а Китай – получать выгоду и поддержку от совместного развития с сопредельными странами.

Для достижения этой цели необходимо ускорить создание зон свободной торговли с соседями, расширять торговлю и инвестиции, создать новый образец региональной экономической интеграции.

Хотя эти тезисы окончательно не снимают опасений по поводу «китайской экспансии», тем не менее, акценты в региональной политике Китая расставляют по-новому. Смущает лишь одно, если цели китайской внешней политики по отношению к сопредельным странам столь благородны, почему вышеупомянутое совещание проходило в режиме строжайшей секретности, а выступления на нем Си Цзиньпина и других участников в полном объеме так и не были опубликованы в китайской прессе.

По-видимому, в подходах руководителей «пятого поколения» есть что-то такое, что существенно отличает их от концепции «гармоничного мира», предлагаемой Ху Цзиньтао.

Несомненно, что как выдвинутые концепции, так и итоги всех внешнеполитических турне Си Цзиньпина и Ли Кэцяна - свидетельства того, что в Китае начался процесс формирования новой концепции внешней политики. Несомненно, что главной ее целью будет реализации на практике возрождения величия Китая и китайской нации. Несомненно и то, что внешняя политика руководителей «пятого поколения» станет жестче, хотя и с большей долей в ней значимости «мягкой силы». Особенно, учитывая существенно возросшие возможности Китая и его экономические позиции в сопредельных с ним регионах.

Меньше ясности с механизмами практической реализации поставленной новым руководством главной цели внутренней и внешней политики. Однако, что касается последней, то некоторое представление об этом в контексте сопредельных стран дают концепции формирования «экономического пояса на Шелковом пути» и совместного построения «Морского Шелкового пути XXI века».

Причины появления новых концепций

Что касается причин появления этих концепций, то они вполне объяснимы. Качественный скачок в активности китайской дипломатии был неизбежен и объясняется сочетанием нескольких факторов.

Во-первых, изменилась роль Китая в мире (как экономическая, так и политическая), он превратился во вторую экономику мира и «мировую мастерскую». При этом особый акцент делается Китаем на контакты с сопредельными государствами. Сейчас Китай стал крупнейшим торговым партнером АСЕАН: в 2012 году двусторонняя торговля достигла более 400 млрд долл., а объем взаимных инвестиций превысил 100 млрд долларов. В Джакарте Си Цзиньпин поставил новую цель: увеличить объем двусторонней торговли между Китаем и АСЕАН к 2020 году до 1 трлн долл. Кроме того, он предложил расширение транспортно-коммуникационных возможностей, выдвинув инициативу создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Если говорить о государствах Центральной Азии, то, во-первых, в их отношении китайская торговая экспансия фактически состоялась, а для их экономик, учитывая более чем скромные их размеры, фактически разрушенные легкую и обрабатывающую промышленность, деградирующее сельское хозяйство, экономическое взаимодействие с КНР имеет важнейшее значение для поддержания положительной экономической динамики.

Во-вторых, нельзя не признать, что уже сегодня даже не Китай, а всего лишь СУАР КНР успешно справляется с ролью «промышленной мастерской» государств Центральной Азии, не оставляя последним шансов на развитие сколько-нибудь значимого обрабатывающего сектора.

При этом вполне очевидно, что роль и место СУАР КНР во внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии КНР не будут пересмотрены и новым руководством Китая. Это означает, что Синьцзян имеет все шансы превратиться в ведущий финансово-экономический центр Центральной Азии, прилегающих и близко географически расположенных российских регионов, иначе говоря, закрепить свое положение в качестве экономического центра формирующейся «большой Центральной Азии»[5]. Концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути», по всей видимости, и призвана способствовать решению этой задачи.

В-третьих, главная стратегическая задача Китая – превращение в глобальную торговую державу. Решение этой задачи предполагает не только поддержание добрососедских отношений с окружающими Китай странами, но и создание в этих странах условий для продвижения китайских товаров, как на их рынки, так и транзитом на рынки России, Европы, государств Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии и других регионов мира. А это означает, что Китай нуждается в развитой транспортной и логистической инфраструктуре государств транзита, формировании устраивающего Китай таможенного и валютного режима, увеличении объемов торговли с этими государствами.

В-четвертых, Китай должен был как-то реагировать на попытки ограничения его активности в Центральной Азии и АТР, предпринятые Россией и США в последние годы.

Выдвинутая Владимиром Путиным в 2010 году идея Евразийской интеграции, поддержанная Нурсултаном Назарбаевым и Александром Лукашенко, серьезно ограничивала не только геополитические амбиции Китая, но и его возможности по расширению экономического присутствия Китая в Центральной Азии. И хотя первоначальные опасения китайских экспертов по поводу

Таможенного союза и будущего Евразийского экономического союза сегодня уже не столь актуальны, тем не менее, они имеют место быть. Во всяком случае, в контексте того, что создание ЕЭС серьезно ограничит использование предоставляемых Китаю возможностей через ШОС расширять свое экономическое и политическое влияние в регионе.

В 2011 году американская концепция «поворота к Азии» (*pivot to Asia*) оказалась вполне эффективным планом сдерживания КНР в первую очередь через создание реальной угрозы зарубежным источникам сырья, рынкам сбыта, а главное - морским транспортным путям. В американской прессе даже появились материалы, авторы которых на полном серьезе обсуждают возможность войны с КНР и ее морской блокады[6].

Администрация президента Барака Обамы продолжила осуществление этой конфронтационной стратегии и во второй срок своего правления. Июньская поездка Си Цзиньпина в Калифорнию и интенсивные многочасовые переговоры с Б. Обамой, похоже, не сняли противоречия между Пекином и Вашингтоном.

Серьезность намерений «сдерживать Китай» была подтверждена еще и активизацией создания Транстихоокеанского торгового партнерства, новой зоны свободной торговли, в которой не нашлось места второй экономике мира.

Для «мастерской мира», какой стал Китай, попасть в изоляцию, поставить под вопрос доступ к источникам сырья и рынкам сбыта означает перечеркнуть далеко идущие планы развития. При этом новое руководство Китая отдает себе ясный отчет в том, что предотвратить возможную военную и торгово-экономическую

изоляцию вряд ли удастся за счет участия в малоэффективной ШОС или пока еще аморфном БРИКС.

Совокупность всех этих факторов и предопределила выдвижение идеи создания собственных интеграционных зон с опорой на использование колоссальных финансовых ресурсов. В Центральной Азии это «экономический пояс на Шелковом пути», в ЮВА – «Морской Шелковый путь XXI века».

Выбор интеграционных зон можно признать оптимальным – они лежат на традиционных торговых маршрутах, сложившихся под влиянием естественных географических факторов, и включают в себя страны неевропейских цивилизаций, которые способны быстрее адаптироваться к моделям Поднебесной. Они располагают почти всеми видами необходимого Китаю сырья, по их землям проходят более короткие и безопасные маршруты доставки, чем из Африки или стран Ближнего Востока.

Правда, есть одно «но». Вряд ли в Пекине не понимали, что эта идея вызовет негативную реакцию у тех стран, которые хотели бы не только сохранить, но и усилить свои позиции в регионах, на которые претендует Пекин в качестве главного «интегратора». Это, прежде всего, США и Россия, а кроме них – еще Турция, Иран, Индия и Япония. Тем не менее, новое руководство КНР посчитало возможным не только разработать новую концепцию внешней политики Китая с сопредельными странами, но и открыто озвучить ее.

Содержание концепции формирования «экономического пояса на Шелковом пути»

Как уже говорилось выше, концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути» была презентована Си Цзиньпином в Астане. Как им было подчеркнуто в его лекции в Назарбаев-Университете, «Мы должны с открытой душой и широким видением расширять региональное сотрудничество. В настоящее время быстро развивается слияние мировой экономики, бурно расширяется региональное сотрудничество. В Евразии уже созданы многочисленные региональные организации сотрудничества. Государства-члены и государства-наблюдатели Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества охватывают Евразию, Южную и Западную Азию, и мы через усиление сотрудничества между ЕЭС и ШОС можем получить огромное пространство для развития»[7].

Акцентирую внимание на этом тезисе, Си Цзиньпин отметил необходимость «применять новые модели сотрудничества», «общими усилиями формировать «экономическую полосу Великого Шелкового пути». Им были предложены пять конкретных мер, обеспечивающих движение в данном направлении.

Первое - это постоянный обмен мнениями по различным вопросам стратегии экономического развития для выработки мер и программ по экономической интеграции. Главная задача – «открыть зеленый свет» на политическом и юридическом уровнях для слияния региональных экономик.

Второе - строительство единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря. Китай готов принимать участие в создании транснациональной транспортной инфраструктуры, формировать транспортную сеть, охватывающую Центральную, Восточную, Западную и Южную Азию.

Третье расширение торговых связей с ликвидацией различных мешающих им бюрократических и юридических барьеров, повышением скорости доставки товаров и созданием соответствующей системы логистики.

Четвертое усиление валютных потоков. Си Цзиньпин напомнил, что в настоящее время Китай успешно торгует с рядом стран (в том числе с Россией), рассчитываясь не в долларах, а в национальных валютах. Такую практику было предложено использовать и с Казахстаном, что «снизит денежные издержки, защитит финансовую систему от рисков, а также повысит международную конкурентоспособность экономики».

Пятое дальнейшее укрепление связей между народами. Как было подчеркнуто Си Цзиньпином, «Отношения между государствами базируются на близких отношениях между народами. Региональное сотрудничество должно получить поддержку народов всех государств, должно укрепить дружественный обмен между народами, способствовать взаимопониманию и традиционной дружбе; для развития регионального сотрудничества необходимо заложить социальную базу, базу, основанную на чаяниях народов».

Другими словами, с точки зрения Си Цзиньпина, формирование «экономического пояса на Шелковом пути» должно включать в себя несколько взаимосвязанных шагов.

1. Упрощение таможенных, визовых и иных процедур для облегчения деятельности предпринимателей (как государств региона, так и китайских) и расширения масштабов сотрудничества.

2. Создание транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей доставку товаров (прежде всего, китайских) на рынки Центральной Азии, России, государств Европы, Ближнего и Среднего Востока.

3. Увеличение объемов взаимной торговли, о чем недвусмысленно говорят озвученные во время визита Си Цзиньпина планы ускорения процесса согласования проектов по созданию зон свободной торговли в Узбекистане и Киргизии, а также увеличения объемов взаимной торговли со всеми государствами региона[8].

4. Расширение объемов взаимной торговли в национальных валютах с перспективой превращения юаня в региональную валюту, которая будет способна потеснить позиции доллара и евро.

5. Расширение контактов в научно-технической, образовательной и гуманитарной сферах, где одним из направлений сотрудничества предусматривается увеличение числа студентов из государств Центральной Азии, обучающихся в вузах Китая, чем, в том числе, решается задача выхода китайской культуры за пределы Китая и роста значимости «мягкой силы» во внешней политике нового руководства.

В комментариях китайских экспертов все эти направления повторяются, но к ним добавляются геополитическая значимость предложенной концепции, сотрудничество в энергетической области, на чем делается особый акцент, а также сотрудничество в сфере обеспечения региональной безопасности[9]. Последнее, по мнению китайских авторов, необходимо, поскольку «сохраняющиеся в государствах Центральной Азии политическая нестабильность, изменчивость и противоречия в политике, несогласованность в деятельности различных ведомств создают серьезные препятствия для деятельности иностранных

коммерсантов и предприятий»[10].

Тем не менее, необходимо признать, что пока отношение китайского экспертного сообщества к концепции создания «экономического пояса на Шелковом пути» только формируется. Хотя уже сейчас некоторые трактовки заслуживают пристального внимания со стороны экспертов и политиков государств Центральной Азии.

Так, например, содержащиеся в лекции вице-президента Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ в Академии государственного управления при президенте Кыргызстана пассажи по поводу этой концепции вызвали недоумение киргизских экспертов. Лектор предложил Киргизии, не ориентируясь больше на вступление в Таможенный союз, присоединиться к проектируемому Китаем «экономическому поясу на Шелковом пути». По словам Жуань Цзунцзэ, КНР разрабатывает и претворяет в жизнь проект «экономический пояс на Шелковом пути», который должен объединить Китай и Центральную Азию в единый экономический регион.

При этом лектор подчеркнул, что «Таможенный союз - это всего-навсего три страны, и неизвестно, кто еще решится стать его членом»[11].

Близкая по смыслу трактовка содержится и в комментарии начальника отдела изучения внешней политики России Исследовательского центра развития при Госсовете КНР Вань Чэнцзя, по мнению которого, в сравнении с интеграционными моделями России и США, китайская модель обладает пятью крупными преимуществами.

«Во-первых, это преимущество концепции развития. По сравнению с российским «Евразийским союзом» и американским планом «Нового Шелкового пути» китайский «экономический пояс на Шелковом пути» - всесторонний проект, который распространяется на Восток, Запад, Север и Юг; если он получит развитие, то это принесет выгоду около 3 млрд человек.

Во-вторых, это географическое преимущество. Китай имеет общую границу с тремя странами Центральной Азии, что означает близкое географическое положение.

В-третьих, преимущества традиций. Древний Шелковый путь глубоко вошел в сердца народов, все остается в выигрыше. На волне экономической глобализации «экономический пояс на Шелковом пути» также легко воспринимается общественностью.

В-четвертых, страны Закавказья надеются, что стратегия Китая в Центральной Азии сможет протянуться до Кавказа.

В-пятых, это финансовые преимущества Китая.

Что касается инфраструктуры, то Китай может оказать помощь странам Центральной Азии в восстановлении и строительстве общественных и железных дорог до Европы. Россия также рада принять в этом участие»[12].

С этим, безусловно, трудно спорить. Большинство из высказанных выше аргументов справедливо. Однако все эти аргументы свидетельствуют лишь о том, что в понимании китайских

экспертов концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути» - всего лишь более красивая упаковка непринятой Россией и странами Центральной Азии концепции «создания зоны свободной торговли на пространстве ШОС», а главной ее сутью является создание наиболее благоприятных условий для продвижения китайских товаров, услуг и капиталов в государства Центральной Азии, Россию, государства Ближнего и Среднего Востока, а также в Европу.

Неочевидные перспективы

По оценке китайских экспертов (кстати сказать, достаточно верной), самым большим вызовом для Китая на пути практической реализации этой концепции будет являться налаживание отношений с центральноазиатскими странами, Россией и США[13].

Центральная Азия – очень непростой регион, здесь переплетаются интересы и сталкиваются противоречия не только России, США, Европы, Китая, Индии, Ирана и Турции, но и отношения между самими государствами региона оставляют желать лучшего. А потому для Китая как инициатора нового интеграционного проекта необходимо приложить умелые усилия модератора этих отношений и противоречий. Удастся ли ему это сделать, большой вопрос. Во всяком случае, ни США, ни России это пока не удастся.

Второй вызов – культурные и ментальные различия между Китаем и центральноазиатскими странами. В плане консолидирующей страны региона идеи Китаю пока предложить нечего. Конечно, исключая его возможности по кредитованию экономик государств региона.

Третий вызов – необходимость позиционирования новых концепций

в контексте справедливости и взаимной выгоды, они не должны содержать даже намека на возможную перспективу «китайской экспансии». Пока обсуждение всех последних китайских геополитических концепций выстраивается исключительно вокруг интересов Китая. На закономерный вопрос, в чем же будет состоять выгода и интерес государств региона, китайские эксперты ответа не дают. Как не дают они ответа и на вопрос, каковой видится ими роль России в практической реализации этих концепций.

Четвертый вызов – перспектива выхода на рынки Центральной Азии предприятий Китая (включая предприятия малого и среднего бизнеса). К китайскому присутствию в Центральной Азии уже сейчас относятся если не критически, то очень настороженно.

Следовательно, перспектива «выхода за рубеж» китайских компаний должна быть четко обоснована, в том числе с учетом интересов, как самих компаний, так и их партнеров в государствах Центральной Азии.

Но главная проблема – концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути» выступает в качестве конкурента идеи Евразийской интеграции[14], а потому основной вопрос, как реализовать эту концепцию, не вступая в противоречия с Россией и не разрушая российско-китайских отношений.

Хотя Си Цзиньпин в своем выступлении специально акцентировал внимание на том, что реализовывать эту концепцию Китай собирается совместно с Россией, подписанные со странами региона документы говорят об обратном. Китай уже сейчас действует не только в обход России, но и особо не считаясь с ее национальными интересами.

Несмотря на то, что китайскими авторами понимается, что при практической реализации концепции формирования «экономического пояса на Шелковом пути» «нельзя допустить, чтобы тесные связи с Центральной Азией оказали влияние на китайско-российское взаимодействие»[15], тем не менее, вполне очевидно, что предлагаемые Россией и Китаем региональные интеграционные модели выступают как конкурирующие. А это означает, что конфликт интересов Китая и России в Центральной Азии будет нарастать, и вполне предсказуемо, что новые политические элиты государств региона в перспективе сделают выбор в пользу Китая.

Во-первых, стратегия Пекина, направленная на развитие взаимовыгодных инвестиционных проектов, имеет явное преимущество – она избегает любых дискуссий по вопросам внутренней политики государств-партнеров. И это делает Китай более привлекательным международным партнером.

Во-вторых, Китай твердо придерживается принципа невмешательства во внутренние дела. В отличие от России, он не стремится управлять процессом принятия политических решений и навязывать политическую интеграцию. В отличие от США не давит на лидеров стран Центральной Азии по поводу политической модернизации и графика внутренних реформ.

В-третьих, увеличивающееся число транспортно-инфраструктурных и иных значимых для экономик государств региона объектов, в которых Китай является основным акционером, а также растущие объемы кредитной зависимости государств региона от Китая делают их выбор в пользу Китая практически безальтернативным.

Даже Узбекистан, который изначально относился к идее

вступления в торговые отношения с Китаем с определенной долей скептицизма и старался ограничить доступ китайских предпринимателей на внутренний рынок, теперь приветствует китайские инвестиции.

Все это означает, что XXI век для Центральной Азии и, возможно, для России, будет веком Китая. Периодом, когда Китай начнет буквально обволакивать государства региона своими инвестициями и кредитами. Точно так же, как он это сделал своими товарами.

Конечно, «экономический пояс на Шелковом пути» примет реальные формы не завтра, это долгосрочная стратегия. Но карты выложены на стол, и в создавшейся новой ситуации предотвратить возрождение российско-китайского соперничества в Центральной Азии возможно только через установление некоей формы взаимодействия, взаимных уступок, разделения ответственности и сфер влияния.

Именно в таком ракурсе рассматривает концепцию формирования «экономического пояса на Шелковом пути» российский востоковед Ю.В.Тавровский: «Россия обеспечивает безопасность региона с учетом возможного вывода сил НАТО из Афганистана и дальнейшей активизации «трех сил зла» – терроризма, сепаратизма и экстремизма. Китай же берет на себя финансирование некоторых военных программ, а также крупных инфраструктурных и сырьевых проектов с учетом интересов России, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке»[16].

Как представляется, в этом есть своя логика. Если России и Китаю удастся договориться и разделить сферы ответственности, то вполне вероятно, что идеи Си Цзиньпина о соединении

потенциалов ЕЭС и ШОС и формировании «экономического пояса на Шелковом пути» будут реализованы на практике.

Если нет, то государства Центральной Азии окажутся в ситуации довольно непростого выбора между Россией и Китаем, а сами российско-китайские отношения серьезно обострятся. В этих условиях говорить о реализации идеи формирования «экономического пояса на Шелковом пути» не приходится. Ее практическая реализация будет заблокирована Россией.

[1] См. Си Цзиньпин. Хунъян жэньминь юй, гунчуань мэйхао вэйлай (Развивать дружбу между народами, совместно создавать прекрасное будущее. Лекция в Назарбаев-Университете 3 ноября 2013 г.) //Жэньминь жибао, 8 сентября 2013 г.

К сожалению, как сама лекция, так и подписанные в ходе визита документы так и не были опубликованы в казахстанской прессе в полном объеме, а те комментарии, которые имели место, не дают полного представления об этой концепции. И это – одна из главных причин ее непонимания большинством экспертов.

[2] См.: Обзор: Глава МИД КНР Ван И о визите Си Цзиньпина в Индонезию и Малайзию и участии в 21-й неформальной встрече лидеров АТЭС //Агентство Синьхуа, 9 октября 2013 г.; Си Цзиньпин. Фахуй Я Тай иньлин цзоюн, вэйху хэ фачжань кайфансин шицzie цзинцзи (Развивать ведущую роль АСЕАН, защищать и развивать мировую экономику открытого типа. Выступление на неформальном заседании руководителей государств – членов АСЕАН 7 октября 2013 г.). //Официальный сайт МИД КНР. - <http://www.fmprc.gov.cn/>.

[3] См. Си Цзиньпин. Жан миньуй гунтунти иши цзай чжоубянь гоцзя лоди шэнгэнь (Пусть осознание общности судьбы укорениться между сопредельными странами. Выступление на совещании по вопросам работы с сопредельными странами 25 октября 2013 г.) // *Официальный сайт МИД КНР*. - <http://www.fmprc.gov.cn/>.

[4] Первая цель – построение к 2021 году (100-летие КПК) всесторонне развитого общества средней зажиточности. Вторая цель - создание к 2049 году (100-летие КНР) богатого и сильного, демократичного, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства; осуществление в течение XXI века возрождения величия китайской нации.

[5] На одной из проходивших в Китае научных конференций по проблемам региональной безопасности мне довелось услышать уже китайскую концепцию «большой Центральной Азии», в качестве которой рассматривается пространство ШОС. Ее озвучил старший советник Национальной Ассоциации международной стратегии, начальник Центра европейских и азиатских исследований Ван Хайюнь. С точки зрения отстаивания интересов Китая предложенная концепция почти безупречна. Хотя ее автор так и не смог ответить на мои вопросы, в чем он видит интерес государств Центральной Азии при реализации этой концепции и каковой видится роль России в ее реализации. Но, тем не менее, факт остается фактом – Китай осваивает Центральную Азию не только экономически, но и пытается выстраивать в ее отношении геополитические конструкции.

[6] See: Sean Mirski. Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China. - *Journal of Strategic Studies*. - February 12, 2013. - <http://carnegieendowment.org/>.

[7] См. Си Цзиньпин. Хунъян жэньминь юй, гунчуань мэйхао вэйлай.

[8] С Казахстаном к 2015 году планируется увеличить объемы взаимной торговли с 26 до 40 млрд долл., с Узбекистаном - с 2,9 млрд долл. в 2012 году до 5 млрд долл. в 2017 году, с Киргизией – с 5,6 млрд долл. до 9 млрд долларов.

[9] См.: Ли Чуйфа. Шуньинь чаолу цзао фу жэньминь (Следовать главному тренду на благо народа) //Цзинцзи жибао, 25 сентября 2013 г; Сунь Чжуаньчжи. Фусин сичжоу чжи лу, туйдун синьсин цюйюй цзинцзи хэцзо Возродить Шелковый путь, стимулировать новую форму регионального экономического сотрудничества) - //Цзинцзи жибао, 25 сентября 2013 г.; У Дахуй. Си лу цзинцзи дай: нэй хань юй гоуцзянь (Экономический пояс на Шелковом пути: внутренне содержание и формирование. – Выступление на конференции «Китай и Центральная Азия: новый старт, новый импульс». Пекин, 23-24 октября 2013 г.

[10] Ли Чуйфа. Шуньинь чаолу цзао фу жэньминь.

[11] См. Кабулов Э. В Киргизии размышляют о планах Пекина. - //Фонд стратегической культуры, 10 ноября 2013 г. – <http://www.fondsk.ru/>.

[12] См. С какими вызовами сталкивается Китай в развитии плана о создании экономического пояса Шелкового пути? //Жэньминь жибао онлайн, 11 октября 2013 г.

[13] См. Там же.

[14] См. Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии? //Жэньминь жибао онлайн, 10 октября 2013 г.

[15] См. С какими вызовами сталкивается Китай в развитии плана о создании экономического пояса Шелкового пути?

[16] См. Тавровский Ю.В. Пекин собирает горы и моря. - //Независимая газета, 15 ноября 2013 г.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)

IPRде “КРда жаңжалдарды чечүү тажрыйбасы: көйгөйлөр жана перспективалар” аттуу конференция өткөрүлөт

IPRде “КРда жаңжалдарды чечүү тажрыйбасы: көйгөйлөр жана перспективалар” аттуу конференция өткөрүлөт

18.12.2013

Демократияны колдоо Улуттук корунун (NED) колдоосу менен Коомдук саясат институту тарабынан ишке ашырылып жаткан “Жаш лидерлер жана жаңжалдарды тынчтык жолу менен чечүү” долбоорунун алкагында 16-17-январь күндөрү IPRде “КРда

жаңжалдарды чечүү тажрыйбасы: көйгөйлөр жана перспективалар”
аттуу конференция өткөрүлөт.

Конференциянын жүрүшүндө төмөнкү темалар талкууланат:

- КРдагы жаңжалдуу потенциалдын анализи;
- КРда жаңжал таануучулардын кесиптик окуусу;
- КРда медиация институтунун өнүгүшү;
- КРда жаңжалдарды тынчтык жолу менен чечүү ыкмаларын алгачкы жаштардын ролу.

Конференция 2014-жылдын 16-17-январь күндөрү саат 10:00дөн 17:00гө чейин Коомдук саясат институтунун конференц-залында (Исанов көч. 42/1, 3-кабат) өткөрүлөт.

Конференцияга жаңжалдарды чечүү жаатында иш алып барган эл аралык жана бейөкмөт уюмдардын, окуу жайлардын өкүлдөрү, о.э., жигердүү жаштар жана эксперттер чакырылат.

Конференцияга катышууну каалагандар билдирүүнү ak@ipp.kg дарегине жөнөтүүлөрү же Исанов көч. 42/1, 3-кабат дарегине алып келүүлөрү керек. Билдирүү төмөнкү маалыматтарды камтышы шарт:

- Катышуучунун фамилиясы, аты, атасынын аты (толук жазылышы зарыл)
- Иштеген жери, кызматы
- Жаңжалдарды чечүү жаатындагы ишмердүүлүгү

- Уюлдук телефонунун номери

- E-mail
дареги)

(электрондук

Сиздерди кызыктырган бардык суроолор боюнча 906220, 906230 телефондору аркылуу Мээрим Шамудиновага кайрылсаңыздар болот. Документтерди тапшыруунун акыркы мөөнөтү 10-январь 2014-жыл.

Негизги бетке кайтуу / Басып чыгаруу версиясы

Стенограмма Круглого стола: «Итоги года»

Стенограмма Круглого стола: «Итоги года»

18.12.2013

12 декабря в Институте общественной политики состоялся Круглый стол на тему: «Итоги года».

Модератор: Муратбек Иманалиев, президент Института общественной политики

Спикеры:

Алексей Красин, руководитель стратегических проектов НКО «Агентство по развитию местного самоуправления – LGDA»

Тамерлан Ибраимов, директор Центра политико-правовых исследований

Эльмира Ногойбаева, руководитель аналитического центра «Полис Азия»

Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива»

Участники:

Санжар Абакиров, исполнительный директор исследовательского института «Сереп»

Айканыш Абылгазиева, директор «Социнформбюро»

Тилек Ашимов, Фонд Райффайзен-Кыргызстан

Айперим Бакаева, аспирантка МГУ им. Ломоносова, г. Москва, НИСИ КР

Адилет Балтабаев, гражданский активист

Махамад Батралиев, посольство Узбекистана

Гульмира Бегалиева, старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин БГУ

Диана Дурусбек кызы, выпускница АУЦА

Светлана Лавриненко, исполнительный директор Благотворительного фонда «Боорукерлик»

Нелли Михальцова, сотрудник посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызской Республике

Вадим Мишин, менеджер Hostel Inn Bishkek

Темирлан Молдалиев, исследовательский институт «Сереп»

Анар Мусабаева, политический аналитик

Александр Орехов, старший программный координатор Международного Фонда Избирательных Систем (IFES) в КР

Жоомарт Ормонбеков, национальный советник Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии

Эдил Осмонбетов, независимый эксперт

Светлана Пак, эксперт

Рамзиддин Гулямов, эксперт Университета мировой экономики и дипломатии РУ

Чинара Сейдакматова, общественный деятель

Элианора Сыдыкова, ОФ «Голос свободы», политолог

Акбар Тагаев, эксперт Института истории АН РУ
Махабат Уракова, аспирантка Токийского университета
Сурем Чанд, первый секретарь посольства Индии в КР
Михаил Чумейко, эксперт ОО «Кыргызское агентство аналитики и информации»
Дмитрий Шевкун, глава миссии Международного Фонда Избирательных Систем (IFES) в КР

СМИ:

Мээрим Бакир кызы, корреспондент ОТРК, Программа «Ала-Тоо»
Канат Каниметов, корреспондент ОТРК, Программа «Ала-Тоо»
Аскат Касымбеков, НТС
Наталья Кушпаренко, корреспондент ИА «Tushtuk.kg»
Бермет Маликова, обозреватель при главном редакторе газеты «Вечерний Бишкек»
Гулдана Намадали кызы, «Биринчи радио»
Толкун Наматбаева, корреспондент ИА «France Press»
Алексей Немашкал, НТС
Евгения Николаева, «Polit.kg»
Махинур Ниязова, ИА «24.kg»
Асель Омуракунова, корреспондент ИА «AKIpress»
Азамат Тынаев, «Азаттык»
Мадина Шералиева, ИА «K-news»
Анна Яловкина, «Vb.kg»

Муратбек Иманалиев обозначил тему Круглого стола и представил спикеров.

Алексей Красин: Так уж в Кыргызстане повелось, что со времен получения суверенитета тема реформирования системы государственного управления и местного самоуправления звучит с высоких трибун чуть ли не повседневно. И вопрос этот настолько

замылен и затаскан в выступлениях, интервью, статьях, передачах и дискуссиях, что очередное выступление готовить очень сложно.

Можно либо открыть эпическое повествование о многолетних административных войнах в стиле «День сурка», когда каждый последующий глава правительства с энтузиазмом и ликованием оповещает зрителя о новом начале реформ, которые почти успел закончить его бездарный предшественник, либо впасть в нудную псевдонаучную экспертизу все того же административного безумия, но с точки зрения внешнего и безответственного «аналитика», для которого чем длиннее процесс, тем больше сопутствующая ему цепочка гонораров.

Постараюсь удержаться и от того, и от другого, и остаться в пространстве «гражданской экспертизы» – от пользы и надобностей Кыргызстана и Гражданина, а не Политика, Правительства и сервисных квази-экспертов.

Итак, что мы имеем с точки зрения «профессионального гражданина», понимающего нормативные и политические тексты.

Система управления Государством делится на три основные, определенные нормами сферы:

1. Политическое управление страной в целом: Конституционное устройство, взаимоотношения между ветвями власти – Президент – ЖК – Правительство – местное самоуправление (кенеш).
2. Управление отраслями экономики: министерства, ведомства и их регулятивные функции в отношении субъектов экономики.

3. Административно-территориальное управление: регионы, представители правительства, государственные администрации, исполнительные органы МСУ.

Первая сфера задает границы зон полномочий и ответственности, распределение между ними ресурсов и политического влияния (назначения, подотчетность, взаимодействия и структурная организация).

К этой сфере вроде бы не должно быть особых вопросов – в новой редакции Конституции сделана попытка заморозить производство последующих ее редакций. Однако к концу 2013 года стало понятно, что всех имеющихся в стране проблем с системой управления новый подход (парламентский тип политического устройства) пока не решил. И пока не понятно, решит ли в будущем. Но сегодня мы видим, что за декорациями партийных баталий важные управленческие решения принимаются все-таки иным, более привычным для Кыргызстана способом.

И здесь самый большой риск и проблематизация для «партии Власти». В стране, имеющей массово сверхполитизированное население, тонкий слой отечественных микроолигархов, безответственный политический истеблишмент, во многом декоративные политические партии, возможно ли создание ответственной, не коррумпированной и чувствительной к нуждам граждан политической системы управления?

Ясно, что существующая система принятия политических решений, во многом работающая на стыке недоразвитого социализма и дремучего феодализма, не годится для решения задач, которые ставит перед Кыргызстаном объективная реальность.

И это отражается на второй сфере – там, где отрасли экономики и социальная структура общества.

В этой, второй сфере система управления преимущественно все еще устроена под «советскую» экономическую модель. В ней существует целый ряд министерств и ведомств, у которых отсутствуют предмет и объекты управления. Есть «отраслевые» министерства и ведомства, у которых попросту отсутствует либо еле просвечивает сама по себе «отрасль» как сегмент возможностей государственного управления.

Тем не менее, Государство, не имея действенных возможностей воздействия на ситуацию, реальных инструментов управления, берет ответственность за происходящее в этих «отраслях» на себя. Здесь и энергетика, и сельское хозяйство, и молодежь, и миграция, и транспорт, и коммунальное хозяйство, и социальное развитие, и местное самоуправление.

При скрупулезном функциональном анализе можно проявить, по предварительной экспертной оценке, до 40% предметов управления, и до 70% функций управления, либо избыточных и неэффективных, либо попросту «виртуальных», существующих лишь в форме бюджетной строки и единиц в штатном расписании. Возможно, не только создающих совершенно не нужную нагрузку на госбюджет, но зачастую и просто вредных для Гражданина и Государства.

В таком бездарном проектировании государственного управления кроются причины наиболее болезненных проблем Кыргызстана – в первую очередь коррупции, связанной с избыточной ролью чиновника и его дискреционными полномочиями. Чаще всего

система управления не помогает, а препятствует развитию страны, создавая многочисленные искусственные барьеры для предпринимательских инициатив.

С другой стороны, она не справляется с функциями государственного контроля и регулирования в тех зонах, где Гражданин совершенно правомерно рассчитывает на защиту Государства. Примером являются многочисленные конфликты частных проектов развития с местными сообществами в сферах градостроительства, туризма, разработки полезных ископаемых, транспортной системы.

И самое главное – и в структуре управления, и в форматах, инструментарии и предметности государственного управления современного Кыргызстана, отсутствует многое, крайне необходимое сегодня для обеспечения его безопасности и развития.

Очевидно, что существующая в стране государственная система управления совершенно непригодна и для тех задач, которые поставлены в Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики – даже при всей, на мой взгляд, осторожности и недостаточной амбициозности этого документа.

В третьей сфере все еще грустнее. Региональное развитие как сфера государственного управления не околтурено и не определчено, внятная концепция управления развитием регионов отсутствует.

Следствием чего является нерегулируемая миграция трудовых

ресурсов, демографические дисбалансы на территориях, перекосы трудовых рынков и провалы инфраструктуры, в первую очередь энергетических, коммунальных и транспортных нагрузок.

Современной модели административно-территориального устройства, адекватного задачам развития Кыргызстана, внешним вызовам и рискам государственности, до сих пор не создано.

Местное самоуправление существует лишь в виде декоративной и преимущественно декларативной модели, большей частью форматы муниципального управления являются продолжением вертикали системы государственного управления. Самоуправление как конституционное право граждан в повседневности местного управления отсутствует.

И что же мы делаем со всем этим накопившимся за четверть века пакетом проблем, рисков и задач системы государственного управления?

Напомню, что предыдущее правительство (премьер – Омурбек Бабанов) работало с декабря 2011 по конец августа 2012 года – меньше календарного года. Действующее (премьер – Жанторо Сатыбалдиев) – работает уже чуть больше, с сентября 2012.

Основным мотивом правительственного сезона 2011-2012 года в сфере государственного управления было повышение эффективности системы путем ее оптимизации, сокращения избыточных функций, управленческих структур и чиновничьего аппарата, и за счет этого – снижения нагрузки на государственный бюджет.

Понятно, что унтер-офицерская вдова сама себя никак высечь не могла. Преимущественно декоративное изменение конфигурации министерств и ведомств не привело к заявленному результату в первую очередь потому, что авторы идеи реформ плохо представляли, чем оптимизация системы управления отличается от банального сокращения штатов.

А во вторую – потому что партийные назначенцы оказались жертвами декоративности партийных моделей государственного строительства и государственного же управления. Вследствие чего у них отсутствовало (и отсутствует по сей день в действующем правительстве) целостное представление о Государственном интересе, нуждах и интересах Граждан и способах их гармоничной реализации в эффективном Государственном управлении.

При смене Правительства и этот корявый импульс как-то потихоньку сошел на нет. В контексте реформирования системы государственного управления об этом Правительстве говорить практически не о чем.

В 2013 году принято нормативных актов в отношении изменений в системе государственного управления:

- ЖК КР – около двух десятков Законов и чуть более ста постановлений;
- Правительство КР – около восьми десятков постановлений;
- Президент КР – всего менее пяти Указов.

Наиболее показательными, естественно, являются постановления Правительства – преимущественно именно ими оформляются все реформаторские шаги в системе государственного управления (был достаточно поверхностно обследован массив из почти 400 постановлений по состоянию на начало декабря 2013 года). К относительно реформаторским (т.е. меняющим структуру, форматы и системные взаимодействия в системе государственного управления и местного самоуправления) из восьми десятков постановлений можно отнести около 50%. Однако с большой натяжкой.

На экспертный взгляд, правительство находится в большом затруднении относительно не только конкретных реформ, но и даже их общих контуров и приоритетных векторов. Цельной концепции кардинального улучшения системы государственного управления и местного самоуправления, соответствующего вышеописанной ситуации проблем, рисков, угроз и горизонтов развития Кыргызстана, не предъявлено.

Правительство работает по привычному методу проб и ошибок, на интуитивном аппарате, в котором аппарат анализа и проектного синтеза практически не присутствует. Движущей силой изменений в системе государственного управления и местного самоуправления сегодня является не целеполагание по реализации какой-то конкретной и разумной картины Будущего, а реакция на проблемы вчерашнего дня, затыкание дыр, образованных многолетним движением системы управления «по инерции», а также постреволюционных коллизий.

Основным акцентом работы кабинета министров как бы стала экономика. «Как бы» – потому что ничего не изменилось в методах работы государственных органов с таким сложно устроенным предметом, как *«рыночная экономика»*. Да еще и на

ландшафте коррупционных связей и аффилированных интересов.

При этом правительство энергично записывает себе в актив экономические достижения [1], к которым имеет весьма сомнительное отношение – было бы хорошо, если бы оно смогло обосновать собственную героическую роль в этом процессе. Пока, увы, эти заявления не вызывают достаточного доверия у наблюдателей.

Интересным моментом изучения постановлений Правительства стало то, что вопросы внесения корректировок в нормативы предельной штатной численности органов государственной власти и местного самоуправления заняли около 20% всего массива постановлений, имеющих отношение к системе управления.

Почти половина из них (восемь постановлений из двадцати) касались внесения изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики «О предельной штатной численности министерств, административных ведомств и иных государственных органов Кыргызской Республики» от 22 августа 2011 года № 473.

Это косвенно подтверждает тезис о том, что для «реформаторов» что сокращение штатов, что их увеличение не отличимы от вопроса «оптимизации» и «повышения эффективности» [2]. К коим на самом деле (опять-таки с большой натяжкой) можно отнести не более пяти постановлений – около 15% от тематических постановлений.

Резюме: существенных изменений в сторону улучшения системы государственного управления в 2013 году не происходило, ее

конфигурация существенно не изменилась, структура, форматы и содержание управления практически не отличаются от традиционно подвергаемых критике. Какие-то небольшие изменения носят не концептуальный, а скорее декоративный либо естественно-административный характер, существенно не влияя на улучшение системы в целом.

В общем-то, вся система государственного управления в административно-территориальной и отраслевой матрице взаимодействия все еще устроена по-советски, под совершенно иные задачи. И содержание управления тоже больше псевдо-социалистическое, на которое насажены квази-капиталистические денежные отношения. Отсюда и безразмерная коррупция, и неадекватное качество госслужбы, и многие другие «прелести» и следствия отвратного управления страной.

Здесь уместен известный афоризм, что страна развивается не благодаря правительству, а, скорее, вопреки ему.

В этом ключе наиболее значимым событием уходящего года в системе управления стала инициатива Президента по борьбе с коррупцией. Из вялотекущего режима эпизодических посадок авторы заявили на горизонт ликвидации коррупционных схем, системных изменений и построения современной антикоррупционной модели государственного управления.

Можно надеяться, что период «застоя» реформ системы управления, в котором Кыргызстан пребывал весь 2013 год, заканчивается стартом новых, кардинальных реформ, непохожих на то, что происходило в этой сфере с 1991 года.

Остается надеяться, что фальстарта не будет.

[1] «Как бы отдельные политики ни критиковали правительство, мы показываем реальный рост экономики», – сообщил сегодня на заседании правительства премьер-министр КР Жанторо Сатыбалдиев.

По его словам, за 9 месяцев экономика выросла на 9,2 процента. В 2012-м было снижение на 6 процентов. «Я хочу ответить критикам. **Члены правительства и местные власти смогли добиться роста.** Без «Кумтора» рост промышленности зафиксирован в 23,5 процента, в строительстве – 21 процент. **Местные власти достигли того, что стали регистрировать число туристов на Иссык-Куле, которое также растет**», – пояснил Жанторо Сатыбалдиев.

Он добавил, что в течение года правительство многое изменило, передало некоторые полномочия. «Если вам этого мало, я еще отдам. Кто не видит нашей работы, многое теряет. Время нас рассудит», – сказал Жанторо Сатыбалдиев. **06/11/13**

[2] Из-за плачевного состояния госбюджета Кыргызстана **в большинстве ведомств грядет сокращение штатов.** В Государственной налоговой службе, например, с 1 января 2014 года сократят 122 штатные единицы, в Гостаможенной службе – 127 единиц, в Социальном фонде – 121 единицу, в Государственной регистрационной службе уже до 1 марта 2013 года должны сократить 30 единиц. **Информация от 21 февраля 2013 года.**

Тамерлан Ибраимов: Сегодня каждого из нас попросили выступить по определенной тематике.

Меня попросили высказать мнение относительно реформ в правовой сфере. Понятно, что невозможно полностью отделить правовую сферу от политической или, скажем, управленческой, но я попытаюсь по возможности не выходить за пределы заданного вопроса.

Судебная реформа

Прежде всего, хотелось бы остановиться на судебной реформе. Сразу оговорюсь, судебная реформа началась не в 2013 году, предполагается, что она началась после того, как была принята новая Конституция, то есть она продолжается уже практически третий год. К сожалению, в 2013 году судебная реформа так и не закончилась, и пока говорить о ее окончании рано.

На что делалась ставка при проведении судебной реформы? Первое – это относительно новая конфигурация судов, Конституционная палата стала частью Верховного суда и при этом получила определенную самостоятельность.

Основной целью было создание новой системы отбора судей, где произошли институциональные изменения. Был создан новый институт – Совет по отбору судей. Президент и парламент также участвовали в процессе отбора судей.

Как Совет по отбору судей работал в 2013 году, мы все прекрасно знаем, наблюдали за перипетиями вокруг этого органа. Периодически возникали скандалы, было очень много обвинений в сторону Совета по отбору судей, что он работает непрозрачно,

используются определенные коррупционные схемы при отборе судей, через него отстаиваются клановые интересы, осуществляется давление или влияние на членов данного органа.

Однако в большинстве своем эти обвинения не находили подтверждения, хотя было и наоборот. Например, президент летом вернул материалы по отобранным судьям обратно в вышеупомянутый совет, тем самым подтвердив обоснованность критики в отношении Совета по отбору судей.

И буквально на днях мы стали свидетелями того, как теперь уже члены Совета по отбору судей выступили с жесткой критикой в отношении депутатов, обвиняя их в том, что они, используя свое служебное положение, пытаются оказывать давление на Совет, протаскивают своих родственников, знакомых, приближенных к ним людей. Не видя каких-то ответных шагов со стороны Совета по отбору судей, депутаты пытаются создавать всякого рода препятствия, в частности, вносить изменения в Закон «О Совете по отбору судей КР».

На основании этого можно сказать, что пока новый механизм по формированию судейского корпуса испытывает серьезные трудности. К сожалению, новый институт пока еще не вписался в систему, и сама система дает существенные сбои. В чем причина, сказать сложно, может быть, сама система перемалывает новый институт, может быть, люди, работающие в этом Совете, и люди, которые пытаются оказывать на них давление, работают по-старому. Скорее всего, здесь присутствует целый комплекс факторов, но пока изменения институционального характера не принесли желаемого результата.

Что касается работы самих судов, то здесь существенных изменений не произошло, за исключением участвовавших увольнений и возбуждения уголовных дел, различного рода фактов, говорящих о неблагоприятном поведении самих судей. Общественное негативное

мнение в отношении судебной системы и конкретных судей является уже устоявшимся. То есть все априори подразумевают, что судебная система коррумпирована, непрозрачна, что, несмотря на все изменения, которые были заявлены, судебная система, по большому счету, не претерпела больших изменений.

Конституционная палата, наконец, начала свою работу в этом году, но делать какие-то, даже самые первые выводы о ее деятельности рано, просто потому что пока нет результатов ее деятельности. Мы знаем, что Конституционная палата сформирована, что есть поданные судебные иски, вероятнее всего, они подготавливаются для рассмотрения, но результатов пока мы не знаем. Очень сложно говорить о том, каким образом этот орган себя проявит, станет ли он действительно тем органом, который будет стоять на страже Конституции, или появятся сложности, с которыми, к сожалению, мы сталкиваемся в работе любых государственных органов.

В целом, для того чтобы оценить, насколько эффективной была продолжающаяся в 2013 г. реформа судебной системы, нужно ответить всего на один вопрос – считает ли общество, что суды стали лучше и прозрачнее работать?

Не ошибусь, если скажу – нет. К сожалению, в опросах, с которыми я был ознакомлен, превалирует мнение о том, что судебная система в 2013 году практически не изменилась.

Понятно, что оценка реформ, особенно в такой сложной сфере, как судебно-правовая, не может быть однозначной, поскольку многие вещи могут быть скрыты от глаз, проходить тихо, подспудно. Здесь важно знать и понимать детали этого процесса.

Однако все-таки самым важным критерием оценки является общественное мнение.

Вообще, судебной системе либо доверяют, если она считается справедливой и компетентной, либо нет. Например, судебная система Англии тоже подвергается многочисленной критике, но большая часть населения все же считает ее справедливой и доверяет ей. Мнение граждан Кыргызстана относительно судебной системы Кыргызстана в 2013 г. не изменилось. Отсюда вывод – судебная реформа у нас пока еще далека от своего завершения.

Реформа правоохранительных органов

Что касается реформы правоохранительных органов, то, прежде всего, необходимо говорить о реформе МВД.

Если в судебной системе предпринимались хоть какие-то системные шаги, есть какой-то план действий, который, к сожалению, не всегда осуществляется вследствие различного рода причин, то в реформе правоохранительных органов таких шагов практически не было. Было очень много разговоров о необходимости реформ, по поводу того, что так дальше продолжаться не может, что милиция уже достигла дна, коррумпированность, непрозрачность, непрофессионализм работы милиции уже просто стали «притчей во языцех». Тем не менее, до принятия конкретного плана действий и начала его осуществления дело так и не дошло.

Министры и депутаты говорят о том, что сейчас есть какие-то планы, проекты по реформированию милиции. Но я пока не видел

конкретного, утвержденного плана по реформированию МВД, я не видел людей, которые говорят о том, что точно знают, как это все сделать, я не видел команды, которая готова это осуществлять.

Главный аргумент тех, кто оправдывает затяжку реформы МВД, – нет денег.

Второй причиной является отсутствие консенсуса о том, как реформировать данную сферу. Кто-то предлагает полностью перенять опыт Грузии, есть и те, кто считает, что реформировать особенно ничего и не нужно, а надо просто навести порядок и провести «косметический ремонт» системы. Есть другие предложения, но, тем не менее, консенсуса по поводу того, как это все делать, нет. Также не принято волевого решения, когда по столу стукнули кулаком и сказали, что именно так необходимо все делать.

Между тем, реформа, именно реформа МВД, а не «косметический ремонт» – это самый первый шаг, который необходимо сделать в реформировании системы государственного управления и борьбе с коррупцией.

Логика простая – невозможно бороться с преступностью и правонарушениями, если сама правоохранительная система пронизана коррупцией и непрофессионализмом. Государство для того и создается, чтобы издавать законы и обеспечивать их выполнение. Нет эффективного инструмента для обеспечения соблюдения законов – нет эффективного государства.

Мы сегодня говорим о том, что наше государство погрязло в коррупции, что оно абсолютно неэффективно, что оно не пользуется доверием, популярностью у народа. А что является одним из главных инструментов обеспечения законности? Это, конечно, суды и правоохранительная система.

Правоохранительная система на сегодняшний день находится в абсолютном загоне. Правоохранительная система – это то, с чем сталкивается гражданин страны практически каждый день. А теперь попробуем задать вопрос, который уже задавали ранее. Считает ли общество милицию чистой, справедливой и компетентной? Ответ, к сожалению, опять очевиден. И это не просто ощущения граждан. Это призма, через которую люди оценивают работу всего аппарата государственного управления.

Для того чтобы провести реформы государственных органов, государственного управления, нужно прежде всего реформировать правоохранительную систему. Этого не происходит. Это в том числе отражается на том, как мы осуществляем нашу антикоррупционную реформу, о которой я буду чуть позже говорить.

Скажем, почему очень многие, несмотря на то, что есть существенные положительные сдвиги, все-таки сомневаются в том, что антикоррупционная реформа – это «по-настоящему и надолго». Просто потому что, слыша и видя определенные положительные сдвиги, на улице, дома, на работе мы сталкиваемся с другими фактами. Гаишники, к сожалению, как брали взятки, так и берут, милиционеры, следователи, прокуроры как осуществляли какое-то незаконное давление, запугивание, пытки и так далее, так они это по-прежнему делают.

Если гаишник продолжает брать взятки, если следователь вымогает деньги, если прокурор делает то же самое, что гражданин думает о государстве в целом?

Я не хочу сказать, что все милиционеры и прокуроры такие. Но общественное мнение в отношении них не изменилось, а значит, реальных перемен не произошло. Вот если гаишники перестанут брать взятки, все, в любой точке страны, то граждане однозначно согласятся – реформы, наконец, начались. Пока же мы не можем этого сказать.

Кстати, понимая сложность проведения реформ сразу по нескольким направлениям, их можно начать именно с ГАИ. Отработать систему набора и подготовки кадров. Опробовать систему жесткого антикоррупционного контроля за действиями инспекторов. Запустить систему достойной оплаты за работу и обеспечения социального пакета.

Это даст двойной эффект – позволит отработать систему перед применением в больших масштабах во всей системе госуправления и одновременно за короткий срок покажет общественности реальные реформы.

Антикоррупционная реформа

Пожалуй, самые заметные сдвиги произошли в антикоррупционной сфере. Громкие уголовные дела, расследования и арест влиятельных людей – все это моментально отозвалось в обществе большим эмоциональным подъемом. Правда, для одних этот подъем означал восхождение на пик протестной активности, а для других

– ощущение наконец-то появляющейся справедливости. Тех, кто считает, что уголовные дела заводятся справедливо, большинство. Они не так крикливы и заметны, но их подавляющее большинство, а следовательно, оценка реформ в этой части выглядит положительной.

Однако следует сразу оговориться, что только лишь арестами и сроками антикоррупционную реформу не провести. Как это банально ни звучит, но нужны системные изменения. Системные – это когда, наконец, заработает механизм проверки деклараций о доходах, имуществе и обязательствах государственного служащего, а также деклараций о доходах его близких родственников; когда государственные служащие, искажающие информацию о своих доходах и расходах, будут получать реальные сроки.

Самое интересное, что этот механизм, в принципе, прописан в нашем законодательстве. Но почему-то законодательство не применяется, почему-то находятся какие-то отговорки, препятствия тому, чтобы этот механизм заработал. А я считаю, что система проверки декларации могла бы стать существенным, системным шагом на пути создания антикоррупционного поведения государственных служащих.

Системные изменения, значит, станет работающей статья 308-1 Уголовного кодекса «Незаконное обогащение», которая была введена в 2012 году по рекомендации международных документов, в частности, Конвенции ООН против коррупции, но до сих пор эта статья мертвая. Благодаря данной статье на основе детальной проверки доходов госчиновников государство будет строго карать тех, кто не сможет объяснить происхождение своего богатства.

Я думаю, что если бы у нас заработала система проверки декларации о доходах, имуществе и обязательствах государственного служащего, а также его близких родственников и на основании этого выявлялась бы искаженная информация, то те люди, которые нарушали законодательство, могли бы привлекаться по уголовной статье «Незаконное обогащение». Это стало бы серьезным системным шагом на пути создания того механизма, который бы не позволял в отдаленной перспективе государственным служащим нарушать законодательство.

Очень системно звучит посыл президента – «хочешь быть богатым – иди в бизнес». Обеими руками поддерживаю его. Но чтобы этот призыв осуществился, нужно ответить на вопрос – а зачем тогда человеку идти на госслужбу? В развитых странах на этот вопрос отвечают просто – за стабильностью, относительно высокой зарплатой, высокой пенсией и престижем.

Мы, в Кыргызстане, тоже должны создать определенные условия для того, чтобы на государственную службу шли хорошо образованные люди, у них должны быть определенные стимулы там работать.

Жесткий контроль и наказание за коррупцию могут быть эффективными только вкупе с созданными достойными условиями для честной работы. Создание достойных условий и одновременно жесткого контроля за работой – это системные шаги.

Осуществление такого рода системных шагов просто необходимо для того, чтобы подкрепить тот эмоциональный подъем, который существует на сегодняшний день в обществе. Всем понятно, что это связано с тем, что наконец-таки высокопоставленных людей

стали привлекать к уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Для того чтобы люди поверили в реальность антикоррупционной политики, нужны конкретные изменения на улице, на работе, в сфере бизнеса.

Если время от времени будут сажать какого-нибудь депутата или министра, но при этом гаишники по-прежнему будут брать взятки, то каково будет мнение граждан относительно коррупции в стране? Что мы будем думать об антикоррупционных реформах, если в вузах будут по-прежнему «разводить» сессии, а судьи – решать дела за мзду?

Без этого все громкие дела быстро забудутся или приобретут характер занимательных историй, когда люди с интересом будут пересчитывать количество домов и машин очередного коррупционера, но потом вновь возвращаться в каждодневную реальность с вороватыми чиновниками.

Еще одним важным фактором борьбы с коррупцией является ее непредвзятость. Принцип: «своим – все, врагам – закон» абсолютно неприемлем в наших условиях. Мы видим, что общественность, граждане страны постоянно требуют того, чтобы антикоррупционная политика осуществлялась объективно в отношении всех государственных чиновников, вне зависимости от политического пристрастия. Очевидно, что президент понимает это. По крайней мере, уголовное дело, возбужденное против И. Омуркулова, говорит об этом. Хочется надеяться, что этот принцип будет осуществляться и в отношении других чиновников независимо от их политической позиции.

Недопущение конфликта интересов – важная составляющая антикоррупционной реформы. Очень странно слышать невнятные оправдания высокопоставленных чиновников, когда аффилированные с ними фирмы легко выигрывают тендер за тендером. Все прекрасно понимают, что конфликт интересов здесь налицо, и если даже это не прописано в законодательстве, то существуют определенные нормы морального поведения чиновника. Антикоррупционное поведение должно стать нормой в нашем обществе, потому что без этого говорить о том, то антикоррупционная реформа достигнет каких-то результатов, просто не приходится.

Правовая культура

Мы говорим о том, что у нас очень низкая правовая культура, что наш менталитет таков, что мы не можем поменять свое поведение за относительно короткий срок – за год, два, три, это просто невозможно. Вопреки распространенному мнению о том, что правовая культура меняется очень медленно, есть пример стран, где успешно противостоят коррупции, и это говорит нам об обратном. Если чиновник знает, что вероятность его поимки за коррупцию высока, его поведение быстро изменится. Если чиновник знает, что есть, что терять в случае нарушения закона, его поведение станет другим. Если простой гражданин увидит реальные изменения в государстве, он сам поменяется. Поведенческие стереотипы, а в данном случае я говорю об антикоррупционном поведении, могут относительно быстро стать реалиями нашей жизни.

С правовой культурой связан и другой вопрос. То, что сейчас происходит на фоне антикоррупционной кампании, является еще и борьбой двух разнонаправленных векторов: один – за централизованное эффективное государство, другой – за удельные

княжества средневекового типа на территории Кыргызстана.

С борьбой за демократию это не имеет ничего общего. Либо государство заставит всех выполнять закон, либо страна свалится в яму бесконечных окол властных разборок. Пойти на поводу групп людей, защищающих свои клановые интересы, значит поставить крест на построении у нас современного централизованного государства. В этом контексте президента Атамбаева должна быть одобрена как крайне необходимая для решимости поддержания управляемости и дальнейшего развития страны.

Объективно, для страны очень важна победа центральной власти, потому что при другом раскладе проиграют все. Даже региональные лидеры, если они временно одержат победу, очень быстро окажутся под огнем нападков уже следующих претендентов на власть, поскольку удержать ее длительное время они не в состоянии. Достаточно взглянуть на некоторые африканские страны, например, Центральную-Африканскую Республику, чтобы понять, к чему это приведет.

Поэтому, как и в прошлые годы, в 2013, равно как и в 2014 году, одним из ключевых моментов был и будет вопрос об эффективности центральной власти. А для того, чтобы центральная власть была успешной, ей, как воздух, необходимы реальные реформы. Реформы в правовой сфере здесь являются приоритетными.

Прошло уже три года с момента избрания парламента. Прошло два года с момента избрания президента. Положительные изменения в обществе есть, но есть много и негативного. Пока еще сложно

сказать, что будет определяющим в оценке нынешней власти – смогла ли она осуществить заявленные ранее реформы или нет. Но хочется оставаться оптимистом.

Эльмира Ногойбаева: 2013 год был достаточно динамичным. В 2012 году изменились некоторые, в том числе и идеологические, позиции главных игроков, соотносимых с нашим регионом.

Российская Федерация – это защита региональной безопасности. Главная идеологема, которой данная страна придерживается, – это наше общее прошлое, настоящее и наше возможное общее будущее – Таможенный союз.

Китай – это финансирование проектов в области инфраструктуры, добычи углеводородов, коммуникации. Идеологема добрососедства: «Все мы Азия».

Меняющаяся идеологема Соединенных Штатов, когда демократизация и права человека уходят на второй план, а на первое место выходят собственные стратегические интересы и обеспечение пояса безопасности в регионе.

Когда мы размышляем над вопросом о том, произойдет ли конфликт в Центральной Азии, в Кыргызстане в частности, или нет, то мы можем отталкиваться от двух гипотез. Первое, что приходит на ум, это то, что конфликт не произойдет. Для подтверждения данной гипотезы у нас есть следующие аргументы: напряженность на границе существовала всегда – это «кетменные» войны, периодические конфликты из-за земли, воды, неопределенности границ, которые до сих пор не привели к крупномасштабному конфликту. В противовес ситуации 90-х годов в последние пять-семь лет наши границы были разминированы, этот аргумент приводил председатель Государственной пограничной службы Кыргызстана.

Наркомафии конфликт не выгоден, поскольку невыгодно рушить устоявшуюся, налаженную систему транзита, в том числе трансграничную.

Конфликт невыгоден ни одной из стран в Центральной Азии, поскольку все заняты своими внутренними проблемами: борьба с легальной и подпольной оппозицией, удержание власти правящими кланами в связи с приближающейся сменой лидеров.

Российской Федерации невыгоден межгосударственный военный конфликт в СНГ, поскольку он может привести к пересмотру постсоветских границ. Следствие – «эффект домино» для собственных границ как некоторого ареала постсоветского пространства.

Но если мы отойдем от этой гипотезы и подойдем к другой о том, что конфликт все-таки произойдет, то я предлагаю рассмотреть четыре аргумента.

Первый аргумент – это внутренние предпосылки стран региона. Второй аргумент – формирующийся «дискурс безопасности» для региона Центральной Азии и Кыргызстана в частности. Третий аргумент – милитаризация региона. Четвертый аргумент – это меняющийся характер войн. Рассмотрим эти аргументы немного подробнее.

Касательно первого аргумента можно сказать следующее: различная степень ресурсобеспеченности (угле-водородная, водно-энергетическая); различная степень вооруженности, использование различных стратегий безопасности; различные политические режимы, традиции преемственности власти; персонификация режимов; предстоящая смена лидеров, неустойчивость режима; низкая договороспособность лидеров государств Центральной Азии (по сути, не существует ни одного вопроса, по которому выработан консенсус у лидеров стран

Центральной Азии. Это разногласия по воде, отзыв соглашения на передачу Бургандинского массива, риторика заявлений Ислама Каримова о войне); различные приоритеты стран региона (членство в международных организациях, ОДКБ, Таможенный союз, ШОС); различные формирующиеся культурно-гуманитарные среды (язык, алфавит, латиница, кириллица, фарси); участвовавшие пограничные дипломатические инциденты между нашими странами.

Касательно второго аргумента – формирования «дискурса безопасности» – образ подачи региона, в частности, Кыргызстана в политике, культуре и в том числе в академической и экспертной средах. Это то, что подается как некоторая секьюритизация или девелопизация региона.

В этом смысле интересна концепция секьюритизации Барри Бузана копенгагенской школы. Обратите внимание, какие политики в области безопасности проецируются на Центральную Азию и на Кыргызстан в частности. Это политика безопасности или политика мира и развития, которой в большей степени оперирует ОДКБ.

Большинство из этих направлений и концепций разрабатывалось на базе исследовательских центров СССР. Соответственно, они до сих пор опираются на принципы старой-новой холодной войны. Это тот же дискурс, который мы наблюдали в советское время, дискурс противостояния через политику конвергенции, или противостояние двух лагерей.

Я хотела бы привести в пример мнение британского исследователя Ника Мегорана (Nick Solly Megoran) по этому вопросу относительно Центральной Азии. Западная политика, научный сектор, определяют Центральную Азию как темную, неизведанную, этнически и политически беспокойную и непокорную, преимущественно ориенталистскую, и по этим причинам опасную зону. Недостаток знаний о регионе среди так называемых экспертов означает, что квазинаучные исследовательские труды начинают иметь большое значение. Знания образуются толковательным, интерпретативным образом,

это означает, что когда возникают идеи по поводу региона, который ассоциируют с конфликтом, исламизмом, борьбой великих держав и прочим, зачастую трудно заменить ложные знания правдивой информацией, даже когда академическая наука всю эту ложь опровергает.

Понятно, что тенденция подачи региона и Кыргызстана в частности определяется на сегодня в таких характеристиках, как архаизация региона или демонизация страны. Часто используются такие эпитеты, как клановое общество, несостоявшееся государство, государство, неспособное к развитию, зоны перманентного риска и так далее.

Следующий аргумент касается милитаризаций региона. Этот термин почему-то мало используется в самом регионе, но его часто используют зарубежные эксперты относительно центральноазиатских стран и региона в частности. Милитаризация – это усиление роли военного фактора в какой-либо отрасли, деятельности, в повседневной жизни. Здесь можно выделить два уровня. Локальный уровень – большинство приграничных инцидентов в Ферганской долине основано на изъятии оружия, особенно после конфликта 2010 года. В своих полевых исследованиях мои коллеги из центра часто сталкивались с тем, что оружие, особенно в южной части страны, на сегодняшний день совсем не редкость. Очень многие люди вооружаются, вооружаются отдельные группы, автомат Калашникова сегодня стоит от ста долларов и выше.

Государственный уровень – это усиление армии, создание военных баз, приобретение новых видов оружия.

Господин Шойгу озвучил, что в Кыргызстан на поставки вооружения будет направлено 1,1 миллиард долларов, на нужды Вооруженных сил Таджикистана – около 200 миллионов долларов. Узбекистан рассчитывает в 2014 году усилить свой военный

потенциал за счет техники Контингента Международных сил содействия безопасности (International Security Assistance Force – ISAF), возглавляемых НАТО (Организация Североатлантического договора), вывезенной из Афганистана. Таким образом, страны региона постепенно начинают оснащаться разного вида оружием.

Милитаризация Центральной Азии характеризуется следующими основными тенденциями. Крупные державы предпринимают конкретные шаги по сохранению, пролонгации и укреплению существующих, а также созданию новых иностранных военных баз и объектов на территории Центральной Азии. Россия намеревается передать большие партии вооружения, военной техники Кыргызстану и Таджикистану, попутно скупая военно-промышленные предприятия. Происходит институциональное укрепление российского военного присутствия в регионе через механизм ОДКБ, в том числе шаги по легитимизации возможного военного вмешательства во внутренние дела стран Центральной Азии.

В рамках ОДКБ активизируются командно-штабные учения на территории центральноазиатских государств, усиливаются попытки по установлению контроля над внутренними и внешними границами Центральной Азии.

Четвертый аргумент – меняющиеся характеристики войн. На сегодняшний день, если мы рассматриваем инструменты влияния, такие, как «арабская весна», то какие характеристики им соответствуют? Безусловно, это новые технологии, всепроницаемость, динамичность, универсальность распространения и управления, непредсказуемость в будущем.

Выводы. Кыргызстан как часть региона на сегодняшний день имеет предпосылки для конфликта. Формирующийся извне и подхваченный внутри страны «дискурс безопасности» усиливает напряженность на региональном, межгосударственном и страновом уровнях.

Тенденция милитаризации региона может привести к усилению существующих и появлению новых вызовов и угроз безопасности.

Милитаризация региона, стран может нарушить существующий военный баланс и создать обстановку взаимного недоверия между центральноазиатскими государствами. Опасность бесконтрольного распространения получаемого оружия, его попадание в руки отдельных лиц и неформальных групп может дестабилизировать обстановку. Борьба против терроризма, экстремизма и наркотрафика невозможна лишь при помощи военной техники. Эти проблемы необходимо решать путем укрепления потенциала правоохранительных органов, спецслужб, налаживания полноценного межгосударственного сотрудничества, а также обеспечения устойчивого социально-экономического развития, эффективного функционирования всей системы государственной власти.

Милитаризация стран обострит геополитическую борьбу в регионе. Государства региона могут быть вовлечены в конфронтацию между крупными державами, что, в свою очередь, ограничит их самостоятельность во внешней политике и экономическом развитии, усилит их зависимость и уязвимость от политики доминант.

Конфликтогенность региона заложена не столько в локальных противоречиях или внутривнутриполитических режимах стран Центральной Азии, сколько в переформатировании контуров самого региона. Мы становимся свидетелями изменений, как применяемых инструментов, так и самого пространства Центральной Азии. Меняющийся характер войн в мире ставит новые вызовы перед государствами, меняя формат всевозможных противоречий, делая их более зависимыми.

С презентацией вы можете ознакомиться по данной ссылке.

Валентин Богатырев: Осталось две недели до завершения 2013 года, но каковы будут его политические итоги, окончательного ответа сегодня нет. Остаются открытыми несколько хотя и не основных и, на мой взгляд, несущественных, но достаточно интересных для широкой публики вопросов.

Это вопрос об отставке правительства Жантора Сатыбалдиева и вопрос о роспуске Жогорку Кенеша.

Повторю, с точки зрения политических итогов года это вопросы незначительные, и я поясню, почему.

Начну с вопроса о правительстве. Единственным на сегодняшний день позитивным итогом его работы является разработка очередной концепции и программы государственного реформирования, которую презентовали вчера. Это хорошая программа, в том смысле, что она, во-первых, никогда не будет реализована, а во-вторых, ничего существенно не меняет в системе нашей государственной власти.

Я бы не стал ставить в заслугу правительству достижение тех показателей темпов роста экономики, о которых нам говорят. Прежде всего потому, что эти показатели такие ровно потому, что они взяты от низкой базы. А потом, нет никаких указаний на то, что рост формировался в результате усилий правительства. Скорее, наоборот, там, где были усилия правительства, я имею в виду все эти громко анонсированные проекты, там никаких приростов нет. Или, по-другому, росло там, где правительство ничего не делало. Бюджетные же вопросы, все инвестиции в развитие вообще закрываются за счет усилий президента, его договоренностей по внешним грантам и кредитам.

Но отсутствие результатов – еще не повод, чтобы отправлять правительство в отставку. В конце концов, мы и не помним правительства, которое чего-либо существенного достигло.

Проблема в другом: правительство не держит политические удары. Они оказались неспособны снять проблему «Кумтора» несмотря на то, что, в свое время, казалось бы, взяли на себя ее решение. Они оказались неспособны работать с населением никаким иным способом, кроме спецназа. Ну и персонально премьер-министр, в свое время назначенный на эту должность как возможный лидер южных элит, собственно говоря, во многом именно потому и назначенный, оказался неспособным быть таким лидером и решить проблему участия южных элит во власти. Мы и тогда говорили, и сегодня это совершенно понятно, что это было решение, основанное на несостоятельной мотивации.

А вот эта политическая несостоятельность правительства – это уже серьезно. Это вам не налоги выдавливать из фиктивных цифр роста.

Вдобавок ко всему оказалось, что борьба с коррупцией – палка о двух концах. И если правительство до Нового года не снимут, то мы узнаем немало интересного о некоторых его руководителях и министрах.

Поэтому я полагаю, что осталось только два основания, чтобы продолжать еще некоторое время удерживать нынешнее правительство на своем месте: оно должно довести до конца свою «кумторскую» эпопею, и оно должно взять на себя негативы зимы. Ну, может быть, напоследок еще повысить тарифы на энергоносители (электроэнергию и газ) и быстро убежать. Кому-

то же надо сделать эту неблагодарную, но неминуемую работу.

Теперь о шансах Жогорку Кенеша доработать до конца своего конституционного срока полномочий. Уже под занавес года эти шансы могут сократиться ровно в половину.

Есть, как минимум, два сценария, как это может произойти. Оба они связаны с темой «Кумтора», хотя все понимают, что не в «Кумторе» дело вообще. Я веду речь об отставке правительства и ее связи с назначением досрочных выборов Жогорку Кенеша.

Первый сценарий связан с добровольной отставкой правительства и последующим формированием нового. Ситуация в Жогорку Кенеше такова, что при всем желании он сам по себе не сможет сформировать правительство в установленные сроки. А если еще этому помогут, то все легко может закончиться статьей 84, пункт 6 Конституции, которая гласит, что в случае, если Жогорку Кенеш не сможет в течение определенного срока утвердить программу, определить структуру и состав правительства, президенту придется назначить досрочные выборы в Жогорку Кенеш. Это один способ, который только на первый взгляд кажется сложным.

Второй сценарий определяется статьями 85 и 86 Конституции и связан с выражением недоверия правительству. Если таковое произойдет по инициативе Жогорку Кенеша, то его шансы доработать до конца срока сильно сократятся. А в случае, если это произойдет по инициативе самого правительства, то никаких шансов доработать до конца срока у Жогорку Кенеша не будет вообще.

Степень вероятности того и другого сценария определяется только одним – инстинктом политического самосохранения депутатов Жогорку Кенеша.

Я полагаю, что под занавес года нас ждет классический политический театр: шантаж, политический торг, ренегатство и, конечно, введенное в нашу моду Чолпон Джакуповой слово – политическая коррупция.

Может быть, что депутаты решат не портить себе настроение под Новый год и перенесут это шоу на январь, что не меняет существа дела.

Все это, безусловно, очень зрелищные вещи, дающие много информационных поводов. Но они не имеют никакого отношения к политическим итогам года.

Главным политическим итогом года является разрушение старой философии власти, произведенное президентом Алмазбеком Атамбаевым.

О результатах и последствиях этого действия и этого процесса мне кажется важным поговорить сегодня.

Не надо быть политологом, чтобы понимать, что главной проблемой нашего политического развития, а следовательно, и развития страны вообще, является негодная власть.

И дело здесь вовсе не в правовых конструкциях и механизмах, на которые так уповают заслуженные юристы этой страны.

Власть в стране как общественный институт и политическая элита как ее носители не выдержали искусов независимости и свободного рынка. В отсутствие или при крайней слабости контроля общества над властью конкуренция за ресурсы приобрела форму простого присвоения общих национальных богатств теми, кто оказался в это время во власти либо рядом с ней, в ее обслуживании. Быть властью: президентом, депутатом, министром, вообще чиновником и быть вором – стало синонимом. Быть успешным, богатым бизнесменом и пользоваться ресурсами близости к власти либо прямого вхождения в нее – стало нормой, из которой были только редкие исключения.

Это огромная паразитическая конструкция, естественно, не ставила и не могла ставить цели развития страны, а если и ставила, то только в интересах расширения своих возможностей ее грабить. Вот потому мы в течение двадцати лет так и не создали ни своей экономики, ни крепкого благосостояния граждан, ни стабильности, ни безопасности.

Базовым содержанием политики стали не те или иные представления о целях страны, способах их достижения, а борьба кланов и групп за контроль над ресурсами, которые давала власть. Можно абсолютно точно сказать, что именно эти мотивы двигали обе наши революции не в меньшей, если не в большей степени, чем стремление побороть узурпаторов. Среди тех, кто боролся за власть, была значительная доля тех, кто боролся за свою возможность вкусить пирога власти.

И эта структура властных мотиваций определяла и наше правотворчество, и наше партийное строительство, и кадровую политику. Она определяла и политическую норму, формировавшую само содержание политики.

Так вот, итоги года таковы, что некоторая, далеко, конечно, не полная, но очень знаковая часть этих людей, носителей сложившейся у нас философии власти, оказалась под преследованием. Обществу дан совершенно отчетливый сигнал, что не просто необходимы, но начаты изменения, которые должны привести к отстранению от власти вот этой присосавшейся к ней за двадцать лет «илите», к смене элит.

Я абсолютно согласен с теми, кто квалифицирует эти преследования как политические. Но, конечно же, совсем не в том примитивном смысле, который в это вкладывают оппоненты власти. Это, несомненно, зачистка политического пространства, разрушение сложившейся философии, нормативности и конструкции власти.

Мы должны расценивать как позитивный процесс вывод из политического пространства носителей воровской философии власти, политических коррупционеров, бизнесменов от власти.

Мы должны расценивать как позитивный процесс распад всех этих политических акционерных компаний, созданных ради прихода к власти и обогащения за счет нее, которые у нас по какому-то недоразумению называют политическими партиями.

При этом очевидно, что демонтаж сложившейся системы власти

будет сопровождаться различного рода политическими эффектами.

Первый из них мы уже видим: формирование и активное использование в политических целях локальных очагов политических конфликтов. Пока можно отметить два типа таких очагов: противостояние родственников и близких преследуемых в формате общественно чувствительного действия, и спекулирование на ресурсном национализме. Безусловно, это только начало. Будут и другие поводы, и другие форматы сопротивления.

Второй политический эффект — создание новых политических организаций. Они хотя и будут похожи на нынешние политические партии, но будут иметь принципиально иную природу. Нынешние партии формировались под единичную и достаточно простую задачу — попадание в депутаты. Принцип был такой, что кандидаты вносили разовые платежи за место в списке и затем уже действовали в логике личного продвижения в рамках фракций или за счет торга с другими фракциями, с президентом и так далее. Понятно, что такие формирования быстро рассыпались, так как не имели коллективного целеполагания.

Сейчас создаются другие партии. Хотя они тоже формируются в предвыборной логике, но в основе уже другой принцип — не покупки депутатского места, а консолидированные вклады в организацию. Именно так формируются и «Эмгек», и «Бир бол», и к такой системе формирования переходят «Замандаш» и «Улуттар Биримдиги». То есть это более устойчивые группы и уже больше похожие на классические партии. С одной существенной разницей: они, как и нынешние партии, не имеют идеологического каркаса и, в лучшем случае, сформулируют и будут транслировать какую-то электорально привлекательную «картинку», лишенную реальных ценностных опор.

Другой политический эффект – усиление личной роли и ответственности президента за осуществляемое им.

Нельзя не заметить, что президент все больше и больше выступает один против всех. Объявленную борьбу с коррупцией его, казалось бы, политические союзники, включая даже СДПК, либо вообще не поддерживают, либо поддерживают лишь формально. Понятно, почему. Все эти союзники сами попадают в той или иной мере в объект этой борьбы.

Еще можно надеяться, что СДПК произведет оздоровление в своих рядах, хотя с каждым днем таких надежд все меньше. Но с другими пока еще союзниками вопрос гораздо сложнее.

Значит, Алмазбек Атамбаев, если будет последователен в своих действиях, очень быстро превратится во всеобщего врага.

Конечно, если его последние заявления о твердости намерений бороться с коррупцией будут услышаны в народе и в его собственном окружении, он получит реальную общественную поддержку.

Но мы видим, что общество относится к его борьбе с коррупцией с весьма большой степенью недоверия.

Начинают, с одной стороны, возникать эффекты жалости к наказываемым. А с другой, борьба с коррупционерами, и особенно имеющиеся в ней перекосы, уже активно используются для наращивания своего политического капитала различными политическими силами.

Большую опасность представляет принуждение президента к логике досрочных парламентских выборов.

С точки зрения сиюминутной политической целесообразности досрочные выборы очень выгодны для нынешней власти. Сегодня ни одна из партий не готова к их проведению, и сегодня все еще открыты все возможности для использования административного ресурса. Не воспользоваться, не соблазниться этим очень трудно.

Однако надо понимать, что досрочные выборы, укрепив временно позиции президента, будут иметь своим последствием прямо противоположное тому, что президент хочет сделать: они закрепят во власти еще на длительное время нынешнюю элиту и нынешнюю систему политической коррупции. То есть фактически будет произведена модернизация существующей системы.

Другими словами, перед Алмазбеком Атамбаевым стоит сложный выбор: либо поддаться текущей политической выгоде и более или менее спокойно дожить до конца своего срока, либо продолжать то, что он начал, вызывая все больше и больше огонь на себя и усложняя свое политическое существование.

Я думаю, что в ближайшее время мы увидим, какой выбор он сделал.

Но уже сегодня мы не можем не видеть, что 2013 год существенно поменял политическую карту страны и содержание политики. Пока все это больше напоминает руины, которые еще предстоит расчищать. Принципиально важно, на мой взгляд, привести сейчас в политику новый политический класс. По крайней мере, для этого в результате того, что произошло в 2013 году, открылось

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Чинара Сейдакматова: У меня вопрос к экспертам, скорее всего, к Валентину Богатыреву. Как вы думаете, смещение с поста мэра города Оша – это неадекватный поступок со стороны президента или действительно взвешенный политический шаг?

Валентин Богатырев: Я думаю, что смещение мэра города Ош – это неадекватный поступок со стороны мэра города Оша.

Бермет Маликова: У меня вопрос к Тамерлану Ибраимову. Вы говорили о правовой реформе. Хотелось бы, чтобы вы высказались по поводу влияния криминала на власть и на правоохранительные органы.

Тамерлан Ибраимов: Это как раз имеет прямое отношение к реформе правоохранительных органов. Для меня всегда очень странно слышать, когда министр, представители высшего руководства МВД занимаются констатацией фактов и говорят о том, что на сегодняшний день криминал имеет настолько большое влияние на государственные органы, что мы все становимся свидетелями сращивания криминала с правоохранительными органами. Это мы прекрасно знаем, не нужно быть экспертом, чтобы это увидеть.

Меня больше интересует то, что делается в отношении того, чтобы эти вещи у нас в стране не происходили. Что делается для того, чтобы система МВД, прокуратура, другие структуры правоохранительных органов перестали взаимодействовать с криминалом.

Когда пришла новая власть в 2010 году, то один из главных лозунгов заключался в том, что они дадут решительный бой

организованной преступности. Были победные репортажи о том, что организованная преступность, наконец, побеждена, воры в законе находятся или в тюрьме, или за границей.

Сегодня мы опять читаем информацию о том, что три-четыре преступные группировки занимаются переделом пространства в Кыргызстане. Правоохранительные органы просто расписываются в собственном бессилии, они говорят о том, что не в состоянии сформировать план для того, чтобы противостоять этим действиям, и что на сегодняшний день реформа МВД продолжает оставаться одним из главных приоритетов реформы государственной власти.

Акбар Тагаев: Вопрос к Валентину Богатыреву. В своем выступлении вы заметили, что ситуация с Кельдибековым может плохо отразиться на карьере Мырзакматова. Не могли бы вы прояснить, что вы имели в виду?

Валентин Богатырев: Не ситуация с Кельдибековым, а то обстоятельство, что Мырзакматов почему-то решил использовать тему Кельдибекова для собственного политического демарша. На мой взгляд, это было его политической ошибкой, если не сказать больше. Нет никакой логики в том, что один политик, пытаясь заработать себе политические очки, защищает другого, тем более, когда речь идет о таких фигурах, как Мырзакматов и Кельдибеков, между которыми есть явная конкуренция за лидерство на юге.

Мне кажется, что это был не очень продуманный шаг со стороны Мырзакматова. Он мог бы вынести на обсуждение какую-нибудь свою повестку дня, он же неслучайно вышел на площадь, к тому времени там сложилась достаточно сложная ситуация. Как я понимаю, в результате мер давления, которые были оказаны на него в ходе подготовки к выборам, у него просто не выдержали нервы. Он мог сказать, что, в конце концов, городу Ошу ничего

не дают, его обижают, депутата за два дня осудили и так далее. Он мог сказать это. Но вместо этого он начинает вдруг говорить про Кельдибекова. Это совершенно непонятная вещь.

В этом смысле, я считаю, что это было большой ошибкой. Вы помните, что президент отреагировал моментально и сказал, что нельзя выступать в защиту человека, который воровал деньги у наших детей и стариков.

Чинара Сейдакматова: У меня уточняющий вопрос, поскольку все равно ваш ответ меня не удовлетворил. Хорошо, Мырзакматов совершил политическую ошибку. Но ведь он фигура достаточно серьезная, можно сказать, это новый образ среди южных политиков.

Причем такой образ, который на севере не сформировался. Насколько будут серьезны последствия такого политического шага? Увольнение Мырзакматова – это действительно серьезный политический шаг и, на мой взгляд, со стороны президента ошибочный. Будут ли тяжелые последствия данного решения, как вы думаете?

Валентин Богатырев: Как только Мырзакматов сделал то, что он сделал, то есть организовал этот митинг и вышел на него, моментально к нему сбежались все бывшие южные политические лидеры, уходящая южная политическая элита, и попытались сделать из него флаг южного сопротивления. Некоторые безумцы, не буду называть фамилии, начали вновь говорить о Южной Кыргызской Республике и делить посты.

Я немного знаю Мырзакматова и понимаю, что он на такое не пойдет. При всей его молодой горячности он, тем не менее, достаточно разумный человек. Он не пойдет на то, чтобы сейчас стать руководителем этого сепаратистского движения.

Мы с вами хорошо знаем, что такое наша страна вообще и юг в частности. Пока ты мэр, тебя все любят, пока ты начальник, к тебе все относятся с уважением. Как только ты перестал им быть, тебя могут забыть за пять минут. Если выборы мэра произойдут в ближайшее время, Мырзакматов может победить, но если через два месяца, его шансы резко уменьшатся.

Там же тоже непростая ситуация. Это только отсюда кажется, что Мырзакматов – «солнышко ясное». Но ведь там подспудно идет жесткая борьба за контроль над ресурсами, которые там существуют, – это и Ош, и Карасуйский рынок. Там есть очень много людей, которые хотели бы, чтобы Мелис Мырзакматов больше не участвовал в этом. Представители южной элиты слетаются, начинают передел криминальные структуры.

И чем закончится вся эта борьба? Я не уверен, что она закончится победой Мырзакматова. Именно по той причине не уверен, что он не мэр, он лишен сейчас административного ресурса. Мэр Мырзакматов, еще раз повторю, уважаем, любим, Мырзакматов – рядовой политик, это совсем другое. Мы это быстро почувствовали.

Адилет Балтабаев: Тамерлан Ибраимов подметил важность проведения реформ в системе правоохранительных органов. Недавно был образован Отдел по противодействию преступлениям против общественной нравственности ГУУР МВД КР. Как вы считаете, насколько это необходимо и повлияет ли это в целом на реформы в МВД?

У нас в стране произошли две революции, что мы можем сделать для того, чтобы произошла именно нравственная, культурно-правовая революция?

Тамерлан Ибраимов: Вы имеете в виду созданную «полицию нравов», которая ходит по саунам и выявляет притоны? По

большому счету, конечно, нужно думать о нравственности, о том, как мы воспитываем молодежь. Но на фоне того, что существует негативное отношение к милиции, на фоне того, что, как правило, в 99 случаях из 100 такого рода проверки приводят к переделу собственности, то ясно, что в подобных структурах нет необходимости.

Я очень сомневаюсь, что создание подобного рода отдела приведет к тому, что у нас ситуация с нравственностью изменится в лучшую сторону. Поскольку мы сомневаемся в результатах такой деятельности, то у меня вызывает большие сомнения вообще целесообразность осуществления такой работы. Непонятно, к чему это приведет, какие будут изменения.

Относительно нравственности и морали в обществе я абсолютно с вами согласен, просто нужны другие инструменты для этого, и, прежде всего, должна быть честность со стороны власти, потому что когда ты создаешь определенные инструменты, но при этом нацелен на другие результаты такие, как передел собственности, то все получится так, что хотели, как лучше, а получили, как всегда.

Алексей Красин: На мой взгляд, нравственность появляется не в органах внутренних дел. И ожидать того, что из такой конфигурации: милиция – сауны – нравственность вырастет какой-то новый концепт нравственности в Кыргызстане, на мой взгляд, наивно.

Элианора Сыдыкова: Вопрос к Муратбеку Иманалиеву. Как вы оцениваете работу президента за два года? Второй вопрос ко всем политологам, находящимся здесь. В последнее время у нас происходит много митингов: в Оше, на Иссык-Куле. Какие могут быть пути выхода из этой ситуации, как призвать народ к стабильности? Может быть, необходимо что-то подсказать власти?

Эльмира Ногойбаева: Мне кажется, что все четыре спикера сегодня говорили о каком-то одном нормативном поле, где действия были бы предсказуемы, как властные, так и гражданские, общественные. Если говорить про мое выступление, то может быть улучшить ситуацию можно посредством принятия международной нормы.

Валентин Богатырев: Я не могу коротко ответить на этот вопрос. Вы задаете вопрос, за которым кроются очень сложные проблемы. Естественно, ответить в двух словах невозможно.

Эльмира Ногойбаева попыталась и правильно сказала, что надо вводить другую нормативность в стране. Надо менять политическую нормативность, нравственную нормативность. Но это очень сложный процесс, который зависит от ряда факторов.

Чинара Сейдакматова: Вопрос к Валентину Богатыреву. Скажите, пожалуйста, вы наблюдаете в нашем экспертном пространстве какую-нибудь группу, которая бы всерьез задумывалась над формированием нового государственного конструкта?

Валентин Богатырев: Здесь сидят люди, очень много людей, которые всерьез об этом задумываются, есть много людей, которые работают над этим. Но, к сожалению, если говорить об экспертном пространстве, многие наработки, которые готовятся экспертами, просто не востребованы, они не используются властью.

Я, например, для себя вижу выход в том, что надо с детства политикам и государственным чиновникам, деятелям в головы загружать определенную информацию, необходимо заниматься инсталляцией. Надо определить в детстве, кто будет политиком, а это легко делается, и всем им делать прививки. Очень трудно работать с людьми, они сидят в других мотивационных пространствах, они не хотят проводить реформы, менять

административно-территориальное деление страны. Поэтому надо либо их заставлять, либо их менять.

Махабат Уракова: Почти все спикеры коснулись темы коррупции. Тамерлан Ибраимов сказал, что последние события, которые происходят в этой сфере, обнадеживают общество. Я хотела бы спросить, насколько эта вера оправдана? Насколько борьба с коррупцией у нас настоящая и долгосрочная?

Тамерлан Ибраимов: Я уже говорил в конце своего выступления, что мне хотелось бы быть оптимистом. Но я также сказал, что в нас вселяют надежду уголовные дела против очень влиятельных, высокопоставленных чиновников. Но должна быть системность. Совет обороны проводил совещание, они создали рабочую группу, которая работает над тем, чтобы проводить системные изменения во всех сферах.

Вроде бы шаг сделан, но пока я не видел какого-то конкретного плана, как эта идея будет осуществляться, я не видел каких-то конкретных шагов, поэтому очень сложно говорить, что это на самом деле приведет к успеху. Но хочется на это надеяться.

Это банальные вещи, но их все время нужно повторять. Для того чтобы антикоррупционные реформы осуществились, нужна твердая политическая воля президента, которая включает, в том числе, и честность по отношению к самому себе. Потому что если ты борешься с коррупционерами, ты должен говорить, что люди, которые находятся в твоём окружении, тоже подвержены всяким порокам, и их тоже нужно привлекать к ответственности, если они нарушили закон. Это первое.

Второе. Конечно, нужна команда, которая должна выработать четкий план осуществления этих системных реформ. Если этого нет, то это все выльется в эмоциональную кампанию, которая через полгода нам просто надоест.

Третье. Конечно, нужны люди, которые должны реализовывать эти системные изменения. Здесь сидят люди, которые общаются с депутатами, министрами, в том числе и с президентом. Я не знаю, видят ли они эту команду, этих людей, которые могут провести эти реформы, или нет? Я знаю, что в стране эти люди есть, но привлекают ли их к этой работе, заняты ли они какой-то работой, планируют ли какие-то вещи, будут ли участвовать в осуществлении этих планов? Это большой вопрос для меня.

Муратбек Иманалиев: Я хочу добавить кое-что относительно этого вопроса, потому что меня, как и всех моих сограждан, соотечественников, конечно, волнует вопрос коррупции. Я хочу сказать, что проблема коррупции – это проблема глобальная. Объяснить, почему, наверное, не так сложно.

Вы знаете, очень серьезно с коррупцией борются наши соседи. В России объявлены и проводятся целые кампании, в Китае новый председатель начал свою политическую деятельность, объявив о борьбе с коррупцией.

Но я хочу сказать следующее. Борьба с коррупцией подспудно, в завуалированной форме имеет определенные политические подоплеки. Какие это подоплеки, нужно либо пытаться разгадывать, либо надо просто знать. Но лучше не знать, потому что это очень опасно. Естественно, конечно, борьба с коррупцией везде ведется по-разному, но ученые говорят о том, что, прежде всего, это проблема коррумпированности мышления, или криминализации мышления, если говорить прямо.

То есть речь идет о том, что коррумпированным мышлением обладает не просто какая-то группа людей или социальный страт, какая-то прослойка людей, а это болезнь или вирус, который поражает все общество. Поэтому, когда люди говорят о том, что они против коррупции, они будут с ней бороться, пока не ясны искомые результаты, непонятно вообще, с чем они

пытаются бороться. Либо они борются за место, для того чтобы занять его и заняться этим делом, либо они искренне это делает.

Это оказалось очень сложной проблемой, и не только у нас. Об этом можно много говорить, но я хотел бы привлечь внимание присутствующих здесь к тому, что наиболее важной проблемой в борьбе с коррупцией все-таки является не сама механика, не сами субъекты, которые привлечены, не группы людей. Речь идет о совокупности неких ментальных подвижек. Это очень важно. Тут говорили про сауны и нравственность. Как бы это смешно ни было, но это очень важно.

Сейчас позвольте мне от имени Института общественной политики поблагодарить, прежде всего, наших спикеров за их интересные сообщения. На самом деле, это информация, которая дает нам определенную пищу для размышлений, для поиска путей решения каких-то весьма важных проблем.

Хотел бы поблагодарить всех, кто сегодня откликнулся на наше приглашение, тех, кто задавали вопросы, в числе которых я вижу своих старых друзей, которые действительно искренне болеют за нашу страну, хотят и желают ей лучшего. Я думаю, что совместными усилиями, в том числе и обсуждая такие проблемы, мы сможем все-таки найти какой-то наиболее оптимальный, наиболее верный путь нашей с вами страны.

Я хочу сказать, что наша с вами страна не эксклюзивна по всем тем параметрам, которые мы сегодня пытались обозначить. В общем, если говорить о фактурной стороне, то таких стран, наверное, будет свыше ста на этой планете. Они сталкиваются с теми же весьма непростыми проблемами, которые встают сегодня перед нами и в том числе с точки зрения возможности и крепости государственного управления, формирования правовых и иных систем и механизмов, с точки зрения вопросов и

безопасности и, разумеется, текущей политики, и возможности решения тех или иных проблем.

Для меня лично вопрос итогов политического года не формулируется в рамках неких фактов либо очевидных или не очевидных достижений. Меня больше всего интересует сама логика развития политической, экономической, гуманитарной и, может быть, в первую очередь, мыслительной систем и возможностей, которые существуют в нашей с вами стране.

Это мой первый год в Кыргызстане после длительного отсутствия, и хочу сказать, что в течение этого года я заметил усилия президента, и если так можно выразиться, его команды все-таки попытаться выстроить некое политическое иерархизированное пространство. Я не скажу, что это было неудачной попыткой. Есть определенные достижения, с этим надо согласиться. Но вместе с тем, конечно, очевидны и промахи, ошибки, которые имеют и объективный, и субъективный стороны.

С другой стороны, я видел и на некоторых обсуждениях говорил, что чувствовалось желание и стремление все-таки выстроить заново некие очищенные, общественные отношения. Причем попытка бороться с той проблемой, которая, к большому сожалению, имеет место быть в нашей с вами стране, это криминализация общественных отношений. Я думаю, что борьба с ней оказалась малоуспешной. Тем не менее, стремление и желание людей, в том числе и президента страны, должны получить определенную поддержку.

В целом, если говорить о логике развития страны, конечно, у меня лично вызывает сожаление то, что процесс обесценивания строительства национального государства имеет место быть. Думаю, что нам серьезно нужно задуматься над этой проблемой. Причем думать об этом надо не только президенту, правительству, не только депутатам, но и, наверное, простым

людям, которые живут в этой стране, хотя совершенно очевидно, что рутинные, повседневные проблемы порою затмевают, как это ни покажется парадоксальным, более сложные, более, может быть, важные вопросы построения государства, общества и так далее.

То, что касается проблем, которыми я занимаюсь, они в какой-то степени будут перекликаться с тем, о чем сегодня говорила Эльмира Ногойбаева. Я хочу сказать, что сегодня, как это ни парадоксально, во внешней политике или в международном пространстве возникла следующая ситуация. У президента Атамбаева более широкие, нежели чем были у предыдущих президентов, возможности, связанные с сотрудничеством в международном пространстве. Я думаю, что этому есть определенные объяснения, но парадокс заключается в том, что ситуация безальтернативна. Как с этой ситуацией справиться, я не знаю. В смысле, я не знаю, как это будет делать президент. Но сам по себе парадокс – странная вещь. Он либо порождает новый парадокс, либо приводит к кризису. Я думаю, что эту проблему надо решать и надо ее решать самым серьезным образом.

То, что касается проблем безопасности, я думаю, что то, о чем говорила Эльмира Ногойбаева, абсолютно справедливо, говоря о внешних и внутренних проблемах безопасности. Но я скажу, что если мы говорим о внутренних проблемах, то какого-то конструирования самой схемы, связанной с ситуацией по внутренней безопасности, возможности ее обеспечения, к большому сожалению, до сих пор нет. То, что касается внешней безопасности, то, к еще большому сожалению, это не эксклюзивно только для Кыргызстана, проблема в том, что мы делегировали эти проблемы другим государствам. Зачастую это не региональные акторы. В частности, например, проблема Афганистана.

Я вам скажу, что в Центральной Азии практически никто не занимается всерьез этой проблемой. Моделирования последствий того, что может произойти через некоторое время, пока нет.

Часть проблем, которые стоят перед нами, решается в оперативном контексте, для другой части нужно прорабатывать возможные и перспективные проекты по их решению. Но все это возможно при одном условии, что мы с вами попытаемся жить без конфликтов и попытаемся все-таки думать о том, чего мы с вами хотим.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта «Молодые лидеры и разрешение конфликтов» при поддержке Национального фонда в поддержку демократии (NED).

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)